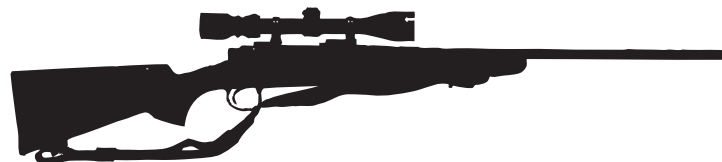

Михаил Лифшиц

ОБНАЛИЧКА

И ДРУГИЕ
ОПЕРАЦИИ
роман

«Национальный Книжовый Проект»

ББК
Л64

Иллюстрации, обложка
Натальи Задорожной

Лифшиц М.
Л64 Обналичка и другие операции : роман / Михаил Лифшиц ; ил. Н. Задорожной. — К. : Национальный книжный проект, 2012. — 384 с. : ил. — ISBN 978-617-592—

Герой романа Артур Калмыков после университета в течение нескольких лет занимался финансовыми махинациями. На этот вид деятельности Артура направили три солидных человека: его отец, государственный чиновник, его преподаватель — профессор университета, и его начальник — крупный инженер. Судьба Артура и судьбы этих трех человек описаны в романе на фоне реальных событий, происходивших в СССР и в России вплоть до наших дней.

ББК

ISBN 978-617-592—

© Лифшиц М., 2012
© Задорожная Н., иллюстрации,
обложка, 2012
© ЧАО «НКП», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть хороших современных книг посвящена героям давно минувших лет или людям, живущим в дальних странах или в будущем, или людям, живущим в России в наше время, но непохожим на наших живых соотечественников, а Россия в этих книгах мало походит на ту страну, которую мы видим и знаем.

В этом состоит особенность литературных произведений нашего времени — по ним нельзя составить верное впечатление о нашей жизни. Постороннему исследователю легче понять советскую жизнь, описанную в книгах, подвергшихся советской цензуре, чем, читая бесцензурные книги современных писателей, разобраться в том, что происходит в России в конце XX — начале XXI века.

Главная причина оторванности литературы от жизни состоит в том, что читателей стало значительно меньше, чем раньше, двадцать-тридцать лет назад. Выросло уже второе нечитающее поколение. Косвенным доказательством малой начитанности граждан бывшей «самой читающей страны» явился провал проекта «Имя России», в котором народ назвал Сталина, как самого популярного и любимого деятеля русской истории всех времен. Нечитающее население полагает,

что при Сталине все честно работали, а в лагерях сидели враги народа. Руководителям проекта пришлось, чтобы не опозориться, «вручную» исправлять Сталина на Александра Невского.

Лишенные массового читательского контроля писатели пишут небрежно, не зная предмета, раздают необоснованные оценки, «списывают» друг у друга, презирают современников и морочат голову им, а, возможно, и потомкам.

А наше время имеет такие черты, которые хорошо бы зафиксировать, отметить, описать. Эти черты исчезнут, тогда потомки не смогут понять истории своей страны и будут повторять наши ошибки.

Одна такая черта состоит в том, что значительная часть хозяйственной жизни России идет тайно, или «как будто тайно», не облагается налогами, не в полной мере контролируется официальной властью. Неофициальная деятельность финансируется неучтенными средствами. Неучтенные деньги имеют название «черный нал». Из этих денег дают взятки, на эти деньги чиновники строят себе дворцы в Подмосковье и за границей, эти деньги дают «в конвертах» в качестве части зарплаты на предприятиях.

Но на эти деньги построены многие прекрасные общественные здания, выполнены многие необходимые для страны работы, произведены многие научные исследования, воспитаны многие специалисты, потому что сделать что-нибудь официальным путем в России очень трудно, легче догово-

риться, потом достать из кармана деньги и заплатить.

Таким образом, «черный нал» проявляет себя и как «мертвая вода» нашей жизни (питает коррупцию), и как «живая вода», потому что порой создать что-нибудь хорошее можно только расплатившись «черным налом», тем самым обходя бюрократические рогадки и высокие налоги.

Для создания «черного нала» работает индустрия перевода денежных средств, существующих в виде чисел на счетах и строчек в различных бюджетах, в пачки денег, лежащие в портфелях или в карманах. Называется эта индустрия «обналичка», и в ней работают реальные люди. О них роман, предлагаемый вашему вниманию.

Помимо обналички есть много других особенностей нашей жизни, которые при всей своей дикости и противозаконности широко распространены, ежедневны, и поэтому кажутся привычными. Нарушения закона, то есть преступления, настолько многочисленны, что большинство нарушающих закон — это обычные люди, потому что, где же столько преступников найдешь?! Эти люди так зарабатывают на жизнь.

Когда пишешь о музыкантах, в текст можно вставить ноты. В романе о людях, которые занимают деньгами, приходится некоторые строки посвящать и самим деньгам. Эти строки походят на выдержки из финансового отчета. Однако автор надеется, что некоторым читателям и эти строки покажутся интересными.

Часть 1

ОБНАЛИЧКА

СОВЕЩАНИЕ

10 декабря 1992 года, в четверг, в приемной директора научно-исследовательского института, расположенного в центре Москвы, собрались семь человек, вызванных на совещание к директору, в основном, начальники. Четверо из этой семерки сидели вдоль стеночки и вполголоса разговаривали между собой, с опаской оглядываясь на Эмму при каждом слове. Если кто-то говорил слишком громко, Эмма, не глядя на нарушителя, чуть поводила круглыми плечами, и крикун сразу понижал

голос. Поэтому начальница юридического бюро Евгения Сергеевна, полная красивая женщина, чтобы не шуметь, чуть слышно шептала что-то шептала на ухо своей соседке — главному бухгалтеру института.

Три заместителя директора, тоже вызванные на совещание, не садились, а стояли у окна и неспешно переговаривались, не глядя на остальных. Сразу чувствовалось, что эти трое старше чином, чем сидящие на стульях сотрудники. Но Эмму они тоже боялись, поэтому разговаривали тихо.

Эмма, секретарша Юрия Иннокентьевича, «корпусная» дама лет сорока пяти, восседала за своим двухтумбовым столом и подшивала документы в папки с таким видом, как будто это она была самой главной в приемной, главнее заместителей. О величии Эммы свидетельствовало и ее рабочее место. Это был не «секретарский закуток», а большая часть приемной с большим письменным столом. Справа от стола Эммы была дверь в кабинет директора, слева — дверь в кабинет главного инженера. Эмма сидела в большом вращающемся кожаном кресле. За спиной Эммы возвышался стеллаж с папками, а по обе стороны от стеллажа — два окна приемной.

Кроме стеллажа никакой мебели вокруг секретарского стола не было. Прямо напротив стола Эммы находилась дверь в коридор, через которую входили и выходили посетители. По обе стороны от этой двери стояли стулья. Каждый посетитель, чтобы подойти к столу с любой стороны (от входной двери, или от дверей кабинетов, а, особенно, от противоположной стены, вставши со стула и еще не до конца распрямив ноги) должен был пройти пару метров по свободному пространству. Преодолевая этот путь к Эмме, посетитель имел возможность проникнуться сознанием ничтожности своего дельца и усомниться, стоит ли беспокоить Эмму из-за пустяка.

По истечении некоторого времени Эмма, не получив никакого явного указания, без звонка или другого сигнала от директора, подняла голову и сказала: «Проходите, можно», и сотрудники, ожидавшие в приемной, стали заходить в двойную дверь директорского кабинета. Через несколько секунд после последнего, вошедшего к директору, приемную пересек главный инженер Борис Сергеевич — из своего кабинета прошел в директорский.

Все расселись, директор поднял голову от бумаг, оглядел присутствующих и сказал в черный аппарат: «Эмма, у меня совещание». После этого он встал из-за стола, подошел к двери и запер ее на задвижку.

— Итак, начнем, — сказал Юрий Иннокентьевич, снова усевшись в свое кресло. — Здесь собрались представители разных специальностей, сотрудники разного уровня и с разным опытом работы. Присутствуют Борис Сергеевич, мои заместители по режиму, по кадрам, по экономическим вопросам. Руководитель юридической службы, отдела труда и заработной платы и главный бухгалтер. Наряду с опытными работниками я пригласил Артура Артуровича Калмыкова, молодого управленца, пришедшего к нам из университета. При этом на совещании нет технических руководителей, даже главных конструкторов разработок я не вызывал. Нет здесь также представителей общественных организаций... Впрочем, председатель профсоюзного комитета нам, возможно, понадобится, но не на этом этапе.

Директор сделал паузу и обвел всех взглядом. Опытные сотрудники поняли, что директор вполне осознанно не позвал секре-

тая парткома. Артур же про партком не думал и ожидал, когда кончится вступление, и директор перейдет к сути дела.

Директор продолжил:

— В связи с наставшими переменами в стране наш институт оказался в очень тяжелом положении. Финансирование большинства заказов прекращено или проводится нерегулярно и не в договорных масштабах. Нам скоро нечем будет платить заработную плату, не говоря уже про оплату договоров со смежными организациями. Наши разработки по-прежнему необходимы государству, мало того, в ближайшем будущем нам разрешат работать с инозаказчиком. Но, чтобы получить деньги от заказчиков, как наших, так и иностранных, нужно время. Мы должны принять программу, которая бы позволила институту продержаться год-два. На мои просьбы в министерстве отвечают предложением сокращать численность работников. Наряду с этим обычным предложением прозвучало и нечто новое. Во-первых, нам разрешат сдавать часть помещений в аренду посторонним организациям. Арендой займутся соответствующие службы, такую задачу я им уже поставил, — директор кивнул

на замов по экономике и по режиму. — Во-вторых, нам предложено «оптимизировать налоги». До сих пор мы, не задумываясь, перечисляли положенные платежи в государственный бюджет. Ведь мы сами — бюджетная организация, сами живем за счет налогов. Теперь же налоговые платежи в прежних масштабах стали непосильным бременем для предприятия. Никаких разъяснений термина «оптимизация налогов» мне не дали. Наши экономисты и юристы беспомощно разводят руками, тоже ничего не могут объяснить, — тут директор устремил укоряющий взор на одного, потом перевел глаза на другого участника совещания, на третьего, пока не пронзил взглядом каждого. — Привыкли работать по старинке, не хотите думать! Привыкли жить за счет инженеров и рабочих, да еще смотрите на инженеров свысока. Теперь инженеры нуждаются в вашей помощи и не могут ее получить. Уйдут люди, где мы потом найдем специалистов?!

Директор разгневался, поднялся из-за стола и, опершись руками о столешницу, стал в упор смотреть на заместителя по экономике и на главного бухгалтера. Выдержав паузу, директор сел, еще помолчал и произнес:

— Заместителю директора по экономическим вопросам и главному бухгалтеру в течение трех дней подготовить предложение по численности работников своих служб. Вот так!

Названные лица записали по несколько слов на листочках и подняли глаза на директора.

— Мы должны в короткий срок освоить то, что в министерстве назвали «оптимизацией налогов». Это — важнейшая задача, это — предмет совещания, на которое вы приглашены, — продолжил директор. — Далее хочу подчеркнуть, что я со всей ответственностью составил список сотрудников, участвующих в нашем совещании. Прошу вас работать над поставленной задачей только с теми, кого вы здесь видите. Привлечение любого другого человека возможно только с моего разрешения. Учитывая высокий приоритет этой задачи, прошу вас также облегчить взаимодействие, даже в ущерб обычной субординации.

Тут директор посмотрел на Артура Калмыкова, давая понять, что этого молодого специалиста присутствующие здесь начальники должны принимать вне очереди.

— И последнее. Я понимаю, что на какое-то время мы изменим методы оплаты труда и распределения работ. В отличие от прежних, простых и понятных, новые методы станут, скажем, более сложными и менее привычными. Мы вынуждены так поступить, чтобы спасти предприятие, чтобы сохранить костяк коллектива. Тяжелые времена закончатся, и мы вновь будем делать свое дело — разрабатывать для страны новую технику. Теперь же мы вынуждены... юлить. Так вот, если кто-нибудь из присутствующих на совещании использует эти временные трудности для личного обогащения, если мне станет известно, что, прокладывая новое русло, кто-то прокопал канал для себя... я этого сотрудника немедленно уволю, невзирая на прошлые заслуги. Или даже инициирую его уголовное преследование...

Произнося эти слова, директор смотрел в стол перед собой. Конечно, угроза прозвучала бы лучше, если бы он гневно оглядывал участников совещания. Но директор пригнул голову, потому что истинный смысл сказанного состоял в следующем. До сего момента Юрий Иннокентьевич самолично распоряжался деньгами предприятия, нико-

го не подпуская к этому важному делу. Он считал, что только он может правильно распределить средства, а остальные непременно не удержатся и стащат. Заместители директора имели разрешение распоряжаться только незначительными суммами, просто курам на смех. И вот теперь директор был вынужден слегка развязать пустую мошну. Он страдал и боялся воровства. Сейчас воровать было нечего, но он боялся, что украдут те деньги, которые появятся потом.

Слова свои директор обращал ко всем присутствующим без исключения. Почти все тоже опустили головы, смутились из солидарности с ощутимым директорским смущением. Только главный инженер осматривал всех гордым петушиным взором, подчеркивая, что уж его-то никто не уволит, и предупреждение о недопустимости воровства к нему никаким боком не относится. Это они с директором уволят любого, кто проворуется. Заместитель по режиму тоже не опустил голову, как бы говоря директору: «Не ты меня назначил, не тебе меня и снимать!»

Выдержав паузу, директор продолжил свою речь в мажорном ключе.

— В случае успеха нашей работы, если мы сумеем облегчить жизнь предприятия, изыщем средства для сносного существования, все активные участники этого проекта, конечно, будут поощрены. Для этого можно создать специальный фонд.

Думаю, что сейчас высказываться еще рано, задача только поставлена. А через неделю прошу подготовить ваши соображения. Но строго по профилю руководимых вами служб, не мучайтесь над задачами соседнего подразделения, нечего тут... — директор замаялся и опустил глаза, скрывая раздражение от ожидаемого им стремления начальников свалить работу на соседа. — Все, совещание окончено. Вы свободны, товарищи. Артур Артурович, останьтесь.

Все потихоньку вышли из кабинета.

Артур пересел поближе к директору. Юрий Иннокентьевич дождался, когда они с Артуром остались вдвоем, и повторил для молодого сотрудника все ранее сказанное, чтобы парень выучил постановку задачи наизусть.

— Ситуация сложилась следующая. Наши изделия нужны стране. Сомнений в этом нет, и вы будьте в этом уверены. Причем идет

постоянное конкурентное совершенствование наших разработок, без модернизации арсенал быстро устареет и отстанет от зарубежных аналогов. Поэтому нас всегда поддерживало министерство, заказчик, высшее руководство. Однако, в последние годы поддержка ослабла. Учитывая важность нашей работы, я уверен, что это ослабление — временное явление, финансирование будет восстановлено. Но это время нам нужно продержаться самим, сохранить костяк института. Нужны деньги, в первую очередь, на зарплату основным сотрудникам и на другие жизненно важные расходы. А мы значительную часть денег, которые сейчас с трудом получаем, отправляем назад в казну. Нужно сделать так, чтобы у нас оставалось побольше, собственно, на это предприятие и получило «добро» в министерстве. Задача серьезная, я опасаюсь, что старыми силами мы ее не решим. Я пригласил вас, создал вам такой режим работы, которого нет ни у одного молодого специалиста. С сегодняшнего дня начинается активная фаза вашей деятельности. Я надеюсь, что за три месяца вы в достаточной степени ознакомились с юридическими и экономическими основами деятельности

предприятия, в частности, с налогами и обязательными платежами, которые мы платим. Через неделю, в следующий четверг, я жду от вас сообщения по структуре этих платежей с предложением по возможности уменьшения нагрузки. По каждому платежу мы должны представлять, как сэкономить и на каком уровне потребуются согласование. Если, по вашему мнению, согласование вообще не требуется, это тоже можно будет обсудить. Сейчас такие времена, что работать в белых перчатках не получится. Я вас больше не задерживаю, можете идти. Проникнитесь важностью этой работы. Предупреждаю, что халатного отношения к работе я не потерплю.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Артур вышел из директорского кабинета подавленный не столько сложностью поставленной задачи, сколько

неясностью, непониманием, чего от него хотят. Предприятие платит в казну то, что платило всегда. Некоторые налоги считают, исходя из фонда зарплаты, некоторые считаются по-другому. На каждый налог есть документ: закон, постановление, решение или инструкция, иногда очень старые, даже со ссылкой на Совет Народных Комиссаров СССР. От него-то что требуется? Найти какую-нибудь юридическую заковыку, чтобы не платить? Вряд ли это удастся...

Артур окончил университет, неплохо окончил. За год до окончания присмотрел себе первое место работы — страховую компанию, начал туда ходить, сначала — иногда, когда время было, потом — регулярно, раз в неделю, зарплату небольшую получал. Артур собирался после окончания университета там осесть. Отец Артура не возражал против страховой компании, но и восторга не высказывал, слушал рассказы сына о работе и молчал, не вмешивался. В общем, Артур вполне готов был к роли веселого подмастерья в страховой компании. Незадолго до госэкзаменов Артура вдруг вызвал декан Рязанцев и предложил работу на государственном предприятии. Артур воспротивился:

«Что, сидеть в каком-нибудь отделе, быть младшим исполнителем, получать задания от старшего исполнителя и управлять только шариковой ручкой? Вы что, Петр Серафимович?!» — «Не совсем так, хотя приписаны вы будете к юридическому отделу, который у них называется «юрбюро», — ответил декан. — Вот вам телефон директора, созвонитесь и договоритесь о встрече».

Директор уговорил Артура, пообещав широкие перспективы и собственный исключительный статус молодого человека на предприятии. И, главное, отец одобрил: «Служба лучше и перспективней!» Придя на предприятие, Артур три месяца читал документы и уходил домой, когда надоедало. А теперь, оказывается, директор хочет сделать из него спасителя своего института!

Все нутро Артура бунтовало против непостижимости этой задачи, мешало радоваться жизни. Ведь все так здорово: он, такой молодой, сидел на таком важном совещании, с такими солидными людьми. Его выделяет директор, сам дает поручения. Отец сказал, что основа успешной работы — иметь дело с первым руководителем. У Артура ореол тайны — никто толком не пони-

мает, зачем его взяли. Взять-то взяли, но теперь директор, похоже, решил за него взяться! Грузит и, будто бы, грозит.

Размышляя таким образом, Артур прошел по широкому коридору, на лестничной площадке остановился в глубокой задумчивости, замерев перед первой ступенькой лестницы, даже вслух произнес: «Ух, ты, ё!». Только потом ступил на ступеньку, спустился по лестнице с пятого директорского этажа на третий и уселся за стол в своей комнате с табличкой «Юридическое бюро» на двери. Посидев, встал, вскипятил себе чаю и, сидя уже с чаем, молча смотрел перед собой в оцепенении. Таких приступов задумчивости Артур раньше за собой не замечал.

— Что, Артурчик, загрустили? — спросила Евгения Сергеевна, выйдя из своего начальнического закутка в юрбюро. — Убоялись бездны практической стороны управленческой науки?

— Да не пойму, чего он хочет... — вяло ответил Артур.

— Стоп, — сказала Евгения Сергеевна. — Во-первых, не называйте Юрия Иннокентьевича «он», а во-вторых, идите к главбуху, посмотрите, как теория сочетается с практикой.

Главный бухгалтер предприятия Галина Валентиновна, крупная тетка в очках, сидела за столом в своем кабинете и беседовала со своей замшей о том, стоит ли ранней весной поливать кипятком смородиновые кусты от «огневки». Когда вошел Артур, хозяйка кабинета пригласила его: «Садитесь, Артур Артурович!» Потом закончила разговор: «Нет, я в этом году, как весна настанет, поеду, полью. Да и соскучилась я по саду. Ну, Ольга, иди. У нас тут секретный разговор». Заместительница вышла, Галина Валентиновна с улыбкой посмотрела на Артура и сказала: «Слушаю вас внимательно...»

— Скажите, Галина Валентиновна, как вы определяете налоги и другие обязательные платежи, которые платит наше предприятие? — произнес заученную фразу Артур.

— У нас есть специалисты, которые занимаются каждый своим налогом. На некоторых налогах сидят по несколько человек, — главбух отвечала вежливо и сдержанно — солидная и властная тетя решила подождать и посмотреть, как пойдет разговор, все-таки мальчишка не простой, директор велел с ним разговаривать.

— А как они определяют размеры платежей, какими документами пользуются?

— Как какими? У нас есть министерские инструкции, циркулярные письма, да много всего, все шкафы заполнены... Если, конечно, несекретные. Секретные — в первом отделе.

— Это ведомственные документы. А законы? Как ваши сотрудники работают с законодательной базой?

— Что-что?

— Ну, как вы отслеживаете новые законы? — не очень уверенно сказал Артур.

— Послушайте, молодой человек. Я — тридцать лет в бухгалтерии, из них пятнадцать лет — главный бухгалтер. За эти годы я ни разу ничего не платила по закону, который в газете прочитала! У меня есть инструкции из главка, по ним мы и работаем. Законы пишутся для министерства. В министерстве целые подразделения разрабатывают инструкции, как эти законы трактовать и применять. В инструкциях, кстати, указывается, на основе какого закона они составлены. А также указано, из какого столбца и из какой строки брать цифру, на что умножать, на что делить, чтобы получился правильный налог.

— Но ведь сейчас так много нового в законодательстве! Инструкции не успевают, наверное!

— Это нас не касается... Бывает, конечно, не успеваем что-то проплатить или даже вовсе не хотим. Я тогда еду в министерство и договариваюсь. Письмо составляю, Юрию Иннокентьевичу дам подписать, ну, и договариваюсь, как правило.

— Но ведь есть законы, документы прямого применения! А так работать, ну, несовременно, что ли!

— Ах, вот как! А если мы не так пойдем эти законы? Что я скажу? Что у нас есть молодой специалист Артур Артурович, который разъяснил, что можно этот налог не платить? Нет уж, у меня больших нарушений ни разу не было, за все отчитывалась, слава Богу! А по вашей прихоти я в тюрьму садиться не хочу и Юрия Иннокентьевича не дам посадить!.. Хотя, конечно, если нет присвоения — не посадят. А я ничего не присваиваю, и вам присваивать не разрешу, — насмешливо сказала главбухша.

Артур никак не ожидал такого противодействия. Он полагал, что состоит в некоем тайном обществе, высочайше призванном

спасти предприятие от краха. И главный бухгалтер тоже состоит в этом обществе. А между членами общества не может быть никакой борьбы, только взаимопомощь для достижения высокой цели.

Галина Валентиновна полюбиовалась смущением Артура и сказала.

— Вообще, скажу вам, Артур, что наше предприятие не приспособлено для рыночной экономики. Мы не сосиски выпускаем и не культиваторы «Крот». Если государству нужна наша продукция, то нас вытасят, и налоги простят, и деньги на зарплату найдут. А уж если не нужна, то, как бы мы с вами не бегали от налогов, никуда не убежим — закроют лавочку. Конечно, вам директор поручил, занимайтесь, я вам, чем могу, помогу. Но, знайте, ни на какие авантюры я не пойду.

Расстались на том, что бухгалтерша пообещала за два дня подготовить для Артура краткую справку по структуре налогов и по срокам уплаты их в казну, с указанием документа, по которому исчисляется налог.

Таблица с пояснениями, которую дала Артуру на следующий день Галина Валентиновна, не содержала ничего интересного. Никаких путей для выполнения директорс-

кого задания эта бумага не открывала. А Артур, хоть и немного, но надеялся на помощь... Что же делать, как же быть?

— Ну, что, Артурчик, как у вас дела? — поинтересовалась Евгения Сергеевна.

— Никак. Вот, Галина Валентиновна бумагу дала. Из нее следует, что все платим правильно, меньше нельзя.

— Нет, с такой бумагой к Юрию Иннокентьевичу идти нельзя... — задумчиво сказала Евгения Сергеевна, внимательно прочитав справку бухгалтерии. — Вы, вот что, оформите эти данные наглядно и красиво, чтобы не стыдно было директору показать. Заодно, пока будете рисовать, сами получше разберетесь.

Артур удивленно посмотрел на начальницу. «Да, хитрая тетка», — подумал он.

— Что смотрите? С рисованием-черчением у вас как? Ну, я вас пристрою в КБ, там девочки симпатичные, помогут.

Евгения Сергеевна посмотрела в телефонном справочнике и набрала номер по внутреннему телефону.

— Владимир Васильевич? Здравствуйте. Это — Евгения Сергеевна из юрбюро вас беспокоит. Как вы поживаете? Хочу тебя, Во-

лодя, поблагодарить еще раз за сына. Ну да, да. Так вот, продолжение есть: твой чертеж у него в институте на стенд повесили, как пример образцового выполнения курсового проекта! И девчонкам твоим, конечно, спасибо! Я опять к тебе с просьбой. Володя, выдели, пожалуйста, кульман на два-три дня. К тебе подойдет наш новый сотрудник Артур. Нет, нет, не на коне приедет и без рыцарей «Круглого стола», ха-ха-ха! Потому что он — не король Артур из Камелота, а Артур Калмыков из Москвы. Ему нужно для доклада Юрию Иннокентьевичу плакат нарисовать, а может, два. Красивые, яркие, наглядные. Хорошо, фломастеры он свои принесет. А ватмана листочек дашь? Ну, раз вы такие добренькие, то попроси кого-нибудь из твоих конструкторов немножечко ему помочь. Ну, в смысле графики, композиции, подбора цветов. Только за него рисовать не надо — он должен в процессе создания плакатов кое-что осмыслить. Пусть кульман не на самом проходе будет, дело деликатное, поручение директора.

— Все, Артур, я договорилась. — Евгения Сергеевна повернулась к Артуру. — Купите хорошие фломастеры, и завтра с утра идите

в корпус «В», на третий этаж. Там спросите бригаду Кучерова.

АРТУР В ГОСТЯХ У КОНСТРУКТОРОВ

— Светлана Всеволодовна, помогите нашему гостю, пожалуйста. Научите с кульманом обращаться, дайте ват-

мана лист, карандашик, ластик. В общем, курируйте его, — сказал Володя, обращаясь к девушке в белом халате, стоящей за кульманом.

— У меня этой работы нет в плане, — не отрываясь от своего чертежа, сказала Светлана.

— А вы сверх плана.

— Сверх плана не могу, у меня план напряженный.

— Тогда в порядке техучебы, — чувствовалось, что добиться любого пустяка от Светланы непросто. Владимир Васильевич это знал.

— Чему же я тут научусь? — спокойно продолжала возражать Светлана, не отрываясь от работы.

— Вы изучите, какие молодые люди есть в других отделах, — серьезно сказал Володя.

— Всегда вы, Владимир Васильевич, случайно возникшую неприятную работу поручаете мне.

— Уверю вас, Светлана Всеволодовна, что это только сначала неприятно, а потом очень приятно, даже увлекает.

— Ну что ж, — сказала Светлана, отложила карандаш и вышла из-за кульмана. — Попробуем увлечься.

Артур окинул взглядом появившуюся перед ним девушку в белом халате и отнес ее по двоичной шкале «годится — не годится» к категории «не годится». Конечно, Светлана не годилась для этого избалованного мальчика из хорошей семьи.

Светлана была, что называется, плохо скроена, да крепко сшита. Невысокая, с широкими плечами, короткой шеей, с низкой талией и кривоватыми ногами, которые плохо скрывал белый халат «миди». Лицо прямоугольное, прямой рот с опущенными уголками, прямые брови, прищуренные глаза,

белая кожа, русые волосы, забранные сзади в пучок.

Но весь облик Светланы излучал такую верность и надежность, такую силу и преданность, что счастлив был бы тот мужчина, который бы захотел прожить жизнь с этой недоверчивой девушкой. Этот умный мужчина получил бы преданную жену и верного друга и помощника, каких поискать. С одним лишь условием. Нужно было бы согласиться на любое свое предложение получать первоначально: «А ты не врешь?». Если удастся объяснить, что не врешь, то можно делать, что хошь, потому что Света не подведет.

Некрасивые девушки из бедных семей, занимающие незаметные должности — травинки на поляне московского рынка труда, как тяжело вам пробиться в жизни! По вам ударил вихрь перестройки, он иссушил вас, но не стронул с места. Вы остались там, где были, приросшие к своему месту, как корнями, привычкой, робостью, дипломом инженера, больной мамой. Перестройка перевела вас из привычной бедности в непривычную нищету, когда есть было нечего и больную маму не на что было лечить. Те-

перь, ко второму десятилетию XXI века, вы вернулись к бедности от нищеты, сидя за тем же кульманом и выполняя ту же работу. Потому что уметь работать и уметь искать другую работу — это совсем разные умения. Но теперь вам уже сорок, или пятьдесят, или больше, и вас время от времени пытаются сократить или выгнать на пенсию, а потом на предприятии появляется заказ, новая работа, и вас оставляют, потому что выполнять заказ, работать за кульманом кому-то надо. Но сокровища вашей души, ваше мастерство, ваша экономность и самоотверженность никому оказались не нужны. Потому что начальник — молодой дурак и случайный человек в профессии или старый бездушный карьерист, муж, если он есть, пьяница или жадина, дети, если они есть, испорчены бабушкой, а самой их растить было некогда, нужно было семью кормить.

Светлана быстро поняла, что нужно Артуру для работы. Дала карандаши, ластик, показала, как пользоваться кульманом, и вернулась к своей работе. Время от времени она спрашивала Артура: «Ну как? Получается?» —

и подходила посмотреть, как получается. Велела сделать рамку на плакате, тогда лучше будет смотреться, подсказала, как расположить диаграммы, потом посоветовала, какими цветами рисовать.

Около 12 часов Светлана сказала:

— Через 15 минут — обед. Пойдешь к белорусам?

— К кому? — не понял Артур.

— Тут у Белорусского вокзала стоят минчане, продукты продают, а мы покупаем, — объяснила Светлана.

— Пойду, — Артуру показалось неудобным отказаться. Ведь придется еще обращаться к Свете.

— А тебя выпустят? У тебя когда обеденный перерыв?

— Выпустят, — сказал Артур. — У меня «свободный проход».

— Ух, ты! У нас даже у Володи нет «свободного прохода»!

В самом начале первого все конструкторы оделись и направились к проходной, чтобы минут за пять до начала перерыва, когда «уже выпускают», выйти на улицу.

Улица, идущая от Белорусского вокзала к Пресне, называется Грузинский вал. На

этой улице, вблизи станции метро «Белорусская — кольцевая» много лет работал цветочный рынок. В любое время дня и ночи там можно было купить цветы. Конечно, дорого, как тогда говорили, «у спекулянтов». Но ведь можно было купить! А в магазинах «Цветы» нельзя было. Там часто не было вообще никаких цветов, о чем извещала табличка «Срезанных цветов нет». А цветы были иногда очень нужны. Вот нуждающиеся в цветах и ехали со всей Москвы к Белорусскому вокзалу. Об этом рынке знали все. Помню, как одна важная дама, пришедшая на юбилей без цветов, говорила другим гостям томным голосом: «Ах! Где вы достали цветы?!» — и гостям было неудобно слушать такое фальшивое оправдание, потому что все знали, где можно «достать» цветы.

В определенный период цветочный рынок сильно потеснился и дал место пассажирам поезда «Минск — Москва». Минчане вечером покупали в магазинах столицы нового независимого государства Беларусь мясо, колбасу, сметану, творог, а утром следующего дня перепродавали все это москвичам. Ни о каких санитарных нормах и правилах речи не было. Покупатели смотрели, нюхали и покупали.

Светлана шла вдоль правого ряда, ближе к мостовой, за ней Артур, за ним — следующий покупатель. Такая же непрерывная цепочка покупателей двигалась им навстречу, от Белорусского вокзала, мимо левой шеренги продавцов. Из-за этого рассмотреть, чем торгуют дальние продавцы в левом по ходу ряду, было трудно. Но все-таки некоторым это удавалось. Тогда, заметив что-нибудь полезное, покупатель кидался из своей цепочки в противоположную, оставляя прореху в своей цепи. Покупатели — обычные москвичи, работники окрестных предприятий. Продавцы — совсем не были похожи на колхозников или профессиональных торговцев с рынков. Тоже обычные городские служащие, которые оформили отгул, купили после работы продукты в магазине в Минске, сели в московский поезд. Сейчас они продадут свои продукты москвичам, обменяют вырученные рубли на доллары, а вечером тем же поездом вернутся в Минск, и сразу — на работу. Продавалось самое обычное: куски мяса, молоко, творог, сыр, сметана, колбаса.

Направляясь на рынок вместе со Светой, Артур думал, почему она его позвала. Что ж, девушка им заинтересовалась. Но представ-

ляет ли она для него интерес, короче, стоит ли ей заняться? Вроде сначала она показалась Артуру не очень... Теперь же, раз пригласила, раз сама навстречу идет, может и ничего?..

Увиденное на рынке увлекло Артура. Две, бредущие навстречу одна другой, ленты бедных покупателей и две шеренги бедных продавцов, обычное продовольствие, к которому здесь относились так внимательно. Света стала проводником, экскурсоводом, помогающим Артуру смотреть этот необычный спектакль.

Светлана купила, что хотела и сказала Артуру: «Все, пойдем!», и они повернули к предприятию.

Миновав проходную, Артур и Светлана разошлись — девушка поспешила к себе, чтобы положить купленные продукты в холодильник до вечера. А Артур направился к себе в юрбюро, посидеть и подумать, что бы еще нарисовать на больших листах ватмана.

АРТУР КАЛМЫКОВ

Раньше Артур плохо представлял себе, откуда у него дома берутся харчи. Периодически он видел, как мать писала или дикто-

вала горничной список продуктов. Однажды новая горничная сказала: «Маргарита Николаевна, можно я полкило красной рыбки для себя впишу?» Мать ответила: «А что у тебя?» — «Да вот, сестра с мужем приезжают...» — «Ладно, — разрешила мать. — Но ты понимаешь, паек всего 150 рублей...» — «Я деньги отдам!» — воскликнула горничная. «Ты не поняла», — сказала мать и продолжила диктовать. Артур тогда тоже ничего не понял, подумал только, что мама хорошо поступила, помогла горничной, хоть та и работала у них на даче недавно. Потом уже, в университете, во второй половине 80-х, когда стали много говорить, один студент-демократ обличал номенклатурных работников, которые семидесятирублевым кремлевским пайком кормили большие семьи экологически чистыми продуктами по ценам 28-го года. Тогда всплыл в памяти тот разговор матери с горничной, и дошел его смысл. Мать не только давала возможность горничной купить деликатесную рыбку, которую в магазине не купишь, да еще по низкой цене, но и за счет своей семьи, которая сверх положенных 150 рублей не могла заказывать.

На первом курсе университета собрались у одной девчонки, почти вся группа. Кинулись накрывать на стол: кто столы двигает, кто режет, кто картошку чистит. Артур бродил, не зная, чем заняться. Вдруг хозяйка квартиры вскрикнула: «Ой, девочки, хлеба нет! Артур, сходи за хлебом! Деньги есть? Булочная — налево, за углом» Деньги у Артура были, и возможность поучаствовать в общей работе обрадовала. Он вышел на улицу и растерялся. О возможности купить нечто съедобное в магазине он знал только теоретически. В свои 17 лет Артур ни разу ничего съестного не покупал в магазине. Вообще-то в семье иногда говорили о «снабжении населения продуктами питания», о дефиците, о нехватках, о закупке продовольствия за рубежом. Но при этом угадывалось, что разговор идет о посторонних людях и о малопригодной пище, потому что он и его родители — не «население», а их еда — не «продукты питания».

В тот раз Артур справился с задачей, купил хлеба, всего один раз спросив дорогу у прохожего. Потом уже привык, не боялся магазинов, даже знал, что можно купить, а чего — нельзя. Научился отличать то, что

покупают, от того, что достают. Про кремлевский паек помалкивал. С детства научился понимать, что не обо всём следует говорить.

У него дома за столом гости рассказывали об успехах в разных областях советской жизни. Кто-то вернулся из командировки в Тынду и говорил, с каким удовольствием вручал правительственные награды и талоны на дублинки строителям БАМа. Другой рассказывал о сложной и ответственной службе в посольстве СССР в далекой стране. Артур слушал, затаив дыхание, и наполнялся гордостью за свою великую державу. Никогда не говорили о бытовых трудностях, о продуктах, не обсуждали, что дешево, что дорого.

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

За три дня Артур нарисовал два отличных плаката. На ватмане были изображены круги с разноцветными секторами, лестницы

гистограмм, черные и красные стрелки и таблица с выводами и рекомендациями.

В назначенный день он пришел к директору, был довольно быстро принят и приступил к докладу. Отбарабанив за пять минут подготовленный текст, Артур сказал: «У меня все!» — и замолчал.

Директор прослушал Артурову речь, опустил голову и посидел, размышляя.

— Какой же вывод из вашего доклада, какие пути вы наметили? Вывод один: все, что мы платим в качестве налогов, мы платим правильно, и сделать ничего нельзя?

— Ну не совсем так... Вот здесь показано, что вот это можно не платить, и это тоже. Во всяком случае, есть основания попросить о льготе. Пока будут разбираться, время пройдет, положение предприятия, возможно, поправится...

Директор молчал, рассматривал плакаты. Потом сказал:

— Шаг сомнительный, к тому же, малоэффективный. Если мы сделаем этот шаг, то сколько мы сможем сэкономить?

— Ну, вот здесь 10%, но с учетом... Ну в общем, процентов 8 от фонда заработной платы...

— Такая экономия нас не устроит... Ладно, давайте подойдем по-другому. Скажите, сколько денег должно получить предприятие, чтобы мы могли заплатить работнику один рубль?

— Как это, не понял?... — промямлил в ответ Артур.

— Что вы не поняли? Ведь это самое главное! Мы получаем деньги из казны, а затем большую часть отсылаем назад в казну. Поступать таким образом мы сейчас уже не можем — денег нет. Ваша задача была в этом разобраться. А вы не смогли ответить на простой вопрос. Это основополагающий вопрос! Идите. Первый доклад вы провалили. Плакаты свои вечером заберете у Эммы.

Артур вышел от директора в том же настроении, что и в прошлый раз. Полное недоумение. Что же ему нужно?! Вроде и подготовил, — да не то! Чего же директор хочет?! Плакаты он оставил у себя, значит не такие уж пустые плакаты!

Вернувшись к себе в глубокой задумчивости, Артур заварил чай и уселся за свой стол, глядя в одну точку. И снова, как в тот раз, из своего закутка выглянула Евгения Сергеевна. Ничего не сказав Артуру, она по-

манила его к себе. Когда Артур подсел к столу начальницы, Евгения Сергеевна закрыла дверь в свой кабинетик и с сочувствием спросила: «Ну, как?».

Прослушав рассказ Артура, Евгения Сергеевна задумалась, потом сказала.

— Ну, с цифрами вы разберетесь. То, что Юрий Иннокентьевич оставил плакаты у себя, это — хорошо. Будет смотреть. Подготовьтесь к вопросам по плакатам. Но это все не главное. Главное, что вы от него довольно быстро выскочили. Похоже, есть у директора какое-то решение, но говорить, поручать вам что-либо определенное он не хочет. Ждет, пока вы ему сами предложите. Есть у него такое обыкновение, я с этим сталкивалась уже. «Разгром» Фадеева читали? Нет? Ну, ладно. Так там тоже командир партизанского отряда Левинсон представил свой план, как план партизана Метелицы, как будто не командир его предложил, а Метелица. Никого из них не знаете? Они тут, недалеко от нас, на Миусской площади стоят: и Фадеев, и Левинсон, и Метелица — памятник такой... Так вот, не переживайте, но и не расслабляйтесь, ищите ответы на поставленные вопросы, работайте.

Совсем не представляя, что делать дальше, Артур пошел бродить по коридорам. Знакомых у него на предприятии не было, да и не велено было ни с кем обсуждать...

И Артур пошел к Светлане.

— Вот, отчитался по нашим плакатам, — сказал Артур Свете, после того, как поздоровался со всеми и прошел за бывший свой кульман.

— Поздравляю! — сказала девушка.

— Особенно не с чем поздравлять — директор сказал, что я доклад провалил.

— Ух ты! Небось, врешь, преувеличиваешь?

— Нет, правда, так и сказал. Но плакаты у себя до вечера оставил. Так что плакаты наши ничего получились. И при таких плакатах — такие результаты!

— Ах ты, бедненький, — искренне пожалела Артура Света. — Чем же тебя утешить?

— Можешь утешить! — осенило Артура. — Реши задачку по алгебре!

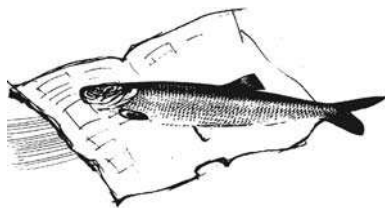
— У тебя что, брат — двоечник?

— Нет, я серьезно. Вот, смотри, работник получает рубль. Но с этого рубля нужно уплатить подоходный налог, профсоюзный взнос, в пенсионный фонд, на медицину, на-

лог на добавленную стоимость, транспортный налог и другое всякое, накладные расходы и прочее. Я понимаю, что решить можно, только не представляю, как взяться!

— Ах ты, гуманитарий малограмотный! Ведь это просто, нужно только ставки налогов знать. У тебя эскиз первого плаката остался? Давай мне эскиз с цифрами, я тебе сделаю.

Через час Артур получил от Светланы аккуратно оформленную задачу. Решение было расписано по действиям, и к каждому действию имелось примечание. Оказалось, что, если не платить за помещение, за электричество, за охрану, не покупать никаких деталей, то за каждый рубль в кармане работника предприятие должно было уплатить еще рубль всяких налогов. Но ведь без электричества нельзя, и без помещения, и без отопления! Директорская забота об экономии стала более понятна. Действительно, сколько не выбивай денег, а большую часть придется — фу! — отдать. «Да, толковая девушка Света», — подумал Артур.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Слушай, Артур!
Приходи завтра к нам.
— Приду...

— Нет, ты не понял. Я тебя приглашаю к нам официально, у нас будет маленький междусобойчик... В общем, у меня день рождения, и я тебя приглашаю.

— Спасибо, приду, — Артур обрадовался, он уже думал, как бы отблагодарить эту девушку за помощь, а тут такая возможность. Вопрос, что подарить знакомой девушке, был решен надолго вперед: мать Артура привезла из-за границы два десятка ниточек речного жемчуга специально для раздачи знакомым. Попросить у мамы ниточку — и готово дело. В Москве конца 1992 года ниточка из маленьких кривых жемчужин, напоминающих молочные зубы, была шикарным подарком.

— Приходи к началу «обеда», мы быстро все приготовим, и сядем, — уточнила Света. «Обед», то есть обеденный перерыв начинался у всех подразделений по-разному, но ведь Артур провел у них несколько дней,

знал, когда у них «обед», поэтому Света не сказала время.

На следующий день Артур пришел с букетиком хризантем, купленных по дороге на работу. В бригаде была предпраздничная суэта. Девушки накрывали три сдвинутых вместе письменных стола бумагой от печатающего устройства АЦПУ-128. Эту бумагу в качестве скатерти использовала вся страна. Парни играли в нарды, Владимир Васильевич работал за своим кульманом. На двух электрических плитках булькали кастрюли с картошкой.

Светлана в уголке чистила на газете селедку. Подняла глаза на подошедшего Артура, посмотрела на хризантемы, сказала: «Какая прелесть, спасибо! Девчонки, поставьте цветы в вазу!» — и снова занялась селедкой. Подскочила девушка-конструктор и забрала букет. Слегка обиженный недостаточным вниманием к своей персоне, Артур решил жемчуг сейчас не вручать, подождать более подходящего момента. Подумав, куда себя деть: подойти к ребятам с нардами или помочь девушкам, Артур подсел к Свете и стал смотреть, как она чистит селедку. Большая фаянсовая селедочница была за-

полнена наполовину. Светлана взяла вторую селедку, острым ножом отрезала голову, надсекла рыбку вдоль спинки, подцепила и сняла кожу сначала с одной стороны, потом с другой, сделала разрез вдоль спинки глубже и распластовала селедку. Такой разделки Артур раньше не видел.

— Здорово у тебя получается, ловко! — сказал Артур.

Света улыбнулась ему и продолжила занятие. Выбрала внутренности, аккуратно отделила икру, соскребла черную пленку, отделила хребет с хвостом, сполоснула тушку в миске с водой, отрезала две полоски — балык, потом обработала третью полоску, живот селедки — тешу, оторвала от нее плавники, поскребла снаружи, чтобы не осталось чешуек, плавничков и прочего несъедобного.

Все отходы Светлана завернула в газету и выбросила в урну с картофельными очистками. Потянув к себе чистый газетный листок, положила его на кухонную досочку и быстро-быстро нарезала приготовленную селедку на кусочки. Поддев линейку селедочных кусочков ножом, Света перенесла ее в селедочницу и аккуратно скинула одним движением ножа.

— Смотри, в газете тоже налогами занимаются! — сказала Света.

— Где, покажи, — откликнулся Артур и потянулся к газете в селедочных пятнах.

— Не бери эту, запачканную! Такие объявления в каждой «Экстра-М», — Света назвала газету, которую бесплатно засовывали во все почтовые ящики Москвы. В основном, листы газеты использовались москвичами на хозяйственные нужды — что-нибудь завернуть, подложить куда-то, а потом выкинуть. Светлана указала на стопку газет, которую принесли специально для этого. Артур взял одну и отложил. «Какая толковая девка!» — очередной раз подумал Артур.

К концу обеденного перерыва справились с подготовкой и уселись за стол. На столе стояла дымящаяся картошка, селедка, домашние соленья, вареная колбаса, купленная у белорусов. Отдельно на небольшой тарелочке разместили главный деликатес — тонко нарезанную «Брауншвейгскую» колбасу. Этот сорт копченой колбасы без очереди продавался на Тишинском рынке в маленьком магазинчике, но стоил безумно дорого.

Такую вкусную картошку Артур ел только раз в жизни, прошлым летом — мать при-

везла с Кипра бумажный пакет и вынула из него три крупных продолговатых клубня. Картошку тогда сварили «в мундире» и лакомилась ею, как неведомым заморским фруктом. А эта вкуснейшая картошка была выращена лично самой именинницей на собственном участке по Дмитровскому направлению! Ура! За здоровье Светланы, картофелеводо-мичуринца!

Пили водку, потом Володя достал из сейфа казенный спирт, и мужчины добавляли спиртом, причем двое не разбавляли. Но никто сильно не напился, некоторые даже говорили, что сегодня хотят еще поработать. Только ходить в другие подразделения Володя запретил.

Светлане прочитали поздравительную оду легкомысленного содержания. Как и во всех трудовых коллективах, в конструкторской бригаде поздравительное стихотворение, обращение к незамужней девушке, было несколько фривольное, призывающее девушку к замужеству:

Наша Света — как конфета.
Нам сегодня двадцать пять.
Вместе означает это:
Скоро свадьбу нам играть!

Такое вмешательство в личную жизнь, всеобщая осведомленность обо всех, даже незначительных событиях в чужой семье, свободный треп о сокровенном удивили Артура еще тогда, когда он сидел у конструкторов несколько дней подряд. Теперь сотрудники подвыпили, — и понеслось! Лезли во все. На застольях дома Артур такого не замечал. Знакомые родителей не были столь откровенны, соблюдали границы между семейным, дружеским и официальным. Да и опасались друг друга, что ли... Студенты в группе тоже особенно не трепались: расскажешь лишнее, а потом собеседник, который тебя так доброжелательно слушал, тебе же твоими же рассказами — и по глазам! Отец объяснил Артуру, что излишняя откровенность — отнюдь не аристократическая черта.

Жемчужная ниточка, преподнесенная Артуром, вызвала восторг. Все девушки примеряли нитку перед зеркалом, парни смотрели на примерку и молчали.

Потихоньку, полегоньку, а время было — третий час, гуляли уже в рабочее время, нарушали трудовую дисциплину. Девушки стали убирать посуду, парни — раздвигать столы. Посуду расставили по стопкам: одна —

своя, вторая — из соседней бригады, надо помыть и отдать, третью, довольно большую, имениннице предстояло отнести домой.

— Неохота тащить... — жалобно сказала Светлана, подняла глаза на Артура и сразу опустила.

— А ты сегодня понесешь? — спросил Артур.

— Нет, сегодня надо скорей домой. Дома родители ждут, волнуются, как прошло. Им все казалось, что чего-нибудь не хватит: или водки, или закуски. Ну, и с родителями сегодня слегка отметим. Сегодня только подарки возьму. А в понедельник посуду понесу, — с улыбкой сказала Света. Жемчужная ниточка светила у нее на шее.

— А можно тебе помочь? В понедельник я могу, а сегодня — есть дела вечером, — предложил свои услуги Артур. Светлана радостно согласилась.

Артур забрал газету «Экстра-М», попрощался и ушел к себе в юрбюро.

Сидя у себя, Артур разложил на столе толстую газету. Четыре первых полосы газеты занимали маленькие, размером со спичечный коробок объявления, объединенные

рубрикой «Финансовые услуги». Текст объявлений был как будто кодированный, непонятный простому читателю, который взял газету, чтобы найти себе одежду, обувь или другой товар получше, подешевле и поближе к дому. В объявлениях значилось: «Оптимизация налогов. Консультации и практическая помощь», «Договоры подряда», «Доверительные финансовые операции. Любые договора. 6%», «Обналичка 108%». Ничего не поняв, Артур сунул газету во внутренний карман пальто, висящего на вешалке, и решил разбираться завтра дома, на трезвую голову.

В субботу на даче Артур снова читал эти объявления и старался понять, что же в них написано. Звонил по указанным в объявлениях телефонам, в первую очередь туда, где обещали консультации. По некоторым телефонам отвечали, несмотря на выходной день, но разговор кончался просьбой перезвонить в понедельник. Голос в телефоне пугался вопросов Артура и его неосведомленности в предмете. Голос готов был отвечать только на определенный набор вопросов. Артур плюнул, и отложил дело до понедельника.

КАТУАР

Понедельник прошел в телефонных звонках. Звонить было непросто, приходилось выбирать момент, когда все сотрудники уходили из комнаты. Разговаривать о таком неясном деле, оглядываясь на соседа, у Артура не получалось, к тому же конфиденциальность требовалось соблюдать. А на том конце провода «напрягались» от эканья и мэканья. Артур это чувствовал. Несколько раз звонил из закутка Евгении Сергеевны, но оттуда было хорошо слышно по всей комнате. Эх, надо было не ездить на работу, а обзванивать эти конторы из дома! В общем, первая половина дня прошла довольно нервно, и главное, впустую.

После обеда позвонила Светлана.

— Ну, как? Поможешь дотащить, не передумал?

— Конечно, конечно, — ответил Артур. — Когда зайти?

Встретились, прошли с сумками через проходную, и пошли к Белорусскому вок-

залу. Мимо кольцевого метро, мимо вокзала, за радиальным метро повернули налево и по узкому проходу вышли на платформу, около которой останавливалась сквозная электричка, идущая сначала по Москве к Савеловскому вокзалу, а дальше — по Савеловскому направлению. Вдоль Бутырского вала электричка ехала очень медленно, медленнее троллейбуса 18-го маршрута — два или три троллейбуса обогнали поезд. Потом, еще медленнее, электричка пробиралась по паутине рельсов, выводящих к Савеловскому вокзалу. Доползли до крайней платформы Савеловского вокзала, опять долго стояли с открытыми дверями.

— Ты каждый день так ездешь? — в наиболее тоскливую минуту ожидания спросил Артур.

— Конечно. На городском транспорте получается дольше и дороже. Только суета, пересадки, перебежки, поэтому не так скучно, — ответила Светлана. — Но я читаю, если сесть удастся, и если какая-нибудь бабка с сумками надо мной не повиснет, чтобы место уступила. А ты как ездешь на работу?

Упоминание о том, что при выборе транспорта от дома до работы может учитываться

стоимость проезда, удивило Артура. Ведь билеты такие дешевые, недавно были вообще по пятаку.

— Мы сейчас тоже за городом, на даче живем. Отец меня до метро подбрасывает на машине, а там — на метро. Если в город вернемся, то пешком буду ходить — мы на Большой Бронной живем, недалеко от Пушкинской площади. За полчаса до работы дохожу без напряга.

— Здорово, центр Москвы!

— Иду по Малой Бронной, потом пересекаю Садовое кольцо, потом по улице Красина — и на Тишинку.

— Я знаю, я так в «Театр на Малой Бронной» ходила с работы.

Молодые люди вели легкую беседу, поезд бежал вдоль Дмитровского шоссе, потом углубился в промзону, потом опять появились жилые кварталы с «промзоновским» названием «Керамический проезд», проехали Лианозово, деревню в Москве, пересекли Дмитровское шоссе, на минуту остановились у платформы Марк. И Лианозов, и Марк, и Катуар — крупные буржуи, но платформы не переименовывались, так и назывались всегда. Выехали из Москвы, проехали Новодачную и Долгопруд-

ный, где из поезда вышли студенты Московского физтеха. Дотряслись до Лобни, а вот и Катуар, пора выходить! Да, долгонько...

Зато от станции было недалеко. Вдоль переулка стояли в ряд несколько двухэтажных восьмиквартирных домов с палисадниками. С одной стороны — два подъезда и с другой — два, по две квартиры в подъезде. Поднялись на второй этаж, Светлана открыла ключом дверь, и они вошли в квартиру.

ДОМ СВЕТЛАНЫ

За тридцать лет до этого дня, в начале 60-х годов, некоторые ведомства построили дома для своих работников силами самих работников. Сначала профком принимал решение о предоставлении работнику квартиры в будущем доме, как остро нуждающемуся в улучшении жилищных условий. На основании этого решения, подписанного директором, секретарем парткома и председателем профкома, человек переставал ходить на службу на предприятие, а ходил на стройку своего будущего дома. Железнодорожники, авиаторы, химики, машиностроители на несколько месяцев стано-

вились строителями. Конечно, проекты были простенькие и дешевые, квартирki маленькие, тесные. Полы были дощатые, совмещенные санузлы красили масляной краской, и помещались в них только ванна и унитаз (на раковину места не было, руки мыли, пуская воду в ванну), кухни имели площадь метра четыре. Но все это казалось мелочами по сравнению с шикарной перспективой получить отдельную квартиру!

В такую квартиру, построенную отцом, привела Светлана Артура. Когда-то здесь жили родители Светы, ее брат и бабушка. Всего въехало в двухкомнатную квартирку четверо. Потом родилась Светлана, и стало пятеро. Теперь остались трое — Света с родителями. У Светы была своя маленькая комната, дальняя, она ее называла «светелкой». А родители спали в проходной «большой» комнате, площадью метров 15. Историю своей квартиры Светлана рассказала Артуру по дороге. Немного волновалась — кто знает, как воспримет московский пижон ее убогое жилище. К ней-то самой Артур похоже привык, к тому же «зауважал». Но не помешает ли плохое впечатление от квартиры ее задумке? Вот

Светлана и рассказала историю квартиры, объяснила, что этой жалкой квартиркой можно гордиться.

Войдя в дверь, Артур почувствовал запах старого жилья и спертый воздух закупоренной квартиры.

— Кто дома? — спросил Артур. Вдвоем с девушкой в пустой квартире — парень насторожился, так охотничья собака замирает и поднимает переднюю лапу, почуяв дичь.

— Никого. Родители уехали на дачу, вернутся завтра, а то и послезавтра.

В теснейшей прихожей даже стоять вдвоем было тесно, тем более, с сумками. Света одной ногой шагнула в кухню и поставила на пол сумки, по одной передавая их из руки в руку. Освободившись от сумок, и освободив Артура, шагнула назад. На полу кухни остался след от сапога.

— Потом подотру, — сказала Света. — Уф! Приехали. Раздевайся!

Светлана, стоя спиной к Артуру, расстегнула шубку.

— Разрешите за вами поухаживать, — Артур взялся двумя руками за шубу, на мгновение замешкался, а потом раскрыл ладони,

схватил девушку за плечи через шубу, привлек к себе и стал ждать, что будет.

Светлана замерла на секунду и подалась назад, навстречу Артуру, прижалась к нему спиной. Артур притянул девушку сильнее к себе. Светлана неожиданно для Артура скинула его руки, крутанулась, повернулась к нему лицом и в распахнутой шубе кинулась к нему в объятия.

Артур скинул с себя пальто, шуба сама как-то сползла с девушки и легла кучей под ноги, на его пальто. Парочка вместе перешагнула через эту кучу.

Они целовались и обнимались, потихоньку перемещаясь из прихожей через проходную комнату в «светелку». В маленькой комнате оба уселись на Светину кровать, с утра застеленную белоснежным крахмальным бельем.

Артур раздевал Светлану, а она послушно вставала, садилась, поднимала руки. Оставшись совсем голой, вдруг всполошилась, босая побежала в ванную: «Ой! Ты не сумеешь!», и зажгла там газовую колонку. Он посидел немного на кровати, потом разделся догола и прилепал к ней в ванную, а потом они улеглись вместе на Светину девичью постель.

Артур почувствовал сопротивление. Света вскрикнула слегка, а дальше все было обычно, привычно для Артура.

— Теперь я такая же, как все... — сказала Света.

— Ты что, девственница? — спросил Артур.

— Уже нет... — ответила Света.

— А почему не предупредила?

— Не бойся, тебе за это ничего не будет...

— Да я и не боюсь, ты что говоришь?! — Артур старался выглядеть настоящим мужчиной, хотя разрушенное им девство Светланы его сначала беспокоило, а обещание, что «ему за это ничего не будет», и вправду, успокоило.

Артур полежал немного и решил, что нужно сказать что-нибудь, приличествующее моменту.

— Ты — молодец. Я очень рад, что ты меня дождалась...

— Давно пора было от этого сокровища избавиться. У нас все девчонки еще в школе попробовали, последние — в институте. Я — самая отстающая... Девушка в двадцать пять лет, ха-ха-ха...

«А она — ничего, с характером, и не приставучая. Можно и... покуривать ее неко-

торое время», — размышлял Артур, лежа рядом со Светланой.

— Тебе, что, совсем не понравилось? — спросил Артур.

— А чему тут нравиться? — с недоумением спросила Света.

— Я тебе обещаю объяснить, что тут хорошего, только не репись... — Артур еще ближе придвинулся к Светлане.

— «Не репись»? Что это такое? — спросила Света, и не отстранилась.

— Не будь колючей, как репейник, не репись. Песенка такая была старая. В ней самые известные слова «До чего ж ты хороша, сероглазая, как чиста твоя душа, понял сразу я...», и есть строчка «Не репись, придусь лучше всех!» — говорил Артур, глядя Светлану по животику.

— Что-то я не помню этих слов... песню слышала, но там не так... — Светлана лежала, вытянувшись, положив ладони на грудь и глядя в потолок.

— Сначала было так, как я сказал, а потом, когда песня стала популярной, строчку заменили, чтобы местными словечками «репись» и «придусь» слушателей не смущать. Стали петь: «В мире ты, клянусь, лучше всех».

— А ты, смотрю, знаток советской песни...

— А еще чего я знаток? — игриво спросил Артур и стал своей рукой отжимать Светин локоть, прикрывающий путь к груди.

— Не знаю, чего, — сказала Светлана, сопротивляясь. — Не лезь!

— Как это не лезь? Полезу, и даже очень, — продолжал Артур. — Раз я — ваш первый мужчина, извольте быть со мной поласковой! Я жажду любовных утех!

— Любовных утех без любви не получится... Я Володю люблю... — грустно и решительно сказала Света.

Артур прекратил борьбу с ее рукой и лег на спину рядом со Светланой: «Да, тяжелая девка, все усложняет, на пустом месте разводит такие турусы на колесах! Зачем она это говорит? Обидно все-таки. Сама не Бог весть что, а меня унижает. Нашла себе наёмного дефлоратора! И хорошо, не жалко будет бросить!»

— Ну и завалилась бы со своим Володей! — искренне сказал Артур.

— Ты что! Он женатый, и у него двое детей! Как ты грубо сказал: завалилась...

— Обидно, все-таки...

— Не обижайся, я тебе так сказала, чтобы ты не лез. У меня такое важное событие в жизни, мне нужно все обдумать, решить. Ты — хороший парень, мне нравишься. И девчонки наши говорят, что ты — хороший парень. Но Володя — талант, блестящая голова, золотые руки и очень добрый, всем помогает. Он такие сложные устройства придумывает! В них все движется, качается, перемещается, а он эти перемещения в голове моделирует. Ходит по коридору и обдумывает. Редко-редко подойдет к своему столу и какой-нибудь узел из пластилина слепит, посмотрит, потом снова ходит, думает. Я его один раз спросила, как это у него получается. А он мне ответил: «Я еще что! Я миллиметры чувствую. А у нас был Сыромятников, он сейчас ушел в другое место, так вот он десятые доли миллиметра чувствовал. Вот это да!» Видишь, скромный какой! Это на работе. А дома миллиметры не нужны, так он там творит всю — на потолке его самодельные люстры, на стенах — написанные им картины, дети ему в рот смотрят. Разве я могу на все это покуситься?!

— Ну, раз он занят, придется со мной... Конечно, мы им не чета, но тоже кое-что можем... — начал новую атаку Артур.

Светлана, рассказав про Володю, почувствовала, что долг свой она выполнила, все назвала своими именами, и перестала противодействовать домогательствам Артура.

РАЗЪЕЗДНОЙ ВТОРНИК

Во вторник Артур не пошел в институт, а стал объезжать конторы, которые выбрал по газете. Задачу он себе поставил четко: выяснить, как не платить налоги.

По первому адресу не нашел никого. «Была такая организация, три дня назад съехала, куда — не сказали, мы с ними никаких дел не имели. Их все время спрашивают, даже нам вопросы задают, надоели уже. Вы им что, тоже деньги перевели?» — сказали Артуру за соседней дверью. «Да... — подумал Артур. — Тут можно сильно влипнуть».

В следующем офисе все были на месте, сидели за столами с компьютерами и жали на клавиши. На окнах — жалюзи, на стенах — большие фотографии: лес, поле, речка. Посетителей принимала девушка, отделенная барьером. Перед Артуром стояли двое. Первый сказал: «Вы мне дайте рублевые реквизиты». Девушка протянула ему листочек из стопки. «Технопромсервис», — вслух прочел посетитель, потом сказал. — Ну что ж, это подходит. А как можно получить?» — «Как придут деньги, на следующий день после часа здесь, в офисе», — ответила девушка. — «А по копии платежки нельзя? — спросил посетитель. — А то долго ждать». — «Нет, — ответила девушка. — Мы так не работаем». — «Я вам копию с отметкой банка принесу! — стал спорить посетитель. — «Это я понимаю. Но, извините, мы так не работаем!» — вежливо, но твердо сказала девушка. Это был разговор профессионалов. Артур ловил каждое слово.

Следующий посетитель был не так уверен в себе.

— Я вот тут подготовил договоры, акты и все остальное, — он положил на барьер стопочку бумаг, разделенную скрепками.

Девушка протянула руку, но посетитель ей документы не отдал.

— Скажите, вот у нас есть льгота по НДС, я в договоре указал, что без НДС, и документ приложил. Вас такой договор устроит?

— Устроит.

— Но у нас эту льготу могут не пропустить. Я тут другой вариант подготовил, с НДС. Можно, я у вас оба варианта подпишу?

— Можно.

— А мы потом разберемся и сделаем, как сочтем правильным.

— Хорошо. Ну, давайте же бумаги! — Взяв пачку документов, девушка удалилась за перегородку, послышался стук печати и шуршание бумаги. Девушка вернулась, отдала документы посетителю и сказала с улыбкой:

— Вот ваши экземпляры, когда отправите деньги, позвоните.

— А как вы нам посоветуете, может быть, нам и не связываться с этой льготой? Такое ощущение возникло, что нам и не нужно без НДС...

— Вообще-то, мы таких консультаций не даем, — девушка испытывала сочувствие к робкому клиенту, который не знал, как поступить с собственными деньгами. — Но, мне

кажется, ваши сомнения обоснованы. В данном случае налоговые льготы не следует упоминать в договоре.

— Спасибо за совет, мы, наверное, так и поступим! — обрадовался посетитель. — До свидания! Спасибо!

Подошла очередь Артура.

— Я бы хотел поговорить с вашим руководителем, — сказал Артур.

— По какому вопросу?

— У нас большая фирма, и нам желательно наладить с вами длительное взаимодействие, а не по разовым договорам.

Девушка повернулась и крикнула в глубину комнаты: «Леонид Владимирович! К вам!»

Вышел Леонид Владимирович, низкорослый полный парень с бачками, по виду — ровесник Артура или чуть постарше. Окинул посетителя быстрым взглядом, плохо сочетающимся с его обликом целлулоидного пупса, и пригласил пройти за барьер. Провёл Артура в некое подобие кабинета в углу комнаты, усадил на стул напротив своего письменного стола, сам сел, немножко поёрзал в креслице, как будто не доставал ногами до пола, наконец, уселся плотно и сказал: «Слушаю вас». Артур представился и повторил

только что в очереди придуманную байку о долговременном сотрудничестве.

Леонид Владимирович смотрел на него и соображал: «Артур Артурович этот, скорей всего, не шпион, явной опасности от него не исходит, можно разговаривать. Во-вторых, какое-то предприятие за ним, видимо, стоит, на фуфло он не похож, но не он решает, это тоже ясно, действует по поручению. Когда деньги свои, а не казенные, так себя не ведут. В-третьих, Артур Артурович совершенно не представляет, о чем идет речь. Не станешь же ему объяснять, что жизни предприятию «Технопромсервис» осталось месяца-полтора, а потом ищи-свищи, только на всякий случай сохраняют печать в укромном месте. Хозяином фирмы числится человек, потерявший когда-то паспорт, а адрес фирмы — комната в большом доме в конце проспекта Вернадского, и в «офисе» этом «располагаются» сотни подобных фирм. На смену старой липовой фирме придет новая — ТОО «Разрядэнергопроект», которая давно зарегистрирована, сдает нулевую отчетность и ждет своей очереди, чтобы тоже поработать полтора квартала и исчезнуть. Кое-что можно было бы Артуру Артуровичу объяс-

нить и предложить сотрудничество в привычном русле. Но стоит с ним связываться?.. Пожалуй, не стоит».

— Скажите, Артур Артурович, у вас государственное предприятие и деньги тоже государственные, то есть из госбюджета? — спросил Леонид Владимирович после небольшой паузы. Артур подтвердил.

— Дело в том, что мы не работаем с бюджетными деньгами.

На попытки Артура поговорить еще, Леонид Владимирович отреагировал жестко.

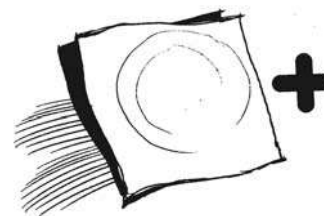
— Это принципиальное решение нашего руководства, — после чего встал и стал ждать, когда Артур уйдет.

«Вот зараза! — мысленно ругался Артур, выходя из конторы. — Поросянок какой! Ничего не рассказал! Чтоб тебя сожрали с хреном!»

Однако и в других местах Артур мало что выяснил. Там, где ему соглашались объяснить природу неслыханных налоговых льгот, говорили, что у них на предприятии работает много подростков, или инвалидов, или пенсионеров, или, что они — благотворительный фонд, освобожденный от всех налогов, и льготу эту фонд таким образом потихоньку

продает другим предприятиям. Артур, юридически подкованный, быстро понимал, что ему «пудрят мозги».

Объехав за день восемь контор, Артур так и не понял механизма превращения безналичных денег в наличные, но узнал, что нужно делать для того, чтобы за переведенные безналичные деньги через пару дней получить ту же сумму наличными без нескольких процентов. Проценты и были платой за то, что конторы умели это делать.

ВТОРОЙ ДОКЛАД

В среду, по дороге на работу, Артур купил три большие розы. Света должна была позвонить, ведь у Артура был на столе персональный телефон с выходом в город через «0», а у Светы такой телефон был один на две конструкторские бригады и еще внутренний телефон на столе у начальника, один на бригаду, на двенадцать конструкторов.

Когда позвонила Светлана, Артур взял букет и пошел на свидание в укромный уголок на седьмом этаже, на площадке лестницы, ведущей на крышу. Лестницу перегораживала решетчатая калитка. На площадке раньше была курилка. Потом директор распорядился оборудовать рядом настоящую курилку с окном, с диваном, с пепельницами и регулярной уборкой. На лестничной площадке курить перестали и использовали закуток на лестнице, чтобы посекретничать.

Встретив Светлану, Артур поцеловал ее в щеку, вручил букет и сказал: «Здрасьте!» Потом объяснил, что вчера был занят — мотался по городу, и сегодня занят, завтра у него доклад директору, нужно готовиться. Света молчала и смотрела на него. «А в четверг давай встретимся. В кино ходим после работы». Света отказалась — возвращаться домой будет страшно. «Тогда — в пятницу, можно даже в театр, возвращаться не придётся, поедem ко мне, хата будет свободна!» — «Ладно, до пятницы решим», — сказала Света, повернулась и пошла с букетом во свояси. Артур посмотрел ей вслед, а потом побежал к себе. Мысли его заняты были только докладом, только подготовкой отве-

тов на вопросы, которые непременно будет задавать директор.

Артур подготовил доклад в академической манере — от простого к сложному, хотя содержание доклада ни к какой научной дисциплине отнести было нельзя. Ведь науки «мошенничество» не преподают в открытых учебных заведениях. Но Юрий Иннокентьевич слушал внимательно, не перебивал, только записывал на листочке возникающие вопросы.

— Предприятие может не выполнять работы и услуги самостоятельно, а поручить другому предприятию. Существует множество контор, которые берутся за любые работы и за любые деньги. Они договора даже не читают, подписывают любые бумаги. Для тех, кто сам не может договор написать, у них подготовлена «рыба», в которую нужно вписать название и реквизиты предприятия, предмет договора и сумму, — докладывал Артур. — Никаких работ эти конторы, конечно, не выполняют, а просто отдают предприятию деньги наличными за некоторым вычетом — заработком этой конторы. А уж предприятие само делает эту работу, оплачивая труд работников, что называется,

«в конвертах», не неся дополнительных расходов, связанных с выплатой официальной зарплаты. Рубль за рубль, а через официальную зарплату получается примерно два рубля с предприятия — рубль работнику, т.е. два рубля за рубль в кармане.

Тут Артур дошел до листочка, на который была переписана решенная Светланой задача. Артур поднял глаза на директора, но тот сидел, слушал, опустив глаза. Артур продолжил:

— Если предприятию нужно купить что-нибудь или заказать некую работу смежнику, то это тоже дешевле сделать за наличный расчет. Здесь, конечно, необходимы доверительные отношения между предприятиями.

— Но ведь расчет наличными между предприятиями запрещен, — задал первый вопрос Юрий Иннокентьевич.

— Запрещен, действительно, но санкций никаких за нарушение этого запрета не ввели. Кроме того, реальное предприятие по документам не будет видно — поставщиком работ, материалов и комплектующих будет числиться та же контора. Там поставят печать на любые акты и накладные. Этой конторе платят безналичные деньги, как положено. А про

наличный расчет никто не знает, и в договорах о наличных деньгах нет ни слова.

— Да-а-а... — замотал головой директор. — И куда ж это мы лезем... А что делать?! Ладно, пошли дальше. Какие риски?

— С момента отправки денег до момента получения наличных денег — полная неопределенность. Я видел контору, которая исчезла.

— И куда ж нам деньги переводить?! — поднял глаза директор.

— Я выбрал контору, которая выглядит приличнее других: офис в Центре, на Спиридоновке, начала работать недавно, привлекает клиентов. Меня сразу пригласили к руководителю. Предложили несколько названий фирм: техническое, сервисное и рекламное. Сказали, что они работают с крепким банком. Общее впечатление благоприятное, работники на жуликов не похожи...

— Ага, — оживился директор. — Таким двусмысленным ремеслом занимаются ангелочки! Впрочем, мы и сами...

— Еще они интересно договора печатают. Первый экземпляр изготавливают на принтере, а второй — ксерокопируют. Деньги экономят, порядок какой-то все-таки...

— Какой процент они себе берут? — спросил директор.

— Обычный, шесть процентов, — ответил Артур. — То есть, посылаем им 100 рублей, а забираем 94 рубля.

— А что это за предложения: 110%, 106%? — спросил директор.

«Все старый, собака, знает, а еще и прикидывается», — подумал Артур в точности как гоголевский Остап, сын Тараса Бульбы, и ответил:

— Это рекламный ход, применяется для заманивания клиентов. Сумма договора 100 рублей, переводят, с учетом НДС, 120 рублей, назад получают, например, 110 рублей. То же самое, но звучит заманчиво. Пока НДС был 28%, они могли и больше, например, 118% написать.

— Понятно, — сказал директор, посмотрел внимательно на Артура и объявил свое решение: «Переводить деньги этим „фантикам“ не будем. Пропадут деньги, а потом бегай, ищи фирму под названием „Презерватив Плюс“».

Артур не знал, что Юрий Иннокентьевич умеет шутить. А тут пошутил, улыбнулся и сделал паузу. Артур ждал продолжения.

— Кроме того, если придется кому-то объяснять, зачем перевели деньги явно липовой фирме, оправданий не будет. Тут необходим посредник, тогда, если возникнут неприятности, будем требовать с посредника, то есть с вас. Нужно делать свою фирму. Предлагайте название.

— Фирму можно назвать «Импульс», — сказал подготовившийся Артур.

— «Импульс»... Ну, что ж... Скажем, «СКТБ „Импульс“» большими буквами, а товарищество с ограниченной ответственностью — маленькими.

— Можно и СКТБ, — сказал Артур. — А с деньгами-то что делать, которые «Импульсу» придут?

— Посылать деньги в ту фирму, которая вам понравилась. На первое время примем эту схему. В ближайшем будущем необходимо разобраться в технике процесса, связаться с банком и делать все самостоятельно.

«Ну, что ж, — подумал Артур. — Раз я похвалил контору, значит моя ответственность, я отвечаю, что контора не обманет, вернет деньги. Все правильно, высказывать сомнения, «блеять», что риск остается, значит терять лицо».

— Регистрируйте предприятие, самая работа для молодого управленца, — директор посмотрел на Артура. — Готовьте документы, ищите офис, недорогой, но приличный, ищите бухгалтера-кассира. Кассир будет по ведомостям людям деньги раздавать. А людям скажем, что работа оформлена через малое предприятие. Такую формулировку сейчас все принимают без объяснений. Ведомости, понятно, тоже липовые. Но помните: специалисты поработали по-настоящему, работу сделали нужную и деньги будут получать заслуженные! Они вас кормят своей работой, а не вы их, выдавая деньги!

Директор повысил голос, потом опустил глаза, переждал немножко и продолжил:

— Впрочем, это я на будущее вас предупреждаю... Деньги на расходы получите под отчет на покупку оргтехники для института. Истратите их на уставной капитал, на офис, мебель и все такое. Посчитайте, сколько нужно денег. Из первых же поступлений восполните затраты, купите оргтехнику и сдадите в институт.

— Бухгалтера брать из нашего института? — Артур подумал про Светлану.

— Ни в коем случае! Только посторонний человек! — горячо сказал директор. — Бухгалтер должен сдавать отчетность в налоговую инспекцию, готовить ведомости по нашим спискам и выдавать деньги. Лишнего бухгалтеру знать не следует. Делать все надо быстро, через полтора месяца я собираюсь начать. И помните, что эта схема принята, как временная. В короткое время мы должны перейти на работу с банком, без всяких... этих фирм.

Директор улыбнулся и посмотрел на Артура. Все, аудиенция окончена. За работу!

Резкий переход от общих рассуждений на не до конца понятные темы к исполнению конкретных задач действует на любого человека. Для Артура встряска была особенно сильной, потому что напряженной работы он, в общем-то, не знал. Ну, в университетские годы в колхозе на прополке, когда длинная грядка терялась за горизонтом, а ботвы сахарной свеклы в сорняках было не найти, ну, на даче отец велел как-то навезти гору песка, еще что-то. Напряженная работа была у него когда-то в сессию, да и то не в каждую, а со времени госэкзаменов Артур вообще не напрягался. А тут навалилось столь-

ко всего! Даже перспектива провести денек со Светой, воспользоваться совершенно пустой квартирой, отдохнуть, можно сказать, культурно, даже эта перспектива затуманилась. А ведь Артур наметил со Светой и театр, и кафе. Решил походить гоголем, показать сладкую жизнь девчонке, которая за 25 своих лет слаще морковки ничего не видела, растревожить ее скованную душу...

Впрочем, если разобраться, можно все успеть. Образцы документов, необходимых для регистрации предприятия, можно взять у ребят — несколько соучеников Артура занимались регистрацией фирм. За два дня на компьютере сделать можно. Офис тоже можно найти по газете. Продумать требования: недалеко от института, отдельный вход, хорошее состояние — на ремонт нет времени, телефон, наличие мебели необязательно, даже лучше, если пусто, легче купить письменный стол, стулья и диван, чем бабкин буфет куда-нибудь прятать. Можно, конечно, и кровать... Нет, без кровати, мешать одно с другим не будем, не дай Бог... Бухгалтера найти — не проблема. Знакомые Артура, правда, могут не согласиться, слишком высоки у них запросы. Скорее, Светлана посоветует

из своих подружек... Тоже плохо — утечка информации. Впрочем, найдем бухгалтера. Так что если все разложить по полочкам, то успеем, в пятницу-субботу занимаемся Светкой, с воскресенья — за работу, товарищи!

Обдумав все подобным образом, Артур повеселел.

И, правда, как мы увидим, все получилось складно, глаза боятся — руки делают. Через полтора месяца у Артура была собственная фирма — ТОО «СКТБ „Импульс“» с бухгалтером и с офисом на 5-й Магистральной улице в одной из комнат заводоуправления некоего резко ослабевшего завода.

ПАРТХОЗАКТИВ

Первое время после прихода к власти Горбачева никто из советских людей не думал, что объявленная перестройка приведет к серьезным последствиям для страны. Считали, что перестройка — это очередная кампания, которой новый начальник ознаменовал свое воцарение, вроде кукурузы у Хрущева, или БАМ-а у Брежнева, или повышения трудовой дисциплины у Андропова. Ожидали, что поорут, поорут, а будет

как всегда. Кое-кто хотел урвать что-то для себя, кто-то опасался, как бы новая волна не унесла чего-то, не нанесла бы ущерб, но ни надежд, ни страхов больших не возникло. Появились анекдоты про туристов Мишу и Раю, про Горбачева и Маргарет Тэтчер, про ГПУ, что означает не главное политическое управление, предшественник ВЧК, а «гласность — перестройка — ускорение», но значительных перемен не ждал никто, ну, или почти никто.

В весенний день 1986 года, за несколько недель до Чернобыльской катастрофы, был организован выездной партхозактив Краснопресненского района. Мероприятие проводили в доме отдыха «Преображенское» недалеко от Звенигорода. Участвовали директора и секретари парткомов ведущих предприятий района, ректоры и деканы некоторых вузов, работники райкома и райисполкома. Партхозактив разместили комфортно, кормили отлично, с черной икрой, на столиках в столовой стояло красное вино, а водку и коньяк опытные активисты привезли с собой.

Лекции в клубе дома отдыха собирали полный зал и ходили на заседания: на

сцене располагался президиум из трех-четырех человек, трибуна и докладчик. Докладчики выступали не более получаса, рассказывали про работу своих предприятий и учреждений в новых условиях. По ходу доклада все ораторы обязательно благодарили партию и лично Михаила Сергеевича, даровавшего народу перестройку, а некоторые грозили тем, кто не перестроился.

После двух или трех выступлений участники шли гулять, играть в настольный теннис, в шахматы. Многие знакомились, решали важные вопросы, договаривались о взаимодействии. Как на всех совещаниях и конференциях, самое главное происходило в кулуарах...

На лекции сидели рядышком два солидных господина, не старые, до пятидесяти, слушали рассказ о том, как на «Трехгорной мануфактуре» рабочие относятся к перестройке. Представитель парткома «Трехгорки» рассказывал довольно интересно, не слишком завирался и приводил живые примеры. Но два господина скучали. Один из них, джентльмен с седыми висками и в сером костюме, наклонился к соседу и тихонько спросил:

— Вы не знаете, кто тот молодой человек не первой молодости, который переговаривается в президиуме с секретарем райкома?

— Знаю, — ответил сосед. — Это секретарь райкома комсомола. В смысле, первый секретарь.

— А знаете вы, на какой машине он ездит?

— Знаю, — опять сказал сосед. — На красной «Волге».

— Изумительная эрудиция. А я хотел вас развлечь этими сведениями, — джентльмен в сером, несколько разочарованный, уселся в своем кресле прямо.

— Вы, наверное, преподаватель? — теперь уже собеседник наклонился к господину в сером.

— Разрешите представиться, Петр Серафимович Рязанцев, профессор, декан факультета управления университета, — ответил тот.

— Так я вам сознаюсь, Петр Серафимович, что отвечал на ваши вопросы, зная ответ, считайте, по шпаргалке. Я — Закурдаев Юрий Иннокентьевич, директор института, а этот парень работал у меня

сначала инженером, потом комсомольским вожакком, а потом ушел в райком. Но жизнь в комсомоле беспокойная, тем более, видите, перестройка, вот он и приезжает иногда ко мне на красной «Волге» освежить знакомство — вдруг придется возвращаться.

— Ну, это никак нельзя считать шпаргалкой. Вы просто очень хорошо подготовлены по этому вопросу! — оживился Петр Серафимович.

— Но другого человека в президиуме я не знаю. Рядом с шефом — инструктор райкома, который собрание ведет. А рядом с ним кто, справа?

— А... Это Калмыков Артур Иванович. Кто он, трудно сказать. Окончил юридический факультет и Академию внешней торговли. Работал в ЦК, в МИД-е, в МВД. Сейчас, должно быть, в Краснопресненском районе занимает важный пост. А, кажется, сейчас он в Гидрометцентре заместителем. Мы с ним знакомы. Я даже как-то приглашал его к нам на встречу со студентами и представлял как генерал-майора внутренней службы, есть у него такое звание. У него и дипломатический ранг есть. В общем, на-

правляют его на трудные участки, генерал по особым поручениям. Мужик сдержанный, очень быстро соображает и, по моему впечатлению, порядочный.

— Спасибо, вы мне целую лекцию прочитали. Мне теперь кажется, что я Калмыкова где-то видел...

Утренние доклады кончились, и новые знакомые пошли прогуляться по территории. Перед обедом они выпили по рюмке водки в номере Рязанцева, а на вечернее заседание не пошли, потому что после обеда завалились спать.

Так завязалось знакомство, оказавшее большое влияние на судьбу Артура Артуровича Калмыкова.

После партхозактива Рязанцев и Закурдаев перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками, четыре раза за шесть лет вместе ходили в театр, при этом познакомились с женами. Это приятное и необременительное для обеих семей знакомство продолжалось и даже окрепло настолько, что мужчины стали посещать вместе Сандуновские бани (первый разряд, внизу, там пар лучше, чем в высшем разряде), где перешли «на ты».

Факт посещения общественных бань людьми, которые имеют собственные бани на собственных дачах и возможность посещать ведомственные бани, закрытые для простых смертных, может породить некоторые рассуждения и размышления. В действительности такое посещение понятно любому мужчине и никаких объяснений не требует.

В 1992 году оба друга переживали нелегкие времена и долго не созванивались. В мае Юрий Иннокентьевич позвонил Петру Серафимовичу с просьбой.

— Мне нужен молодой специалист, — сказал он. — Не троечник, мне троечник не подходит, но и не отличник, потому что задачу я ему поставлю практическую, отличник может растеряться.

— Какая специализация? — стал уточнять задачу Петр Серафимович.

— Специалист по управлению предприятием, менеджер, ваш факультет ведь таких готовит!

— А где работать? У вас в институте? Тут нужно уговаривать, они в банки и страховые компании мечтают устроиться, — без энтузиазма ответил декан.

— Дело в том, что мне нужен не обычный сотрудник, а помощник, даже советник по работе в условиях этой перестройки. Перспектива у нашего института шикарная, инвалюту будем зарабатывать. Но год или два нужно правдами и неправдами продержаться.

— А через два года что? — спросил Петр Серафимович.

— Через два-три года дадим ему хорошую должность в институте, если он у нас приживется, а если не приживется, найдем ему место... Тут еще одно пожелание, даже два. Ты его не бросай, надеюсь на твою помощь, на твое сопровождение. Кроме того, хорошо бы у парня был отец со связями. Это на тот случай, если наших с тобой сил будет недостаточно, чтобы защититься от нынешних напастей и парня прикрыть.

— Но ты понимаешь, что такого кадра и без тебя много желающих заполучить. И соображает, и папаша со связями, и на «ржавый гвоздик» согласен пойматься...

— Ну, не такой уж «ржавый гвоздик»...

Петр Серафимович обещал подумать и через неделю предложил Артура Калмыкова.

— Но ведь его отец пристроит! — удивился такому предложению директор института.

— Да ты понимаешь, у Артура Ивановича какой-то свой взгляд на воспитание сына. Я узнал, что у нас учится сын Калмыкова, когда парень был уже на втором курсе. Сейчас, перед окончанием университета, тоже нет никаких звонков. При этом я знаю, что он внимательно следит за жизнью сына, но не вмешивается. Может быть, закаляет, сам-то он из простых...

— И что сын Калмыкова из себя представляет? — спросил Юрий Иннокентьевич.

— Ну, что... парень, роста выше среднего, наверное, метр восемьдесят, волосы русые, глаза карие. Довольно подтянутый, разговаривает хорошо: и говорит правильно, не на жаргоне, и собеседника слушает... — описал своего студента декан.

— А голова?

— Бывает, студент понимает и знает, это — «пять». Бывает, понимает, но не знает, это — «четыре». Бывает, что не понимает, но знает, это — «три». Калмыков ближе ко второй категории. Пока не пой-

мет суть вопроса, изучает, стремится постигнуть. Как поймет, в чем дело, теряет интерес, до мелочей не снисходит, а черт-то как раз в деталях сидит... Но ты же отличника не просил!

— Ладно, от добра добра не ищут, — принял решение директор. — Предлагай Калмыкову-младшему!

СКТБ „ИМПУЛЬС“

Офис, бухгалтер, банк, регистрация. Определив для себя такую последовательность, Артур начал действовать. Обзвонив и объездив множество сдающихся под офисы помещений, Артур понял, что в Центре снимать комнату очень дорого. Следующая ступень — около метро, чтобы от института ехать без пересадки — тоже ничего подходящего не дала. Пришлось в своих притязаниях спуститься еще на ступеньку — метро без пересадки,

далее пешком не более 15 минут. Тут нашелся вариант — корпус заводоуправления, отремонтированный для сдачи под офисы, на 5-й Магистральной улице, недалеко от станции метро «Полежаевская». Все заводские службы съехали из привычных кабинетов в отдельном корпусе и расположились в тесноте, в цеховых и складских комнатенках. В одной такой комнатенке Артур переговорил с помощником директора завода, который занимался сдачей офисов. Помощник предложил посмотреть помещение и сказал: «Оксаночка, покажите товарищу двенадцатый офис и захватите ключи от пятнадцатого и шестнадцатого». «Но двенадцатый — самый лучший», — добавил он, обращаясь уже к Артуру.

По команде помощника из-за своего стола легко встала светловолосая красивая женщина лет тридцати с небольшим. Высокая, полная, с веселыми глазами, не толстая, а, как говорится, сдобная, она напоминала круглый белый хлеб «Паляница». «При таких габаритах — какая резвая!» — подумал Артур. Женщина быстро накинула шубку, они покинули комнату и пошли сначала по коридору, потом по заводской территории к офисному корпусу.

— А вас как зовут? — спросила Оксана.

— Артур.

— Шо так? — поразилась Оксана.

Непосредственность этой взрослой женщины удивила Артура, но что-то в ней было такое свежее, здоровое и искреннее, что Артур решил, что не нужно ее ставить на место, и ответил.

— Как отца, я — Артур Артурович.

— А, так это хорошо! Моего малого тоже Вася зовут, Василий Васильевич!

— Вы — не москвичка? — спросил Артур.

— Та не, москвичка. Мужа шесть лет назад перевели в Москву с Донбасса в министерство угольной промышленности. Квартиру дали, прописку. А я не работала, с малым сидела. А теперь видите шо? Где то министерство? В перестройку многое по-другому пошло, но Василий мой старается — со своими шахтерами делает он угольную корпорацию, чи шо. Я в нем уверена, будет толк. Но с деньгами стало трошки похуже, вот я сюда и устроилась. Малой в школу пошел, а тут отсиживать до вечера не заставляют, могу полдня после обеда дома быть.

— Вы тут близко живете? — поддержал разговор Артур.

— Близко, у метро в кирпичных домах... Артур, а вам бухгалтер не нужен?

— Бухгалтер? — опешил Артур.

— Ну да, бухгалтер. Я окончила экономический факультет Донецкого университета, потом тут, в Москве курсы по бухучету. В Донецке работала в отделе снабжения шахтоуправления три года, а в Москве кооперативы вела, какие муж велел, все-все делала: и отчетность, и договора, и зарплату, хоть черную, хоть белую.

— А тут вам не нравится? — спросил Артур.

— Да шо тут?! — воскликнула Оксана. — Взяли меня на договора аренды. А фактически держат секретарем. Начальник с арендаторами секретничает. Какие секреты от бухгалтера? Бухгалтерия и есть главный секрет. А тут еще начал на меня поглядывать и облизываться: «Оксаночка, Оксаночка». Оно мне надо?!

— Так если тут сидеть, все равно бывший начальник останется рядом.

— Ой, да что вы! — засмеялась Оксана. — Этот герой-любовник до другого корпуса не пойдет. Этот орел любит чуть придушенную жертву!

Оксана сделала паузу и добавила:

— Так что с этой стороны неприятностей у вас не будет.

Как легко и просто было разговаривать с этой веселой женщиной! Чувствовалось, что она не врет, говорит все, как есть. Женщина с образованием и с опытом работы, семья приличная. Но Артур сказал:

— Спасибо за ваше предложение, мне нужно подумать.

— Конечно, подумайте. Нужно ж и с начальством посоветоваться.

— Не нужно, — гордо сказал Артур, поднял палец и изрек, как Фрунзик Мкртчян в фильме «Мимино»: «В этот гостиница я — директор!»

— А тогда что же думать! — улыбнулась Оксана.

Артур засмеялся.

— Так у меня и нотариус есть знакомый, подписи заверим без очереди. Можно, я вам телефончик свой напишу? Я домашний дам, мужа моего зовут Василий Трофимович, а меня подзывать — просто Оксану. А сюда звонить не нужно, при нем не поговоришь.

Офис подошел, и Оксана подошла. Теперь — банк.

Из всех банков, которые во множестве появились вокруг института, нужно было вы-

брать один. Артур ходил по окрестностям и выбирал банк для того, чтобы открыть расчетный счет «Имппульса». Артур прикидывал, далеко ли идти от проходной и как выглядит банк, как встречают посетителя. Никакие другие обстоятельства им в расчет не принимались. Когда в 95-м, а потом в 98-м годах посыпались банки, никому бы не пришло в голову выбирать банк столь легкомысленно. Но в 1992 году до банковских кризисов было еще далеко, и пока что Артур, как и всякий советский человек, полагал, что банк — это безусловно надежное учреждение.

Артуру приглянулся банк недалеко от Тишинского рынка. Небольшой операционный зал был похож на коридор. С одной стороны за длинным деревянным барьером-прилавком сидели операционисты: три девушки и один парень. Парень стучал печатью, перекладывая листы бумаги из одной пачки в другую, при этом дергался, как игрушка с моторчиком. К нему-то и подошел Артур, сел на стул и стал ждать, когда тот оторвется от бумаг. Дойдя до конца пачки, операционист повернулся к Артуру и вытянул вперед губы, что должно было означать: «Слушаю». Но Артур на такой уровень разговора не пошел,

сказал: «Здравствуйте», — и замолчал. Парню пришлось говорить.

— Здравствуйте, слушаю вас.

— Хочу открыть в вашем банке расчетный счет малого предприятия.

Парень, ни слова не говоря, крутанулся на стуле, взял со стола и протянул Артуру листочек с заголовком «Перечень документов для открытия расчетного счета».

— Все? — спросил Артур, прочитав текст и оторвав глаза от листочка.

— А что же еще? — искренне удивился парень.

Артур встал со стула и медленно пошел по залу, останавливаясь, чтобы прочитать объявления, вывешенные на красивых досках на стенах. Объявления к нему никакого отношения не имели и сообщали неизвестно о чем.

«Какой странный операционист, наверное, юноши на эту женскую работу только такие и идут!» — подумал Артур. Особенности поведения банковского работника насторожили Артура. Он вспомнил, что помимо близости к институту и наличия симпатичного операционного зала от банка требуется еще многое. «Ой, что ж это я лезу в воду, не зная броду? — испугался Артур. — Открою счет,

переведу деньги, а потом ищи этого губошлепа вместе с банком этим...» У Артура даже спина вспотела от страха.

В тот же вечер Артур обзвонил своих соучеников, работающих в банках, с просьбой узнать про банк «Тишинский». Один из них отзвонил на следующий день и сообщил, что тревожащих сведений нет. Маловато этого, недостаточно... Артур попросил отца узнать, что за банк. Отец куда звонить не стал, а сходу ответил:

— «Тишинский»? Недалеко от Белорусского вокзала? Можешь работать, я этих ребят знаю.

Слова отца мгновенно успокоили Артура, и он перестал опасаться, что выбрал никому не известный, ненадежный банк. Страхи, недавно владевшие им, сразу показались глупыми и необоснованными. Далее следовала регистрация предприятия.

Сотрудница, принимавшая у Артура документы на регистрацию ТОО «СКТБ „Импульс“», листала документы. Вчитываться внимательно ей было лень, а придраться к чему-нибудь хотелось. Поэтому она несколько раз гневно восклицала: «Почему нет такой-то справки?!». Каждый раз Артур показывал со-

труднице, где в пачке бумаг лежит искомая справка. И та опять закапывалась в документы. После третьего раза сотрудница спросила: «Кто готовил документы?» Она искала компромисс: ей было бы легче, если бы не этот парень победил ее, с первого раза всучив документы, а некая посторонняя организация. Артур это мгновенно понял и ответил: «Документы готовила юридическая фирма», — хотя все документы он подготовил сам. Сотрудница решила принять документы, проштамповала стандартную расписку в получении и сказала Артуру, когда можно прийти за временным свидетельством.

Все готово, можно начинать. Артур доложил об этом директору. Юрий Иннокентьевич задал несколько вопросов и, удовлетворенный ответами Артура, протянул ему лист бумаги, на котором был написан предмет договора, срок и сумма.

— Готовьте договор, — сказал директор. — Кто будет подписывать документы от «Имппульса»?

— Как кто? Я, конечно, — удивился Артур.

— То есть институт будет заключать договор со своим сотрудником Артуром Калмыковым? Вам не кажется это нелепым?

— Да, действительно, я не учел... — промямлил Артур.

«Как же так? — подумал он. — За этой беготней прозевал очевидный ляп».

— Ищите кого-нибудь для подписания документов. Вы — генеральный директор? — усмехнулся Юрий Иннокентьевич. — А этот будет называться просто «директор», как я. Пусть подписывает договора на основании доверенности. Можно даже зарплату ему платить... небольшую. Нужен посторонний человек, но не опасный, не пьяница, не жулик. Смотрите, сколько честных людей требуется... для любых подобных операций!

— Хорошо, Юрий Иннокентьевич, сделаю.

— Следующий вопрос, как вы собираетесь везти деньги? — спросил директор.

— Я думал... на вашей «Волге»... — неуверенно сказал Артур.

— Вы понимаете, что это невозможно? — с неудовольствием отменил предложение директор. — А что фирмы ваши, не могут они выполнить заказ «с доставкой»?

— Услуга инкассации стоит у них 2% от суммы, — это Артур узнавал.

— Возмутительно дорого! — сказал директор. — Подумайте, как справиться своими силами.

— Подумаю...

«Опять озадачил директор! — подумал с раздражением Артур. — Казалось, все готово. Ан, нет! Да, голова у него, конечно, работает, но бегать уже надоело. Каждый раз — пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Артур оформлял свой липовый «Импульс», носился по Москве вдоль и поперек, а Москва на глазах богатела и беднела одновременно. По улицам ездили такие дорогие автомобили, какие и за границей-то не часто можно увидеть, в киосках с устарелой вывеской «Союзпечать» круглосуточно продавались невиданные сладости и напитки. В это время закладывались крупные, мирового уровня состояния, скупались по дешевке некогда славные предприятия, набирали силу будущие миллиардеры.

Но служивый люд — большая часть московских жителей, не подходили к круглосуточным киоскам ввиду крайней бедности. Купить шоколадку «Сникерс» или куклу Барби ребенку было непозволительной роскошью, которую большинство московских родителей не могли себе позволить. Чтобы избежать унижения, родители обходили на-

рядные магазины и киоски стороной, таща за руку ребенка, или подходили «посмотреть», заручившись обещанием «не просить ничего купить». «У каждого человека должна быть мечта. Пусть эта кукла будет твоей мечтой! Хорошо?» — бодро убеждали нищие родители своих крошек.

Зато в Москве появились такие торговые площадки, каких не было со времен военного коммунизма или с периода послевоенной разрухи. Вот уж где московская нищета была выставлена напоказ! Продавали ржавые гнутые гвозди, вытащенные клещами из старых досок, непарные ботинки, пластмассовые бутылки из-под «Фанты» и подобных напитков, какими теперь завалены все помойки. И ведь покупали! Пластмассовая бутылка была легче и больше стеклянной и имела пробку. В такой бутылке удобно возить морс в больницу родственнику или квас на дачу.

Один такой блошинный рынок расположился на Тишинской площади вокруг памятника русско-грузинской дружбе, закрепленной Георгиевским договором. Этот нелепый памятник-столб, с установки которого началось наступление скульптора Зураба Церетели на Москву, был якобы известен в народе

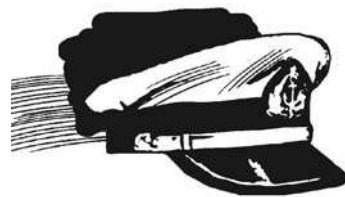
под именем «шашлыка». На самом деле столб напоминает кое-что другое, и самое распространенное противозачаточное средство в скатанном состоянии было расположено на месте, как раз над торчащим... обелиском.

Первые годы после установки обелиска в сквере, у подножия столба, входящего в ансамбль памятника, посетителей было мало. Изредка останавливались небольшие группы краеведов, пытавшихся разглядеть призывы к братству, миру и дружбе в нагромождении металлоконструкций. Для облегчения чтения в сквере поместили подсказки. Но и с подсказками мало кому удавалось разгадать этот ребус поэта и соавтора памятника Андрея Вознесенского. Когда площадь стала рынком, торговцев в сам сквер не пускали, оставив его свободным, доступным для почитателей Георгиевского договора. Зато вплотную к ограде сквера, опираясь об нее спинами, сидели и стояли продавцы разнокалиберных шурупов и древних некомплектных мясорубок.

Артур часто проходил через рынок по дороге от института до банка и обратно. Сначала, не глядя по сторонам, потом стал останавливаться и смотреть на особо примеча-

тельные экспонаты. Но для чего покупают пустые пластиковые бутылки, не мог сообразить. Практическую ценность этого вторсырья ему разъяснила Светлана.

РАБОТНИК ОХРАНЫ КОНОВАЛОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Коновалов пришел к новым арендаторам, чтобы осмотреть помещение и провести инструктаж. Осматривать особенно было нечего, три письменных стола, сейф, шкаф для хранения документов, шкаф для одежды, маленький столик с электрическим чайником, стулья. Обычная контора, где бумажки перекадывают и из воздуха деньги делают. Чем-то, должно быть, торгуют, чего сами в глаза не видели.

Коновалов осмотрел комнату глазами охранника: есть ли надежные запоры на окнах и дверях, потом глазами пожарного: есть ли

огнеопасное что-то, не загромождены ли проходы, потом глазами работника санэпидемстанции: нет ли источников заразы.

Закончив осмотр, Коновалов сел за стол, чтобы поговорить с парнем — директором и молодой женщиной — главным бухгалтером. Женщину Коновалов знал, ее звали Оксана, и она раньше работала в заводоуправлении. А парень представился Артуром Калмыковым.

Коновалов расспросил, кто будет сюда приходить, объяснил порядок прохода одиночных посетителей и групп посетителей, сказал, куда сдавать ключи, объяснил, как ставить помещение на сигнализацию.

Арендаторы слушали хорошо, уважительно. Парень кое-что записал. Ну, и Коновалов рассказывал кратко и обстоятельно, по существу, не изображал полновластного хозяина здешних мест. Под конец попросил, чтобы повесили на дверь табличку с названием фирмы, не нужно посетителям стучать во все двери. Собственно, это была единственная просьба к новым арендаторам.

Коновалов собрался уходить, но Артур его остановил.

— Александр Павлович, выпьете с нами чаю?

«Надо же, имя-отчество запомнил», — подумал Коновалов и согласился.

— А как вы попали на эту работу? — спросил Артур. Неожиданно для самого себя Коновалов стал рассказывать.

— Служил на Тихоокеанском флоте, на подводной лодке, был в шести походах. Потом перевели в штаб. Капитан второго ранга. Ждал перевода в Европу, уже все сроки службы на Дальнем Востоке вышли, а тут началась перестройка. Ушел в запас, вернулся в Москву. Квартира уже была во Владивостоке. Квартиру сдал, все продал, только машину пожалел продавать, была у меня «девятка», всего год ездил. А тут ребята гнали Ил семьдесят шестой в Волгоград. Мне все равно, куда, лишь бы в Европу. Договорился, сколько-то заплатил в кассу и ребятам — ящик коньяку. Загрузили мою машинку в брюхо и перевезли. А мы ее потом вдвоем с зятем пригнали из Волгограда в Москву. Ну, а здесь квартира материна, откуда в училище уехал, в ней: мы четверо, сестра с семьей и мать. Но поставили в очередь, обещают дать когда-нибудь квартиру. А работа только в охране нашлась. На заводе считался замначальника охраны, а теперь поручили обес-

печивать охрану этого корпуса, вроде как самостоятельная работа, и четыре бойца в штате.

— А «девятка» ваша на ходу? — спросил Артур.

— Конечно, на ходу. Гараж, уход, что с ней будет?

«Да этот мужик — просто находка для нас!» — подумал Артур и предложил Коновалову работать в «Импульсе» директором и инкассатором на своей машине.

— Каким директором? Как Фунт? Сто двадцать рублей на воле, двести сорок — в тюрьме? — усмехнулся Коновалов.

Доскональное знание «Золотого теленка» только добавило очков Коновалову. Артур серьезно ответил:

— Тюрьмы бояться не надо. Вы будете подписывать только документы «на прием» денег. Только в плюс. Деньги возить будем редко, вдвоем, и не такие большие это деньги.

— Я должен согласовать вопрос с начальником охраны, — сказал Коновалов.

При первой возможности он спросил начальника: «Мне новый арендатор предложил у них поработать, без отрыва, так сказать. Ты

не возражаешь?». И получил ответ: «В наше время от работы не отказываются. Если на основной работе не скажется, я не возражаю».

ВАЛЮТА

— Артур, я вам шо хочу сказать... — Оксана волновалась. — У меня тут есть одно дело. Но если не подойдет, вы скажите, и как будто разговора не было. Добре?

— Хорошо, — поощрил Оксану Артур.

— Есть такое предложение. Василию Трофимовичу моему треба оборудование закупить, а денег на счету нема. У них наличная валюта была подготовлена, потому что оборудование английское, а валюта, оказалось, не годится, нужен безналичный рубль. Вот я и подумала, сейчас пришли деньги, так давайте их зараз переведем Василию Трофимовичу, а он вернет доллары по курсу. Ему выгодно, не надо наличные доллары в безна-

личные рубли переводить, проценты терять. И вам выгодно, проценты за обналичку платить не надо, только на конвертации немного потеряете.

Василий Трофимович оказался приятным мужиком, лет на десять старше Оксаны. Не задавая лишних вопросов, он вытащил из стола и отдал Артуру пакет, в котором лежали пачки стодолларовых купюр по десять тысяч долларов в каждой. Неполную пачку в конверте отдал отдельно.

Коновалов привез Артура в офис. Вечером, оставшись в одиночестве, Артур распределил деньги на кучки: это — за аренду офиса, это — зарплата сотрудникам «Имппульса», это — дополнительный доход, который дала новая схема. Для всех этих статей расходов подходили доллары: и завод возьмет наличные доллары, и Оксана, и Александр Павлович. Из дополнительного дохода Артур выделил премию Оксане и Коновалову. Без Оксаны вообще никакого дополнительного дохода не было бы! Оставалось пять тысяч долларов. Огромная сумма, автомобиль!

Но большую часть долларов нужно было продать, чтобы выплатить зарплату работни-

кам института. Артуру как-то один раз пришлось продавать валюту. Давно еще, в прошлом году он попросил у матери денег, а у нее рублей не было, были только доллары, вот она и дала ему сто долларов, и Артур их продал в обменнике у метро. Продавая, все время оглядывался, боялся, что нападут разбойники! Как же, валюта!

Но как продать такую огромную сумму? Артур не спал ночь. На следующий день Артур сначала ходил по окрестным обменным пунктам договариваться. Все обменники оказались слабоваты для такой операции. Удалось продать по частям. В каждом обменном пункте Артур, охраняемый Коноваловым, трясся, как осиновый лист.

Оставшиеся пять тысяч долларов Артур положил в конверт, конверт спрятал в сейф и стал ждать визита к директору. При очередном вызове, решив все текущие вопросы, Артур достал конверт, двинул его по столу к директору и сказал.

— Появилась разовая возможность сэкономить. Сумма экономии — пять тысяч долларов. Вот они.

Директор вскинулся, как ужаленный. Он однозначно понял, что Калмыков принес его

долю за участие в операциях с «Импульсом». Неужели этот парень не понимает, да как он смеет!

— Никогда, слышите, никогда не подходите ко мне с этими деньгами!

Но Артур был уже достаточно опытен. На случай такой реакции директора он подготовил маневр, как Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер из «Ревизора» Гоголя: вот, мол, «пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

— Раз от вас нет указаний, я куплю на эти деньги автомобиль, без машины я зашиваюсь.

Директор ничего не сказал. Он не успокоился после своей вспышки, боялся снова не сдержаться, да и вообще не хотел обсуждать эту тему. «Какие у меня основания возмущаться?! Моя затея, а Калмыков ее реализует, работает довольно успешно. Так что нечего мне изображать из себя рыцаря в белых одеждах!» — гасил в себе раздражение директор.

Артур купил «Москвич 2141», в народе — просто «41-й», большую красивую машину, известную низкой надежностью. Поэтому имеющейся у Артура суммы хватило.

Сначала для очистки совести Артур ходил по кабинетам на втором этаже автомобильного магазина на Варшавском шоссе, интересовался, как организация может купить автомобиль за безналичный расчет. Оказалось, что этот процесс связан с такими хлопотами и лишними расходами, что легче достать из кармана деньги и купить, при этом не ты будешь бегать за продавцом, а продавец побежит за тобой, как оно и должно быть.

Приобретение молодым сотрудником нового автомобиля в столь трудные времена не вызвало в институте большого шума. Все знали, что автомобиль Калмыкову подарил отец, большой человек. Юрий Иннокентьевич попросил секретаршу Эмму по секрету сообщить этот факт нескольким сотрудникам.

Артур наслаждался автомобилем: и новые возможности, которые дает владение собственной, не родительской автомашиной, и сам процесс вождения своего, заработанного автомобиля, вызывали ликование в его душе.

В воскресенье Артур повез родителей по окрестностям. Отец с удовольствием утвер-

дился на переднем командирском сиденье, а мама с некоторой осторожностью разместила на заднем: от автомобиля «для населения» исходила некоторая опасность, доверя этот аппарат не вызывал.

Зато у Светланы новенький «Москвич» вызывал тихий восторг. Сначала она в онемении каталась на этом предмете роскоши. Потом решила, что из этого чуда можно извлечь и практическую пользу — что-то перевезти, чего в руках не унесешь.

Сотрудничество с мужем Оксаны оказалось выгодным и удобным. Можно было продолжить взаимодействие. Василий Трофимович и Артур провели совещание. В результате переговоров график оплаты горного оборудования английскому поставщику был приведен в соответствие с графиком выдачи «черной» зарплаты в институте. Сотрудничество и валютные операции продолжались, пока у Василия Трофимовича была нужда в безналичных рублях. Когда оборудование в Англии было полностью выкуплено, сотрудничество прекратилось, и Артур с сожалением перешел на прежнюю схему.

Жалко было терять и надежный канал, и повышенный доход. Приходилось снова отсылать деньги в подставные фирмы без всяких гарантий. Зато в этот «валютный период» Артур научился продавать крупные суммы «зеленых» без сердечного трепета.

ПОДВАЛ

Артур пропустил джип, едущий навстречу по Грузинскому валу, и повернул налево на Малую Грузинскую улицу. Следующий левый поворот в Средне-Тишинский переулок. Места для парковки не было, пришлось проехать метров тридцать. Припарковав «Москвич», Артур огляделся. Народу в переулке было мало. Справа бывший овощной магазин, закрытый на ремонт, и похоже, навсегда. У входа в бывший магазин трутся два типа. Впереди на левой стороне новое здание какого-то предприятия без вывески, дальше на горке по

правой стороне переулка виден ДК имени Серафимовича, дальше ничего не видно. Чуть сзади у входа в подвал курит милиционер. Поэтому, наверное, те два типа и отошли к магазину: предлагать клиентам поменять валюту по более выгодному курсу у входа в обменный пункт при милиционере-охраннике они не решились. Милиционер уйдет, и они вернутся к входу в подвал. Хорошо, надо пройти, пока их нет, а то будут приставать.

Артур потянул к себе портфель, вылез из машины, огляделся, нажал на кнопку сигнализации, положил ключи в правый наружный карман куртки, запомнил это и не торопясь пошел к входу, провожаемый взглядом двух мужиков у закрытого овощного.

Прошел мимо милиционера с сигаретой, три ступеньки вверх, в дверь с надписью «Обменный пункт. Банк „Антрну“», затем вниз по лестнице два пролета. Тупик — металлическая решетка с калиткой. За калиткой — сейфовая дверь в обменник, рядом письменный стол с двумя стульями, на одном сидит милиционер с автоматом Калашникова. Перед калиткой очередь из двух человек. На столе маленький несгораемый ящик.

Все это привычно, Артур здесь был несколько раз.

— У меня заказ, — сказал Артур.

— Номер? — отозвался охранник.

— Девяносто.

Милиционер снял трубку телефона: «Заказ девяносто!»

Выслушав ответ, охранник открыл ключом калитку: «Проходите! Вторая касса».

Милиционер пропустил Артура в обход очереди и запер калитку на ключ.

— Оружие есть?

Артур вынул из кармана газовый пистолет и отдал охраннику. Тот запер пистолет в несгораемый ящик, затем нажал кнопку. Сейфовая дверь щелкнула, Артур вошел в шлюз и закрыл за собой дверь. Дождался щелчка и распахнул вторую дверь. По короткому коридору прошел в крошечную комнатушку с надписью «Касса № 2».

Усевшись на стул, Артур сказал в стеклянное окошечко: «Заказ девяносто». Оттуда ответили: «Двести сорок тысяч долларов по тысяче девяносто?». Артур подтвердил, после чего из-под окошечка выполз к нему ящик для денег. Артур открыл портфель и стал выкладывать пачки баксов по 10 тысяч в каждой, 24 пачки, «котлеты».

Девушка за стеклом принялась пересчитывать каждую пачку, через стекло слышен был шум машинки. Артур ждал.

1090 рублей за доллар — это его курс, на плакатике перед входом в обменник написано «1087». Когда Артур позвонил в обменник и получил номер заказа, чтобы не стоять в очереди с такой суммой, он заодно сторговался на 1090, все-таки операция крупная. А для Артура это лишние 650 долларов, поди плохо!

Девушка закончила пересчет, и стала доставать пачки рублевых купюр для Артура.

— Мне покрупней, пожалуйста! — сказал Артур.

— Крупных нет.

— Так что, все тысячами?! — воскликнул Артур.

— Нет, — сказала девушка. — Часть пятистами.

«Кассирша, наверное, издевается», — подумал Артур.

— Я же не дотащу, у меня и сумок столько нет! Девушка, поищите, пожалуйста, покрупнее! — взмолился Артур.

Тут девушка подняла на него глаза. Нет, она не издевалась, у нее, действительно, не было крупных купюр, она выдавала то, что было.

Девушка за стеклом вывернулась из своего закутка, это было непросто, очень уж тесно было в кассе № 2, и вышла из каморки.

«Сейчас смоемся, и плакали мои денежки!» — подумал Артур. Девушки не было больше пяти минут. Наконец, она пришла, неся в руках несколько денежных пачек и еще что-то сложенное, пластмассовое.

— Нашла для вас немного крупных, и пакеты принесла, — сказала кассирша.

Сложенные пакеты она впихнула в ящик для денег и выдвинула ящик к Артуру. Там были две пластмассовые сумки. В таких хорошо глазированные сырки носить. На инкассаторские сумки эти пакеты никак не подходили. Но делать нечего.

— Спасибо, — сказал Артур.

— Пожалуйста, — ответила девушка. — Считать будем?

— Не будем, — отказался Артур. Пересчитывать такую кучу мелких купюр, это, наверное, минут сорок. А за все время, что Артур имел дело с большими деньгами, один раз в пачке российских денег оказалась не та купюра. Убыток был небольшой, меньше полкило яблок. Другой раз в пачке американских долларов была фальшивая стодолларо-

вая банкнота, очень небрежно нарисованная. Василий Трофимович без звука обменял ее на другую, а фальшивую тут же порвал. Правда, пришлось специально съездить к нему с фальшивкой. Но, как правило, все было в ажуре. Поэтому Артур часто отказывался от пересчета денег в банковских упаковках.

Девушка стала порциями класть пачки денег в ящик, Артур вытаскивал пачки из выдвинутого ящика и складывал их сначала в портфель, потом в один пакет, потом в другой. Получилось под завязку. Артур взял в одну руку портфель и пакет поменьше, в другую пакет побольше и ключи от «Москвича» и встал. Девушка с сочувствием посмотрела на него.

С трудом нажав на кнопку дверей у выхода и миновав шлюз, Артур оказался около охранников.

«Вот, зараза, еще пистолет, а на улице эти два охلامона трутся! Надо было ехать с Коноваловым», — подумал Артур. На счастье, оба охранника были на месте.

— Помоги, пожалуйста, проводи до машины! — попросил Артур того, кто помоложе. Тот кивнул, тогда Артур добавил. —

И пистолет мой возьми, а то руки заняты, дойдем — я заберу!

Милиционер чуть помялся, показывая, что объем услуги при этом возрастает, а затем кивнул. Неся мимо дельцов у входа в обменник полные сумки денег, Артур в сопровождении милиционера дошел до «Москвича», поставил портфель и сумки на асфальт, открыл багажник, затем положил туда свою ношу. Уф! Полез в карман, достал 10 000 рублей, больше, чем милиционер рассчитывал, отдал деньги ему, забрал пистолет и попросил, глядя на двух пялящихся на них мужиков.

— Не уходи, пожалуйста, подожди пока отъеду.

Завел «Москвич», и вперед по переулку к Тишинской площади. Посматривая в зеркало заднего вида, Артур заметил, что с Малой Грузинской в переулок повернул черный внедорожник «Лексус». Артур немного поиграл в погоню: не включая указателя поворота, повернул налево в Электрический переулок. Внедорожник промчался мимо, видно, даже и не знал, что от него убегают. Артур продолжал «запутывать следы» — показал, что поворачивает направо в Малый

Тишинский переулок. По настоящему убежать по этому переулку ни от кого было нельзя — он тупиковый. Артур и не стал туда поворачивать, а проехал Электрический переулок насквозь, повернул налево, на Вал, потом направо, на Ходынку. Погони не было. Теперь по путепроводу на ту сторону железной дороги, под мост, на Хорошевское шоссе и к себе, на 5-ю Магистральную улицу.

НЕРВЫ

Артур с удивлением понял, что за короткий период сотрудничества с мужем Оксаны Василием Трофимовичем привык к относительной безопасности и отвык от тревоги за то, что деньги не дойдут, пропадут.

Осталась опасность, связанная с перевозкой денег от места получения до офиса на 5-й Магистральной. Артур по-прежнему один или с Коноваловым возил деньги по Москве.

Это было рискованно, но неизбежно, так было всегда, каждая финансовая операция была связана с перевозкой денег. Все-таки это был настоящий мужской риск, хоть что-то можно сделать в случае погони и нападения. Выбирать маршруты, наблюдать за соседними автомобилями, оценивать, не сел ли кто-нибудь «на хвост», следить, чтобы на светофоре грабитель не проткнул колесо. Мысли брели по голливудскому сценарию, сердце учащенно билось. Резко подать влево и столкнуть машину с нападающими в кювет. Открыть на ходу дверцу и ударом сшибить мотоциклиста с пассажиром, наставившим на тебя автомат, потом затеряться в потоке машин и резко припарковаться на стоянке около метро, погасить фары и сползти с сидения, как будто машина давно уже стоит на этом месте. Боевик. Слава Богу, ни разу до этого не дошло. Грабители на Артура не нападали, видно, не ожидали, что в «Москвиче» везут четверть миллиона долларов.

Взаимодействие с Василием Трофимовичем показало — можно было работать, оставив только этот «инкассаторский» риск. Можно было не бояться того, что фирма-однодневка сбежит с деньгами, то есть можно

было исключить эту опасность. А тут опять пришлось посылать большие деньги неизвестно куда, рассчитывая только на честный взгляд девушки, поставившей печати в договорах. Эта опасность вернулась и воспринималась теперь, после Василия Трофимовича, не как нечто неизбежное, а как недоработка, как неоправданный риск, как собственная вина. Артур плохо спал две или три ночи, которые разделяли отсылку денег и получение. Ему снились кошмары, все происходящее вокруг связывалось только с одним: «Отдадут — не отдадут». Светлана спрашивала каждый раз: «Что с тобой, у тебя неприятности?» И не верила, когда Артур говорил, что у него все в порядке, но девушка других вопросов не задавала.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Артур был чрезвычайно занят. Постоянно требовалось боль-

шое количество документов. Договоры между институтом и «Импульсом», акты, протоколы согласования цены, расшифровки статей расходов, письма о переносе сроков, отчеты и т.д. и т.п. Кроме того, почти то же самое он делал для «Импульса» и «фантика». Причем, тут никакая задержка не допускалась: сразу не подписал бумаги — и нету этого названия, теперь другое, и печать другая, и адрес другой. Надо было еще деньги получать и возить, и в банк ездить, и списки на зарплату проверять. Вдруг ошибется Оксана, переписывая фамилии незнакомых ей людей! Добавлял забот сложный график присутствия — отсутствия. Директор требовал, чтобы в день «черной» получки Артур на 5-й Магистральной улице не показывался. Инженеры не должны были знать, что малое предприятие — это Артур, они должны были видеть только Оксану, которая выдавала деньги по ведомости. И документы для «Импульса» директор не разрешил готовить в институте. В общем, днем Артур или сидел в институте, или носился по городу, а после обеда отправлялся в офис «Импульса» и просиживал там допоздна. Работа оставалась и на выходные.

Утром, если Артур был в институте, звонила Светлана, и они договаривались: через полчаса или через час, на седьмом. Светлана и Артур встречались в укромном уголке на седьмом этаже или шли погулять вместе в обеденный перерыв, порознь пройдя проходную. Хотя можно было и не прятаться. Артура и Светлану не очень-то и знали в институте. «Это какой Калмыков? Парень из юрбюро, все время бегают к директору с бумажками. — А Маслакова, это — кто? — Конструктор, у Кучерова работает. — Они что, женатые? — Нет, холостые. — Ну, и что? Ничего такого, дело молодое...» Кроме коротких свиданий на работе, парочка, считай, и не виделась. Светлана вела себя сдержанно. Говорила при встрече: «Привет!», а когда чувствовала, что Артур торопится, говорила: «Ну, пока!» Артур скучал по ней, часто мысленно пересказывал Свете то, что с ним происходит, во всех подробностях, чего живой, реальной Светлане не мог рассказать. И думал Артур о Светлане часто и с нежностью. Хотелось ему что-нибудь сделать для Светланы, что-то купить, порадовать ее. Дать денег Артур не решался, кто ее знает, как она отреагирует. Но продвигать отношения,

показывать подругу друзьям, представлять как «свою девушку», знакомить с родителями Артур не стремился, а Светлана вела себя чрезвычайно скромно.

Потом настало лето, и хоть с квартирами стало посвободней. Родители Артура переехали на дачу и в Москве почти не появлялись. Родители Светланы тоже частенько ночевали «на огороде». В будние дни Артур ездил по жаркой Москве или корпел над бумагами, в выходные родители требовали его на дачу. На даче Артур, в основном, спал. Светлана в выходные была занята — родители без нее не справлялись со своим садом-огородом. Никакой личной жизни! Изредка удавалось вместе провести время, встретиться по-настоящему. Несколько раз купались в Канале. Один раз съездили в Суздаль. Просто так, без подготовки, сели в «Москвич» и поехали. Артур был свободен, а Света плюнула на свой огород.

Лето пролетело, а отдохнуть толком не удалось.

Уже в августе Светлана попросила Артура: — Артур, а можешь на своей машине кое-что перевести с огорода в Катуар, у нас обычная оказия не сработала.

«Знакомство с родителями? — Артур как обычно сначала испугался, а потом взбодрился. — Ну что, и познакомимся!»

Светлана, как всегда, угадала, о чем думает парень, и сказала.

— Я родителям сообщила, что у нас одному сотруднику отец машину подарил. Он хочет научиться водить и всех охотно возит. Годится такое объяснение? Тебе не обидно?

Светлана, как обычно, защитила Артура, заранее успокоила его, что он будет представлен родителям не как мил-друг.

Сговорились на субботу в середине дня. Артур приехал, скромно поздоровался и представился. Его посадили обедать. Обошлись без спиртного: раз гостю нельзя, то и хозяева не стали. Хотя, как показалось Артуру, папаша был не дурак выпить.

Потом забили «Москвич» банками и мешками до крыши, пожалели, что нет багажника. «Был бы внешний багажник, «Москвич» бы лег на брюхо!», — подумал Артур.

Поехали к Светке домой, а родители ее остались в саду. Света и Артур ночевали в Катуваре.

— Тебе понравилось? — как обычно спросил Артур лежащую рядом, раскинувшись, Светлану.

Света недовольно шевельнулась.

— Конечно, понравилось. Только не в том смысле, не так, как ты спрашиваешь... Ты мне вообще нравишься... Мне все с тобой нравится, и это, и то. Я бы с удовольствием везде ходила с тобой под ручку, я бы тебе готовила, я бы дом наш убирала. Я люблю тебя!

«Ну, дает! — подумал Артур. — Что-то Светка сегодня разговорилась? Раньше больше помалкивала или спорила, а тут запричитала. Пора валить, а то захохочет. Посадит на картошку!»

— Ты не бойся, я на тебя не претендую. А то стоит мне к тебе руку протянуть, ты весь поджимаешься и хочешь удрать... «Руку протянуть» — это я в переносном смысле сказала. Нет, я не про то... Я раньше думала, что я Володю Кучерова люблю. Уже мы с тобой... встречались, а я думала, что его люблю по-настоящему, а ты — это уступка жизненным обстоятельствам. Он такой талантливый, он такой добрый, такой красивый. Но он — женатый, двое детей... И не важно, что

я про его жену думаю. Я никогда бы не смогла к нему даже на шагочок подойти. А сейчас я поняла, что любовь эта была ненастоящая, что Володя для меня был как фотография киноартиста.

Артур лежал рядышком, иногда гладил девушку по животу. На душе было спокойно. Светлана его всегда сначала успокаивала, перед любым разговором обещала, что ничего от него не требуется, никаких обещаний она от него не ждет. Сейчас же слушать ее чушь было не особенно приятно. Ну, да Бог с ней, пусть изливается...

— Понимаешь, ты не такой светлый человек, как Володя. Только не обижайся, я ведь правду говорю. Но я чувствую такую связь с тобой, как будто ты — часть меня. Как будто мы из одного полешка выструганы, два Буратишки... Нет, ты — Пиноккио, с иностранным шиком, а я — простая деревянная кукла из того же бревна. Если ты некрасиво поступаешь или говоришь что-нибудь не то, мне бывает стыдно за себя, как будто это я не так сделала. Не знаю, как объяснить... Ты у меня первый, ты у меня и последний, я даже не представляю, что рядом со мной может быть кто-нибудь другой. Ты мне даже

ближе, чем родители, они все-таки родители, я с ними всегда жила, привыкла к ним. А ты появился неизвестно откуда, и я без тебя не могу...

— Ах, ты, моя бедненькая, — сказал Артур, чтобы что-нибудь сказать. Слушать Светины излияния ему не очень нравилось, некоторое беспокойство они все-таки вызывали. Главное, чем больше излияний, тем труднее будет потом со Светой расставаться.

— Да нет, не бедненькая, ты опять не так понял. Ты мне открыл новую область, новые переживания, незнакомую сферу жизни. Я с тобой, может быть, только и стала взрослым человеком. Я стала лучше понимать людей, я вижу глубже... А ведь это не последняя страница. Ведь будет еще материнство — вообще новая планета.

«Это еще что за новости! — подумал Артур. — Мы на эту планету не полетим!»

Светлана была идеальной подругой для Артура. Она ничего не требовала, никогда не говорила про свадьбу-женитьбу, почти никуда они не ходили вместе, потому что Светлана была повязана дальней дорогой, многими домашними обязанностями, работой на режимном предприятии и низким уровнем

притязаний. Только первое, «судьбоносное» свидание Светлана организовала сама. Все последующие свидания устраивал Артур, заботясь о том, когда и где. Расходы для Артура были минимальные — все его попытки купить подруге что-то или помочь деньгами в тяжелую минуту Света пресекала, ударив в болезную точку: «А как я объясню?»

К ее некрасивости сам Артур привык и не огорчился, а больше Свету он никому почти не показывал. Несколько раз с друзьями выбирались «на природу», вот, пожалуй, и все.

Единственное, что пугало Артура, — это Светины монологи. То не любит его, а любит другого, хорошего, да еще с объяснениями почему, и с доказательствами того, что любить Артура не стоит. Теперь, оказывается, любит и чувствует душевное единство. Опять с доказательствами и свидетельскими показаниями. Оказалось, любить его, Артура, стоит. Да еще мечтает подруга о материнстве! Поздравляем будущего папашу! Чур меня...

Свидетельства внутренней работы, глубоких размышлений, душевных мук изливались на Артура в виде редких Светкиных декламаций. Слушая Светлану, Артур заглядывал

в такие неведомые ему самому душевные глубины и чувствовал такой скрытый темперамент, что пугался и ощущал собственную неполноценность. Артур чувствовал, что Светлана, повязанная по рукам и ногам массой условностей, нехваток, страхов — внутренне такой свободный и порядочный человек, какого он никогда в жизни не встречал. Если Светлана решит, что это плохо и непорядочно, то ни за какие коврижки не заставишь ее это сделать. Если, наоборот, решит совершить нечто хорошее, даже во вред себе, то не удержишь ее никакими силами.

И Артуру хотелось что-нибудь сделать для Светланы, принести жертву этому kloкочущему внутреннему божеству.

А почему обязательно жертву? Можно ведь что-нибудь предпринять, так сказать, «обоюдоприятное»! Съездить вместе куда-нибудь далеко, к морю...

— Светик, а давай, съездим к морю? — предложил Артур.

Светлана опешила, замерла.

— Что молчишь? — продолжил Артур. — Смотри, август кончится, в начале сентября билетов в любой конец будет сколько угод-

но. Ехать меньше суток. Комнату снять на Южном берегу Крыма в сентябре — не проблема. Отгулов наберешь? Или пол-отпуска возьмешь... У меня тоже окно будет, директор... ну, это — неважно. Поехали?! Ты в Крыму-то была?

— Была один раз, родители путевку достали в пионерлагерь. Между Евпаторией и Севастополем.

— Ну, это совсем другой Крым! Песочек, степь. А на Южном берегу — субтропики, магнолии, горы, скалы. Ты рапанов ловила? Это раковины такие красивые.

— Я знаю, — сказала Света.

— А мидий ела?

— Каких мидий?

— На месте разберемся! Ты только кивни. Я все сделаю! — продолжил натиск Артур.

Светлана, улыбаясь во весь рот от уха до уха, трижды кивнул, задирая голову назад и опуская так, что подбородок касался груди. Она была счастлива.

При первом удобном случае Артур зашел в трансгентство на улице 1905-го года. Как ни странно, билеты до Симферополя были только плацкартные, боковые места. Ведь на сентябрь, на осень... Прокатить Светку в ку-

пейном вагоне не удастся. Ну и ладно, дотрясемся на боковых!

«ЛЕВЫЕ» РАБОТЫ

Артуру звонили знакомые и спрашивали: «Сможешь мне дать какие-нибудь рублевые реквизиты?» Это означало, что нужны координаты фирмы, выдающей наличные рубли. Или спрашивали долларовые реквизиты. Подобные услуги нужны были всем. Если в стране положили кирпич на кирпич, или написали компьютерную программу, или продали партию обуви, или вырастили урожай, значит есть финансовые нарушения, самое распространенное из которых — обналичка.

Узнать искомые реквизиты было несложно, стоило только позвонить по телефону, указанному в рекламе. Но люди боялись рисковать, хотели посылать деньги туда, куда укажет Артур: так спокойней и есть с кого спросить, в случае чего... поэтому

иметь дело хотели с Артуром, а не с неизвестными опасными людьми. Суммы были небольшие, потому что посылали деньги маленькие частные фирмы, в которых работали или которыми владели его однокашники — обналачивали оборотные средства и расплачивались со своими партнерами «черным налом». И доход Артура от этих операций тоже был невелик. Крупные предприятия к Артуру не обращались, у них были свои каналы, свои специалисты и собственная «черная» бухгалтерия.

Артур соглашался помочь, считай, по доброте душевной. Пожалуй, главная польза от этих операций состояла в том, что маленькие деньги знакомых ребят можно было использовать для проверки надежности очередной подставной фирмы. Эти фирмы приходилось довольно часто менять. Они закрывались и предупреждали, чтобы больше им деньги не посылали. В этих случаях Артуру нужно было искать новый «фантик».

Один раз, переведя такие «пробные» деньги, Артур не получил ничего, фирма исчезла. Артур отдал знакомому свои деньги, документы со сбежавшим контрагентом Артур оформил заранее, и никто ничего не узнал.

А тут позвонил совсем неизвестный парень, представился Андреем, сослался на общего знакомого и попросил обналачить небольшую сумму. Артур только что перевел крупные институтские деньги в контору, с которой уже имел дело, где его уже знали. Он договорился со знакомым менеджером, что небольшую сумму от Андрея он объединит с большой, не дожидаясь поступления денег, под честное слово Артура. Поэтому эти небольшие деньги удалось выдать новому партнеру очень быстро, буквально на следующий день после отправки им денег на «Импульс».

Андрей, получив деньги, долго тряс Артуру руку и говорил, что с Артуром приятно иметь дело.

Через две недели Андрей снова позвонил с той же просьбой, но сумма была более значительная. До отъезда в Крым со Светланой оставалась неделя, куда переводить деньги, Артур не знал — предыдущая «знакомая» контора сообщила, что закрывается и попросила им денег больше не переводить. Артур ответил Андрею, что выполнить его просьбу не может, потому что уходит в отпуск.

Андрей стал умолять, объяснять, что они взялись за серьезный заказ, а без наличных денег выполнить первый этап не смогут, и работа уйдет от них.

Артур смалодушничал и согласился, решил, что за неделю успеет обернуться.

Выбрал по объявлению обналичивающую фирму на Малой Грузинской улице, чтобы поближе к работе, мотаться по городу перед отпуском было некогда. Зашел в офис этой фирмы, поговорил с менеджером, взял реквизиты. Вроде все, как у всех. Ладно, рискнем.

И Артур перевел деньги Андрея по реквизитам, которые получил в новой конторе. Через два дня позвонил: «Пришли деньги?» И получил ответ: «Да, деньги пришли, но выдать сейчас не можем — у нас ремонт. Приезжайте через два дня». Здравствуйте! Какой ремонт! Кажется, вляпался.

Артур побежал на Малую Грузинскую. Около конторы уже собралось человек десять клиентов, и все время подходили новые. Кто-то уже сбегал в банк, расположенный неподалеку, где был счет сбежавшего «фантика» и куда все пострадавшие переводили деньги. В банке не стали разговаривать, а потом вывели силой. Похоже, денежки ку-ку!

Обманутые клиенты собрались в кружок и стали обсуждать, что делать. Разногласица была ужасная. Одни предлагали идти в милицию, другие — в арбитражный суд. На что жаловаться? Что договор не выполнен? Предмет договора — незаконное обналичивание денежных средств? Не смешите меня! Ах, у вас в договоре юридические услуги? А у вас выполнение строительных работ? Да все это шито белыми нитками! Нет, нужно нанять бандитов! Давай, давай, потом они с тебя не слезут! Вот что! Нужно обратиться в службу безопасности своего банка, может, они вытрясут деньги из их жульнического банка по своим банковским каналам? Не бесплатно, конечно...

Артур отстал от спорщиков, отошел чуть в сторону. Что бы ни предлагали, все пути требовали времени, а для Артура главным было уехать в Крым. Подвести Светку он никак не мог! Кроме того, деньги были не очень большие, можно напрячься, и отдать Андрею, скажем, половину суммы... С другой стороны, тогда на Крым ничего не останется. Да и с какой стати он, Артур, должен принимать на себя ответственность за пропавшие деньги, даже наполовину?! Ситуа-

ция-то другая, Артур же отказывался от этих денег, а Андрей настаивал!

Эти размышления прервал слегка подда-
тый парень. Он подошел к стоящему в сто-
роне от кружка спорящих Артуру и сказал:

— Могу помочь вернуть деньги, есть такая
возможность. Тариф — пять процентов от
суммы. Полтора процента — предоплата,
нужно сразу на расходы. Три с половиной
процента — после получения денег.

— Спасибо, не нужно, — не принял пред-
ложение Артур, уж больно сильно от парня
пахло спиртным, наверное, уже получил
с кого-то полтора процента.

— Воля ваша, ходи голодный, — зло сказал
парень и отошел искать другого простофилю.

«Так вот, — продолжил размышления Ар-
тур. — Надо срочно вызвать сюда Андрея.
Пусть посмотрит, поварится, проникнется
масштабом бедствия. Может быть, и пред-
примет что-нибудь. Пусть сам свои деньги
достаёт. Оставляю ему доверенность от «Им-
пульса». Ну, совсем бросать его все-таки со-
вестно... Отдам ему четыре тысячи долларов
своих, это — треть суммы».

Андрей быстро приехал, понял, в чем де-
ло, и чуть не заплакал от расстройства.

— Что же делать! — в отчаянье восклицал
Андрей. — Я пропал!

— Ну, уж ладно, — успокаивал его Ар-
тур. — Будем доставать. Для начала обра-
титься в свой банк, может, у них есть связи
с этим банчишкой...

— Что? Куда! Как ты меня подвел! — про-
должал стенать Андрей. — Мне послезавтра
нужно заплатить четыре тысячи долларов за
оборудование, иначе работа рухнет.

«Надо же, какое совпадение», — подумал
Артур, но предлагать сразу ничего не стал —
пусть Андрей со своей бедой ночь переспит.

На следующий день, когда Андрей при-
ехал в «Импульс», Артур выложил четыре ты-
сячи долларов: «Вот, достал, раз у тебя такое
положение».

— А остальные? — с робкой надеждой
спросил Андрей.

Артур дал ему папку с документами.

— Вот, копии договоров и прочих доку-
ментов. Тут же и доверенность. Там напи-
сано, что ты можешь этим заниматься, —
жестко сказал Артур. — Так что, остальные
деньги сам доставай!

— А ты?!

— А я — в отпуске!

— В каком отпуске?! — повысил голос Андрей. — Такая катастрофа — все отпуска по боку!

— Какая катастрофа? Деньги потерял? Это не катастрофа, тем более что на первый расход я тебе дал, — успокаивал Андрея Артур. — Занимайся, может, еще что-нибудь вытащишь. Я через две недели вернусь, тоже подключусь.

— Так ты сбегаешь?! Думаешь, на тебя управы нет?!

— В таком тоне я с тобой разговаривать не буду, — сказал Артур. — Станешь угрожать, я у тебя деньги и бумаги отберу, а тебя охрана выкинет отсюда.

— Да я тебя... — кипятился Андрей.

— Что ты меня? — встал с места Артур. — Я тебе говорил, что я в отпуск ухожу. Ты не слушал и кланчил. Теперь орешь! Подумаешь, какая катастрофа: деньги хотел обналичить, а они пропали. К кому ты с этой бедой пойдешь? К бандитам? Думаешь, они тебя пожалеют и бесплатно меня зарежут?

— Ты меня зарезал! — взвизгнул Андрей.

— Ладно, без истерик! Я тебе говорю, объединяйся с другими, пишите заявления, что фирма взяла деньги за работу, ничего не

сделала и сбежала. Просим арестовать счета, наложить арест на имущество, найти негодяев. Может быть, что-то получится. Я думаю, что вряд ли. Наверняка, они счета обнулили, имущества у них не было, а сами они далеко-далеко. Ну, я тут останусь, не поеду в отпуск, и что? Буду бурную деятельность изображать и сопли тебе подтирать? Нет! Иди, работай. Через две недели звони.

Андрей ушел раздавленный. А Артура долго мучила совесть. Первый раз в жизни он так жестоко поступил с человеком.

МИДИИ

От Симферополя до Алушты поехали на троллейбусе. Светлану все приводило в восторг: междугородний троллейбус, степь, но особенно — горы. Она прильнула к окну и замерла. Иногда Артур говорил, чтобы она посмотрела в другую сторону. Светка отрыва-

лась от окна, ойкала, потом снова прижималась к стеклу.

Артур чувствовал себя волшебником, вводящим девушку в волшебную страну. Он хотел еще чудес, старался еще сильнее удивить подружку. Артур раньше времени стал тормошить Свету, приговаривая: «Смотри, что сейчас будет за поворотом!» Света смотрела вперед, но ничего особенно нового за поворотом не открывалось. На пятый, наверное, раз за поворотом стало видно море. Сразу большое, до полнеба. «Ой!» — вздохнула Света. Артур был счастлив.

В Алуште вылезли из троллейбуса, немного погуляли, перекусили в кафе, отдохнули и сели на катер. Билеты взяли до Ялты. Поплыли вдоль берега. Светка немного устала, но, не отрываясь, смотрела на берег. Подплыли к Аюдагу. Артур с гордостью рассказал, что был в Артеке после шестого класса. Обогнули гору, открылся Гурзуф. Над набережной и санаториями ползла в гору татарская деревушка, такая красивая, такая живописная.

— Артур! — воскликнула Светлана. — Боже мой, какая красота! Это же чудо! Давай, здесь останемся!

Подхватили манатки и сошли с катера в Гурзуфе. Тут же на пристани договорились о жилье, точнее, их взяла к себе подыскивавшая квартирантов женщина, назвавшаяся Зинаидой Григорьевной, и повела по улице в гору, «на квартиру».

Зинаида Григорьевна сообщила, что ей пятьдесят семь лет, спросила, сколько лет ее новым жильцам, женаты ли они и откуда приехали. После этого сказала, чтобы кликали ее «баба Зина, меня все так кличут». Тогда еще слово «кликнуть» не было так тесно связано с компьютером и «мышкой», во всяком случае, для бабы Зины.

По дороге баба Зина не замолкала ни на минуту.

— У нас хозяйки разные. Есть очень принципиальные. Летом народу много приезжает, так они выбирают. Одна с России не берет, мы, говорит, в Украине живем, от москалей натерпелись, так хоть теперь отдохнем от них. Другая, она через дом от меня живет, только, говорит, селю законных супругов. Я, говорит, греху не могу потакать. Он тут с молодухой кувыркается, а дома у него, может, семеро по лавкам. А мне все равно, лишь бы порядок был. Чтобы ночью не шу-

мели, чтобы чистота была, чтобы водой сами себя обеспечивали, чтобы баллоны с газом сходили поменять, если машина не придет. А я для своих отдыхающих все делаю. У меня и холодильник есть для жильцов. Только яйца в холодильник я класть не разрешаю. Яйца и так не протухнут, а место в холодильнике занимают. А колбасу, молоко, пожалуйста. Ну, это, конечно летом, когда полно жильцов. Сейчас мало живут, можно и яйца класть. Баба Зина отдыхающих жалеет, это каждый скажет. Летом пришел один мужчина с мальчиком лет пяти. Я его спросила: «Что, сын писается по ночам?» — «Писается», — говорит. А я, все равно, взяла. Куда ж им, на улицу, что ли? Ну и что, что писается? Может, из него, когда вырастет, ученый получится, или артист, или писатель. Тут у нас Чехов жил, слышали? Поселила папашу с сыном в беседке, она как дом, вся закрытая, только отопления нет. А зачем летом отопление? А так, две кровати, простыни, столик даже есть.

Светлана и Артур слушали эту курортную демагогию, а когда баба Зина останавливалась отдышаться, ребята уходили вперед и смеялись.

Дошли, увидели дом, бывшую саклю. Рядом с домом бабы Зины был построен длинный сарай для отдыхающих. Сарай делился на узкие комнаты по семь квадратных метров каждая. В комнате умещались две кровати и тумбочка, которую, если поставить посередине и сидеть на кроватях, можно было использовать, как стол. Для чемоданов оставались две «щели» между спинками в ногах кроватей и стеной. Над «щелями» для чемоданов — две вешалки для одежды. В противоположной от двери стене было маленькое окошко.

Во дворе перед сараем стоял большой дощатый стол со стульями и скамейками, на которых могли одновременно рассестись 16 человек. Рядом под навесом — газовая плита с пятилитровыми баллонами. Поодаль был умывальник — длинный бак с кранами. За умывальником — уборная с четырьмя кабинками и душ той же конструкции, что и умывальник.

— Воду в баки отдыхающие сами наливают, по четыре ведра в день на комнату, — сказала баба Зина. — Баки всегда должны быть полные. Так участковый велел.

Отдыхающих было пять человек. У бабы Зины жила молодая семья с дочкой-до-

школьницей из Донецкой области. При знакомстве, узнав, что новые соседи из Москвы, молодой отец сообщил, что они с женой два года назад, оставив дочку теще, съездили на неделю в Москву, а Артур спросил у жителей Донбасса, не знают ли они Василия Трофимовича и Оксану из Донецка. Еще были родственники бабы Зины из Череповца, тоже молодой мужчина и его жена. Родственники платили, как и все. Льгота у них была только одна — когда хозяйка слишком долго говорила, родственник мог остановить ее: «Баба Зина, брось трепаться!» И хозяйка замолкала. Взамен этой льготы у него были родственные обязанности — баба Зина постоянно просила его помочь мужу, Федору Софроновичу, по хозяйству. Он иногда соглашался со словами: «Ну, баба Зина, ты даешь!», иногда отказывался: «Не сейчас, баба Зина». Родственник был умелый и веселый человек, а Софронич — пожилой, бестолковый и пьющий. Поэтому все делал родственник, а дед только ждал, когда будут обмывать успех. Теперь к отдыхающим прибавились Артур и Светлана, и стало семеро.

Артур был несколько смущен этой неизменной советской атмосферой «отдыха ди-

карем», когда нет ни водопровода, ни канализации. И хозяйка всеми помыкает. Так хорошо отдыхать студентам, а он все-таки не студент, и деньги есть. Да, деньги есть, а привычки заранее заботиться о собственном комфорте нет. «Привык, что о семейном отдыхе родители думают, — корил себя Артур. — Надо это учесть на будущее. Ну, конечно, в гостиницу без штампа в паспорте соваться неудобно, да и «светиться» не хочется. Но, тем не менее, в следующий раз нужно подготовить площадку получше...»

А Светлана воспринимала эту обстановку как обычную и радовалась тому, что так легко все решилось с жильем, что у них хорошие, молодые и симпатичные соседи. Светлана с первого дня стала играть с соседской девочкой и даже оставалась с ней, если это не нарушало их с Артуром планов.

Погода стояла теплая, ясная, и первые два дня Света с Артуром провели на пляже.

На третий день поехали в Мисхор и поднялись на Ай-Петри по канатной дороге. Виды из окна кабины завораживали. Наверху Светлана была поражена, что за этой отвесной скалой лежит зеленая равнина. Она ожидала увидеть там скалы, каменные иглы,

такие же, как Ай-Петри, ведь снизу казалось, что Ай-Петри — это игла, а не обрыв. Артур знал, что там равнина, плоскогорье, «яйла». Он уже был на Ай-Петри, только канатной дороги тогда не было. Ездил на машине с родителями. Но панорама Южного берега восхитила и его, побывавшего уже тут и все это видевшего.

Высокая, выше уровня глаз линия горизонта. Такая далекая, что подернута была дымкой. Ниже — море, еще ниже — полоска берега. Артур смотрел вдаль, очарованный красотой. Потом сел на камни на краю обрыва и стал разбираться, где Мисхор, где Ялта... А там что, вдали, Симеиз? Невозможно было насмотреться на эту красоту, невозможно было надышаться этим простором. Уже все увидел, уже все обдумал, но покидать край обрыва не хотелось, уходить от такого очарования было жалко.

Такие места всегда привлекали людей. Обязательно нужна высота, широкий обзор. Желательно, чтобы была вода: океан, море, озеро, река. Хорошо, когда красивое место связано с важным историческим событием. Но в Португалии на мысе Сан-Висенти,

юго-западной оконечности Европы нет никаких памятников и туристических объектов, только крутой берег, вертикально обрывающийся к океану, океан до самой Америки или до самой Антарктиды, небо и ветер. Люди едут сюда, постоять и посмотреть. А чтобы легкомысленные туристы в шортах не застыли на ветру, португальские рукодельницы продают шерстяные кофты грубой вязки на любые фигуры.

Не только сытая Европа ценит бескрайние дали. У нас полно таких мест, которые добрые люди обустроили для того, чтобы полюбоваться родными просторами. В Новгородской области недалеко от села Устрека Мошенского района, села, до которого только и идет асфальт, а дальше уже нет асфальта, на повороте дороги на холме устроена площадка. При строительстве дороги насыпали и утрамбовали два-три самосвала щебня, чтобы проезжий мог остановить машину и постоять, глядя на лес, на озеро, угадать, что за лесом есть еще одно озеро. А вокруг — деревеньки с гоголевскими названиями, такие, к которым не всегда проедешь на легковой машине, как, к примеру, Закарасенья. Женщины из этой деревни

носят белье полоскать к озеру, чтобы белье пахло свежестью. Идут метров 300 вниз с холма, а обратно в гору с тяжелой корзиной... Постоишь, помечтаешь на холме, сядешь в автомобиль и поедешь дальше. А туристов там никаких не было никогда. Спасибо дорожному строителю, который устроил смотровую площадку, наверняка, не предусмотренную сметой.

Погружённый в подобные мысли, Артур сидел на краю обрыва, свесив ноги в пропасть, смотрел вдаль, дышал полной грудью и не мог насмотреться и надышаться. Светлане надоело его ждать, да и сидел он над скалой очень опасно. Сейчас размечтается и свалится вниз. «Сильно-то не задумывайся!» — сказала Светлана и оттащила Артура от края.

Погуляли по зеленой равнине, несколько раз возвращаясь к краю, чтобы еще разок посмотреть. Выпили по стаканчику вина в палатке, закусили крымским персиком и по канатной дороге спустились вниз, стоя в кабине обнявшись и глядя в четыре глаза на приближающуюся землю.

Следующий день лежали на пляже, а через день Артур купил маски с трубками,

ласты, выпросил у бабы Зины котелок, и они на катере поплыли в поселок Рыбачье, за Алушту, за мидиями. Не потому, что там какие-то особенные ракушечные места. Просто Артур единственный раз в жизни собирал мидий в Рыбачьем и помнил, что к чему. Светлане он этого не объяснял, вел себя солидно, как бывалый подводный охотник.

Пришли на то самое место, расположенное довольно далеко от пристани. Артур полазил по кустам и нашел общественный противень.

— У нас же есть котелок, — сказала Света.

— Жареные мидии вкуснее, — объяснил Артур. — А котелок я взял на всякий случай, если бы противень не нашли... Вообще, посмотрим, какая будет добыча, а то сможем попробовать и вареных, и жареных!

Ныряли с маской, задерживали дыхание и выдували воду через трубку. Света быстро освоила технику такого плавания. Мидий на камнях было сколько угодно. Собирал их, в основном, Артур. Светлана плавала и смотрела, что там делается под водой.

Развели костер, насовали в противень с бортиками вертикально ракушки, положили противень на камушки над огнем и стали ждать, пока будет готово это варварское кушанье.

Артур располовинивал раскрывшиеся раковины, поливал лимонным соком, солил, перчил и ел с хлебом, запивая вином и похваливая. Светлана осторожно попробовала уже разделанного моллюска. Сначала из рук Артура, потом сама разломил ракушку и выела содержимое, затаив дух и подавив отвращение. Поедание раковин казалось ей диким и неэстетичным. Но Артур был в таком восторге, что Светлана съела несколько штук, попросив Артура разделить для нее мидий и положить на хлеб. Потом сказала, что наелась и больше не хочет. «Лучше немного поголодать, чем такую гадость есть», — подумала она.

Оставшиеся жареные и сырые ракушки взяли с собой, решили устроить пир для всех постояльцев бабы Зины. Артур полагал, что соседи будут в восторге, Светлана сомневалась, но вслух своих сомнений не высказывала.

Дома, когда в кипящую воду побросали мидий и пошел запах, прибежала баба Зина с криком «Поганое мясо!» и с требованием варку прекратить. Но за соседней вступился родственник: «Баба Зина, не мешай людям отдыхать!» А так как родственник в это время

чинил хозяйский телевизор и работу еще не закончил, то баба Зина отстала от отдыхающих, приказав, чтобы потом оттерли котелок.

Вечером ребенка уложили спать и устроили праздничный ужин всемером — шесть отдыхающих и Софроныч. Баба Зина прислала на стол «шматок» сала, каждый принес, что мог, о выпивке позаботились заранее. Закусывать мидиями было совсем не обязательно. Светлана не съела ни одной.

Софроныч сразу окинул взглядом стол, поделил количество бутылок на количество мужчин и решил не рисковать. Подставил граненый стакан, сказав, что его руки, загрубевшие от тяжелой работы, «рюмку не чувят». Но от стакана Софроныч быстро осоловел, сообщил, что он «переутомился, не в смысле водки», положил голову на руки и задремал во главе стола.

Молодежь за столом беседовала потихонечку, полегонечку. Рассказывали каждый о своем. Родственник бабы Зины описал черное небо Череповца. Молодой отец сказал, что поехали они в отпуск, наверное, в последний раз. Заводы в их городке стоят, зарплату не платят. Артур с восторгом рассказал, как они со Светой поднимались на

Ай-Петри, как там красиво, как он сидел над обрывом, а Светлана его оттащила.

Вдруг встрепенулся Софроныч, поднял голову, оглядел всех мутным взором, остановил взгляд на Артуре и хрястнул кулаком по столу.

— Ты шо, идиот?! Ты бы с оттуда свалился и так орал, если бы еще мог орать! Надо уже спрашивать умных людей, когда своего ума нет!

Софроныч кричал с таким одесским акцентом, которого раньше у него не замечали. Агрессивный вопль Софроныча совсем не вписывался в общий тон. Все замерли. Чуть ли не собрались расходиться.

Обстановку разрядил молодой отец.

— Софронович, вы, мабуть, с Одессы?

— Ша, я с Молдаванки... — прокричал Софроныч и опять ударил кулаком по столу, но не так сильно, как первый раз.

— Так у меня мама с Одессы, ну, там близко, с Ильичевска, она всю жизнь так говорит, как вы.

— Тогда выпьем за Одессу-маму, — сказал родственник бабы Зины.

Софроныч опять подставил стакан, но налили ему меньше половины, не заслужил.

В последующие дни Светлана и Артур съездили еще в Ялту и в Ливадию. Намечали поездку в Севастополь и в Никитский ботанический сад, но ни сил, ни времени не хватило. Решили отложить визит в Севастополь до следующей поездки в Крым.

Настал день отъезда. С соседями обменялись телефонами, но потом никто друг другу не позвонил. Летние знакомства редко поддерживаются. Купили в Симферополе на рынке по ведру персиков и погрузились в поезд. Отпуск удался! Дел в Москве полно...

БАНКИРЫ

Парень-операционист был неузнаваем, дерганные движения пропали, его как будто маслом смазали. Он принял у Артура платежки, отдал копии и другие документы, подписанные банком, и сказал почти тельно:

— С вами желает поговорить Раиса Хамзеевна!

— А кто это? — спросил Артур. Он знал, что операционист назвал даму — председателя правления банка, но хотелось подразнить вихлявого парня.

Парень вылупил глаза и уставился неподвижным взглядом на Артура. Видимо, он соображал, кто перед ним: полный идиот, который даже не знает, кто такая Раиса Хамзеевна, или настолько крутой мэн, что может позволить себе не знать такого большого человека. Решив на всякий случай ничего не объяснять, парень продолжил.

— Она просила вас подойти к 12 часам. Сейчас, наверное, приедет, — добавил операционист, поглядев на часы.

Артур забрал документы, спрятал их в портфель и потихоньку направился к вестибюлю, из которого он входил в операционный зал. Другая дверь из вестибюля вела в служебные помещения банка, куда клиентов не пускал охранник. По дороге Артур привычно читал объявления на стенах. Теперь он в них уже кое-что понимал.

Когда Артур подошел к вестибюлю, обе створки высоких дверей на улицу распахну-

лись, охранники вытянулись, и в банк вошла живописная группа. Основное ядро ее составляли пять красивых высоких мужчин в дорогих костюмах, которые, не смешивая рядов, прошли в двери, не глядя по сторонам. Выражения лиц, которые были у этих мужчин, не появляются сами собой, а создаются специально, перед зеркалом. Лица их выражали значительность, неприступность, богатство и уважение к своей личности. Пожалуй, даже перед зеркалом за короткий срок такого выражения лица не добьешься! Тут и питание требуется хорошее, и парикмахер нужен, и кремы всякие, и психологическая поддержка, чтобы говорил кто-нибудь постоянно: «Какой ты красивый, успешный и замечательный!»

Перед группой этих роскошных мужчин шла, прихрамывая, маленькая брюнетка в черном платье. Она была как дядька Черномор при богатырях. Она радикально отличалась от идущих за ней мужчин живостью и непосредственностью. Она смотрела по сторонам, все замечала и во всем, что происходило вокруг, участвовала. Чуть задержавшись в дверях, она сказала охраннику: «Андрюша, я твой вопрос решила!» Указав на постер,

висевший на стене вестибюля, повелела: «Убрать, устарел». Один из свиты достал блокнотик и черкнул в нем. А вся свита согласовала темп шествия, плавного и размеренного, с неравномерным движением и неожиданными остановками хромой женщины.

Это и была Раиса Хамзеевна. Артур увязался за группой, чтобы попасть в приемную, но его отсек охранник у входа в служебную часть банка. Прошедшая уже внутрь Раиса Хамзеевна обернулась, при этом «богатыри» качнулись влево и вправо, чтобы не загромождать руководительнице обзор.

— Пропусти его, — на ходу сказала Раиса Хамзеевна охраннику. Группа сомкнула ряды и пошла дальше, а охранник сказал Артуру: «Пожалуйста, проходите».

Артур прошел в приемную, у входа в которую сидел еще один охранник. «Ну и ну! У каждой двери охранник, — подумал Артур. — Как в кино про Штирлица!»

После пяти минут ожидания секретарша пригласила Артура в кабинет. Артур вошел и осмотрелся. Стены кабинета были обшиты панелями из светлого дуба, в центре стоял стол для заседаний с инкрустированной столешницей, вокруг которого расположились

мягкие стулья с круглыми спинками, в стороне стоял черный кожаный угловой диван с журнальным столиком. В «красном углу» на простой полочке стояли православные иконы — Господь Вседержитель, Казанская Богородица и Николай Угодник.

Хозяйка кабинета сидела за письменным столом и вела напряженный разговор по телефону. Видимо, ей позвонили, пока Артур входил в кабинет. Она прервала разговор и сказала Артуру:

— Вот, — Раиса Хамзеевна указала на стены. — Посмотрите, что мы за банк! А я сейчас закончу — это важно.

По стенам кабинета в скромных рамках были развешаны благодарственные письма банку и лично Раисе Хамзеевне от епископа Орловской епархии, от директора детского дома во Владимирской области, от главного врача больницы в городе Кыштыме, а также свидетельства о высоких достижениях банка, и о победе Раисы Хамзеевны в конкурсе на звание «Деловая женщина России».

Закончив телефонный разговор, хозяйка кабинета дала возможность Артуру дочитать письма и свидетельства на стенах и пригласила к своему письменному столу.

— Вы — наш клиент уже более полугода. Я решила с вами поговорить. Ваше предприятие «Импульс», как я понимаю, дочерняя фирма института Закурдаева. С Юрием Иннокентьевичем я лично не знакома, но работать с предприятием, возглавляемым таким известным ученым, лестно для любого банка. Если институт захочет открыть у нас счет, мы с радостью примем такого клиента. Вопросы кредитов на зарплату или на другие нужды будут решаться у нас быстро и взаимовыгодно, расчетно-кассовое обслуживание у нас образцовое, вы знаете. С нами работать значительно удобней, чем, например, со «Сбербанком». При случае передайте Юрию Иннокентьевичу привет от банка «Тишинский» и от меня лично. Секретарь вам даст сувениры для вас и для Юрия Иннокентьевича. Эти сувениры имеют познавательный и рекламный характер — по ним можно составить впечатление о нашем банке.

— Спасибо, — сказал Артур. — Обязательно передам.

Раиса Хамзеевна стрельнула на него глазами, и Артур пожалел, что влез. Банкирша продолжила.

— Сейчас тяжелое время и многие предприятия переживают трудности. Хорошо,

что ваш институт не растерялся, применяет современные методы хозяйственной деятельности, бережет научный потенциал. Трудные времена закончатся. Но к тому времени Россия должна сохранить статус великой державы. Успешные коммерческие предприятия, особенно банки, должны заботиться также и об этом. Конечно, нам необходимо деньги зарабатывать, иначе нас сожрут. У нас нет возможности прямо финансировать научные работы, это нам сейчас не по силам. Но, по мере возможности, участвовать в сохранении культуры и науки в России мы обязаны, и кое-что делаем, — Раиса Хамзеевна обвела широким жестом благодарственные письма на стенах. — Поэтому я решила создать для вашей фирмы наиболее комфортный режим работы. Конкретные вопросы обсудите с Алексеем Федоровичем, моим заместителем. По всем вопросам обращайтесь к нему. Сейчас пройдите познакомиться. Желаю успеха.

Раиса Хамзеевна улыбнулась, Артур встал, поблагодарил и покинул кабинет. В приемной к нему подошла секретарша с двумя красивыми пакетами. Но Артур после разговора с Раисой Хамзеевной настолько перепол-

нился чувством собственной значимости, что подарков не взял, а сказал:

— Отдайте их мне после разговора с Алексеем Федоровичем. А сейчас проводите меня к нему.

Секретарша послушно вернула пакеты в шкаф, прикрытый раздвижными дверцами, повернулась к Артуру и пригласила следовать за ней.

У Алексея Федоровича тоже был большой кабинет, но меньше, чем у начальницы, и без икон. Стол для заседаний был поменьше, а дивана вообще не было. На боковой стене висел старинный мужской портрет в резной раме, наверное, очень дорогой, а над головой хозяина кабинета — портрет Ельцина. В углу стояли вместе флаг России и флаг Москвы.

Алексей Федорович привстал, опираясь левой рукой на подлокотник кресла, поздоровался с Артуром за руку и снова плюхнулся в кресло. Это был один из тех великолепных мужчин, которые сопровождали Раису Хамзеевну в шестии по коридорам банка. Но говорить с Артуром Алексей Федорович начал просто, без фокусов.

— Наш банк участвует в нескольких крупных проектах по всей стране. Но мы стара-

емся крепко стать на ноги в Москве, в особенности в нашем Краснопресненском районе. За это направление работы в банке отвечаю я. Это не только финансовые операции. Мы собираемся осуществить благотворительную программу в районе. Супруг Раисы Хамзеевны баллотируется в Мосгордуму от нашего округа. Я дам вам два предвыборных плаката и попрошу повесить их в вашем институте на доску объявлений и еще куда-нибудь. Шансы пройти у него невелики, вместе с ним баллотируются несколько сильных конкурентов, например, главный редактор «Московского молодежного листка» Павел Каплунов и другие узнаваемые деятели. Но мы решили участвовать в избирательной кампании. Мы налаживаем тесные отношения с крупными предприятиями района, помогаем реализовать зарплатные схемы, которых сейчас множество. И с вашим институтом мы хотели бы сотрудничать.

Алексей Федорович прервал свою речь, вызвал секретаршу и попросил принести кофе для себя и для гостя. Отхлебнув кофе и подождав, пока вышла секретарша, Алексей Федорович продолжил:

— В настоящее время ваша деятельность с точки зрения банковского работника кажется не совсем оптимальной. Такая обналичка...

Услышав это слово, Артур вскинулся и уставился на заместителя расширенными глазами.

— Ну, что вы, Артур Артурович?! Не пугайтесь, не нервничайте, ведь мы же банкиры и кое-что понимаем. Ну, ладно, не нравится это слово, так скажем по-другому. Такие «финансовые операции доверительного характера», которые вы проводите, связаны с риском и излишними расходами. Зачем вам посылать куда-то деньги, иметь дело с фирмами, которые могут исчезнуть с вашими деньгами? Наш банк выдаст вам всё, что требуется. И ни возить деньги издалека, ни носить деньги по улице не придется. Вот пропуск, по нему вас будут пускать на парковку на территории банка, за шлагбаумом... Только не раздавите своим «Москвичом» какой-нибудь «Мерседес»!

Тут Алексей Федорович захохотал: ему и шутка собственная понравилась, и позабавило смущение клиента от того, что слово

«обналичка» произнес вслух посторонний, и то, что все так просто и здорово!

Даже оторопевшего Артура удивило, что такой надутый господин так заливисто смеется. «Наверное, он свою маску надевает, когда выходит из кабинета... или на переговорах с более солидными клиентами», — подумал Артур.

— А каковы условия «доверительных операций» в банке? — спросил Артур.

— Если бы вы могли подписать договор на закупку за наличные деньги сельскохозяйственной продукции у населения, то получили бы деньги прямо в кассе банка под 1%, — снова стал серьезным Алексей Федорович. — Но такой договор, я думаю, для вас нежелателен. Поэтому нужна «прокладка», процент будет больше, но вас он устроит. При этом «прокладка» будет наша, банковская. И банк гарантирует, что «прокладка» не сбежит, не смоемся. Хочу вам объяснить, Артур Артурович, что банк живет не с этих процентов, наличные деньги у нас вы будете получать практически по себестоимости. Банк живет от объема средств, находящихся в его распоряжении. Вот если бы вы не сразу

забирали у нас деньги, а давали бы нам пару дней, лучше, неделю, то мы были бы вам благодарны.

Артур вышел из кабинета заместителя в сильном возбуждении — задание директора работать непосредственно с банком выполнено! Причем без особых усилий, как будто случайно. Не нужно искать липовые конторы, все сделает банк. Идут навстречу, относятся по-человечески, сами предложили «дружбу»! Но и озадачили слегка. В руках у него были пакеты с сувенирами и скатанные в трубочку предвыборные плакаты.

«Везет, да и только! — думал Артур. — И тайна липовых фирм теперь раскрыта. Эти конторы получают в банках деньги на закупку березового сока или сосновой смолы — «живицы», а потом исчезают бесследно. Ни денег, ни «живицы»... Хорошо, есть что директору доложить. А то Юрий Иннокентьевич, после того, как я попытался ему всучить пять «штук», стал на меня немного сбоку смотреть, не прямо. Пожалуй, о предложении институту открыть счет в «Тишинском» банке, директору сразу говорить не буду. Лучше попытаюсь организовать визит директора в банк. Ведь ему любопытно узнать,

с каким банком «Импульс» работает! Может, он думает, что это — какая-нибудь «шарашкина контора». Приедем, а здесь такое! По моему пропуску нас на стояночку пропустят, здание шикарное, охранники на каждом шагу, Раиса Хамзеевна — умная женщина, значительная, а заместители — как члены императорской фамилии, их профили можно на монетах чеканить. Пусть они и уговаривают директора открыть счет в «Тишинском»... А Юрий Иннокентьевич — величина! Не будь его, не предложили бы сотрудничества. Раиса Хамзеевна говорила про него, как про Туполева или про Королева. Конечно, директор сообразит, что операции непосредственно через банк станут дешевле. Пожалуй, я и не стану ждать, пока директор спросит об этом, а сам назову новые ставки. Ну и что?! Хватит денег и институту, и мне, и Оксане, и Александру Павловичу! Ура! Не будет больше жуткого страха, что пропадут чужие деньги, посланные неизвестно куда! Не будет больше такой занозы в душе, какую оставил бедняга Андрей. Ей-богу, с первых больших заработков верну Андрею деньги. А что, найду его и верну!»

ПУЛЯ

— Скоро, скоро — на седьмой! — сказала в трубку Светлана.

Артур вышел из-за стола, заглянул в кабинет Евгении Сергеевны, сказал: «Я отойду ненадолго», — и вышел из комнаты.

На 7-м этаже, на площадке около лифта, стояли ребята и девушки из Светкиной конструкторской бригады.

Как только появился Артур, Светлана сказала: «Пошли!» — и повела всех к лестнице. По дороге Светлана сказала Артуру: «Идем смотреть, как танки по Белому Дому стреляют. Сейчас по телевизору, по CNN показывали обстрел. Я ключи от крыши достала». Глаза у Светы горели, скулы покрылись темно-красным румянцем. Она гордо и вдохновенно вела свою группу. Все послушно шли за ней.

На лестничной площадке остановились, ждали, пока Светлана искала нужный ключ на связке. Лестница вела вверх, лестничный пролет загораживала ажурная калитка, за-

пертая на замок. На калитке висела табличка с надписью «Посторонним вход запрещен. Ключи у тов. Тел. ...». За калиткой лестница имела уже не жилой, а технический вид: узкая, с серыми ступенями и металлическими перилами. Ясно было, что туда просто так ходить не следует. Никто из ребят там не был никогда. Возникла тревога, беспокойство, дисциплинированным конструкторам захотелось уйти... Тут еще Светка возится с ключами...

— Слушайте, а не ищем ли мы приключений на свою задницу? Ведь точно стукнут, доложат, что мы на крышу лазили, — сказал один из парней. Остальные выжидательно смотрели на Свету, ждали ее решения — идти дальше или возвращаться. Артур с любопытством наблюдал, как его Светка командовала людьми.

Светлана нашла, наконец, ключ, открыла калитку, ступила одной ногой через порог и, стоя так — одна нога в запрещенном пространстве, другая — в разрешенном, сказала товарищам:

— Ребята! Я читала, как одна знаменитая московская семья в семнадцатом году запаслась мукой и постным маслом. Когда на ули-

цах начали стрелять, они заперлись в своей квартире, не выходили несколько дней и жарили олады. Вот автор книги всю жизнь потом жалел, стыдился, что, кроме оладий, про революцию ничего не помнит. Такое дело мимо прошло! А ведь он был тогда ребенком! А мы с вами — взрослые уже. Давайте, хоть одним глазком глянем на историческое событие!

— Ладно, пойдем, посмотрим... — ребята поддались на агитацию.

Группа прошла в калитку, которую придерживала Светлана. Светлана закрыла калитку на ключ, так велел комендант. О том, что произошло дальше, рассказал директору предприятия его заместитель по режиму Игорь Петрович Аверин.

Заместитель директора по режиму пришел с докладом о гибели Светы к Юрию Иннокентьевичу. Перед этим он позвонил директору и попросил его принять и выслушать.

— Я намерен вам нарисовать объективную картину того, что произошло. Суть дела, так сказать.

— Что вы называете «делом»? Гибель девушки? — с раздражением ответил директор. — Я и так все знаю.

— Сомневаюсь, что вам известны все обстоятельства... дела. Выслушайте меня, Юрий Иннокентьевич. От того, как мы с вами поговорим, зависят наши дальнейшие действия. Если мы поймем друг друга, это будет полезно для всех, ... кроме погибшей девушки, разумеется.

— Ладно, извините. Приходите сейчас.

Вот, что Игорь Петрович поведал директору.

— Было так. 4 октября около 10 часов утра группа молодых людей, шесть человек, три девушки и трое юношей, пять конструкторов и Калмыков, взяли у дежурного ключ от чердачного помещения. Забрались на чердак, вылезли на крышу, чтобы посмотреть непосредственно на происходящее на Калининском мосту. Маслакова была инициатором экскурсии. Как только ребята вылезли из будки, через которую выходят на крышу, тут же попали под огонь: они увидели, что в кирпичную стенку будки ударила пуля. И сообразили, что это действительно была пуля. Крыша находилась под наблюдением снайперов, имевших приказ не допустить обстрела танков на Калининском мосту с крыш окрестных зданий. Ребята испугались и спря-

тались. Решили вернуться и не рисковать. Маслакова сказала, что должна хоть разочек взглянуть. Как только она выглянула, получила пулю в голову. Мгновенная смерть. Остальные оттащили мертвую девушку на чердак. Не поняли сразу, что Маслакова убита, думали, что в реальной жизни так не бывает. Перепугались ужасно — что всем за это будет. Два парня сказали, что у них много работы, и им нужно идти. Калмыков вытащил из кармана ветровки мертвой девушки ключи от калитки и вывел этих двух трусов с крыши. Парни ушли к себе и спрятались за кульманы. Сам Калмыков побежал в медпункт за помощью, а девушки остались около тела. Медсестра из медпункта позвонила мне. Наши приехали и забрали труп.

— Как Калмыков затесался в эту компанию? — спросил директор.

— Он, когда материалы для доклада готовил, сидел у них в КБ, плакаты рисовал и познакомился с конструкторами. С погибшей у него был роман. У Маслаковой обнаружили беременность — три недели, возможно, сама еще не знала. Калмыков рассказал мне, как и для чего полезли на крышу, от своего участия в экскурсии не отказывался, от любви

своей тоже не отказывался. Девушку погибшую не бросил, при беседе не ерзал, не юлил, в отличие от двух других парней. Про беременность мы ему не стали говорить. Не нужно еще больше драматизировать ситуацию. Поступило указание: дело спустить на тормозах, не афишировать подробности, ведь, фактически, это было убийство по неосторожности. Снайперу тоже не сказали, что он убил человека: согнал посторонних с крыши, и молодец.

— Как расползается ваше «дело»! Калмыков, снайпер...

— Неясно, что их объединило, Калмыкова и Маслакову. Он — мажор, сын большого человека, сюда попал случайно, — заместитель поднял глаза на директора и поправился, — почти случайно. Она — из семьи железнодорожных рабочих. Ее родители до сих пор в полосе отчуждения картошку сажают, с того и живут. Она была заботливая дочка. Родителей почитала, но путь себе наметила вопреки их пожеланиям, не слушала советов отсталых родителей. Окончила дневной институт, в бригаде своей работала хорошо, считалась перспективным конструктором. Не особо красивая, но добрая и надежная. Упорная, и для себя все сама решала.

— Одна она у родителей? — спросил директор.

— Старший брат еще есть, женатый, в Долгопрудном работает на заводе слесарем-сборщиком.

— Да, жалко девочку... — сказал директор, увлекшийся рассказом. — Я, действительно, не так все себе представлял...

— Уголовного дела решили не заводить, все проведем, как несчастный случай. Прошу у вас разрешения в этом ключе провести служебное расследование. Бездельника, который ключ ребятам передал, предлагаю уволить. Приказ, выговоры и прочее — я подготавливаю предложения. Прошу еще изыскать средства, чтобы родителям передать и похоронить Маслакову за счет предприятия. Жалко девочку, из-за озорства погибла.

— Да, да... Готовьте ваши предложения.

Артур сидел вечером один в офисе «Импюльса» и выл, как старый вдовец... даже, как старая баба, роняя слезы и произнося некоторые слова вслух.

— Светик мой бедненький! Как же так случилось?! Мне в голову не пришло, что там

опасно, а то я бы... я бы не пустил, я бы загородил... Светочка, солнышко, любимая моя, на кого ж ты меня покинула?! Я без тебя не могу, я привык к тебе. Умница моя, ничего я не успел для тебя сделать, все боялся чего-то, а надо было все бросить и к тебе прилепиться... и чужих не подпускать. Тогда, в июле, поехали «на шашлыки» два школьных товарища с подружками и мы со Светкой. Девчонки отошли, а мне один говорит: «Светлана твоя какая-то малоэффектная», а другой: «Артурчик, ты чего такую некрасивую привел?» Много они видят! Я им: «Вам, козлам, не понять!» Ну, они сообразили, что я серьезно говорю, и не стали эту тему развивать. Тогда хоть защитил Светочку... Какой же человек хороший ни за что пропал! Какая же сволочь велела по людям стрелять! Негодяи, негодяи!.. Убийцы! Светик, родненькая, никогда больше мне такое сокровище не найти...

Поплачем и мы, повоем вместе с Артуром над нашей Светочкой! Растоптали, вырвали, выбросили бедную травиночку. Схоронили бедняжку. Родне объяснили, что несчастный случай, что-то там выстре-

лило на испытаниях, а что выстрелило — нельзя говорить, государственная тайна. А Светлана вышла из укрытия. Дали родителям «материальную помощь» и похоронили за счет института. Отец был польщен, что на похороны приехал заместитель директора института на черной «Волге» и что для родни выделили институтский автобус. Мать слегла, когда узнала о гибели дочери, но к похоронам поднялась, пошла. Брат Светочкин с женой от матери не отходили, а сынишку своего пятилетнего не взяли на похороны, оставили у друзей.

Ведь до 26 лет не дожила девочка! Всю жизнь свою она трудилась, старалась, каждая съеденная ей крошка хлеба, каждое надетое платьице были ею заработаны. Каждая мысль в ее бедной головке была выношена, каждый ее поступок диктовался честными и благородными побуждениями. Все только по заслугам, и ничего сверху.

А тут мелькнула удача. Полюбила парня. И парень к ней привязался, хорошо было Артуру со Светочкой. Как будто лихой кавалерист, смелый, легкомысленный и богатый, стал на постой в теплом, уютном и гостеприимном доме. И «постой» затя-

нулся бы надолго, женился бы Артур на Светлане. Где бы он нашел такую девушку среди генеральских дочек?!

Какая поездка у них с Артуром получилась хорошая! Молодая любовь, великолепие Крыма! И ребеночек ведь мог быть, зачатый в любви в каморке бабы Зины. И ничего не получилось! Погибла Светлана!

Из-за чего и кто ее убил? Кто стрелял из танковых орудий по белому зданию на набережной Москвы-реки, кто поджигал снарядами внутренние помещения, кто пожарами коптил фасад? Разве в «Белом доме» укрылись захватчики или террористы? Нет, там сидели их же бывшие товарищи, друзья и заместители, с которыми они недавно поссорились.

Кто, в соответствии с положениями тактики уличных боев, рассадил снайперов по крышам зданий? Для чего? Чтобы они убивали вражеских солдат с противотанковыми гранатомами? Так, может быть, и положено при уличных боях, когда идущий по улице танк особенно уязвим. Но убивали то они не истребителей танков, а любопытных людей, желавших посмотреть, и случайных горожан, подошедших к окнам?

Это наши руководители боролись за власть. Они, волею случая, заняли командные вершины, оттолкнув конкурентов. Они не имели понятия, как управлять огромной страной, но старались не пустить наверх других. Не политика, а игра в «царя горы». Дрались не за свои идеи, не за свои программы, которых не было. Они защищались и нападали, изображали государственных деятелей, воровали и совершали действительно государственные преступления. Стремилась не выпустить власть из рук до самой смерти. А если слабели и упускали власть, то проталкивали на свое место преемника, который пообещал бы не отнимать у предшественника наворованное, не сажать его в тюрьму и не отстранять его детей от должностей.

Разве они думали о людях? Разве они боялись, что убьют кого-то? Разве их пугало, что от выстрела снайпера может погибнуть девушка? Они рвались к власти, к деньгам, к возможности бесконтрольно воровать. Кто бы ни победил, те или эти, для Светланы ничего не изменилось бы: она также работала бы за кульманом и получала бы ту же маленькую зарплату. Это потом они

придумали, что не будь стрельбы в центре Москвы, была бы гражданская война и погибло бы много народу. Что они могут знать?! Что они могут предвидеть и объяснить? Врут они все, не верьте им, люди. Это не государственные деятели, а обычная шпана, дорвавшаяся до власти. Прощай, Светик! Не надо бы тебе лазить на крышу!..

СТРАХ

Зазвонил телефон. В ответ на Артурово «Але!» в трубке зазвучал незнакомый молодой голос:

— Артур Артурович! Вас беспокоит Бородин Денис Витальевич. Мне бы хотелось встретиться с вами и поговорить, чтобы нам никто не мешал.

— А кто вы, о чем мы будем говорить?

— Я... — Хозяин молодого голоса замялся, а может специально сделал паузу. — Скажем, из контролирующих органов. При встрече

я вам представляюсь по всей форме. Когда и куда можно прийти?

Договорились встретиться на углу, недалеко от предприятия. К Артуру подошел молодой человек, лет тридцати, одетый в куртку, вязаную шапочку, джинсы и кроссовки. Поздоровались за руку. Молодой человек назвал себя Денисом Витальевичем Бородиным, полез в куртку, достал и показал Артуру удостоверение, в котором было написано, что он — капитан. Денис Витальевич предложил прогуляться, и они двинулись по улице по направлению к скверу на Большой Грузинской улице, рядом с зеленоватым особняком, бывшим посольством ФРГ, собираясь там посидеть на скамеечке и поговорить.

Но в сквере не только скамейки, каждый клочок земли был занят людьми. Целые деревенские семьи сидели на чемоданах и узлах, брошенных на землю. Женщины в платках и в темно-красных плюшевых жакетах, мужчины в шляпах и двубортных пиджаках, дети. Рослые и маленькие люди с европейскими и азиатскими лицами.

— Ух, ты! — воскликнул Артур.

— Это — немцы, — объяснил Денис Витальевич, а так как Артур не сразу понял,

объяснил. — Потомки немцев, переселенных в Казахстан. Поэтому — много азиатских лиц. Они захотели в фатерлянд вернуться, на родину предков по немецкой линии. Да, тут не поговоришь... Пошли в зоопарк!

Молодые люди двинулись по Большой Грузинской вдоль забора зоопарка. На углу с Пресней Артур стал, было, заворачивать к кассам, но Денис Витальевич прошел мимо кассы и, взяв Артура под руку, показал свое удостоверение контролеру, и их пропустили в зоопарк без билетов.

Прошли мимо пруда, мимо грустного пони, с которым фотографировались дети, вышли на площадь зоопарка. Народу в этот осенний день было немного, но и скамеечек не было. Наконец, нашли, где пристроиться.

— В связи с тем, что предприятия, подобные вашему, стали работать с инозаказчиком, возникла опасность утечки закрытых данных по каналам, которых раньше не было, — начал заученную речь Денис Витальевич. — То, что передается иностранцам по контрактам, нами контролируется.

Артур напряженно слушал вступление, ждал, когда капитан перейдет к сути. О том, что первый контракт с Китаем подписан и на

очереди еще два, Артур слышал, как и все другие работники института. Как скажется это событие на «Импульсе» и на нем самом, Артур пока не представлял.

— Но есть еще один канал возможной утечки информации, который вызывает беспокойство у органов госбезопасности, — Денис Витальевич стал говорить медленнее, не так заучено, последние слова произнес солидно, как будто он и есть этот самый орган, поэтому беспокоится. — Предприятия стали заключать договора с коммерческими структурами. Например, ваш институт работает с предприятием «СКТБ „Импульс“». Вы в курсе дела?

— В курсе... — вяло ответил Артур.

— Это предприятие включено в перечень фирм, с которыми вашему институту разрешено работать. Но не ясно, на каком основании. Никаких лицензий у «Импульса» нет, Первого отдела там тоже нет. Как они работают с секретной документацией?

— А они не работают.

— А, значит в договоре все написано открытым текстом? Даже если там нет ничего секретного, характер договора, названия деталей, узлов, блоков, сроки исполнения — все это типичная утечка.

— Но это предприятие выполняет только вспомогательные работы, по этим работам нельзя ничего понять...

— Кому нужно, тот поймет, — твердо сказал Денис Витальевич. — Вы видите, что повод для беспокойства есть. Вместе с тем, мы не хотим вмешиваться в распределение работ, в исполнение заказов. Работайте, выполняйте контракты наших восточных друзей. Но контролировать процесс мы должны.

— Конечно, должны, — поддакнул Артур.

— Вот и хорошо, что вы понимаете, — забил колышек Денис Витальевич. — А контролировать мы можем, только имея информацию. Мы, конечно, могли бы в институте запросить сведения. Но это надо делать официально. Ненужный шум, беспокойство для вашего руководства. А что если вы нам будете сообщать необходимые сведения по договорам между институтом и «Импульсом»?

— Как сообщать?

— Например, передавать копии договоров. Ведь на малом предприятии это не сложно сделать?

— Как... Нужно подумать, как это оформить. Наверное, нужен запрос? — мямлил Артур.

— Я же вам говорю, — Денис Витальевич выразил голосом некоторое нетерпение, даже раздражение. — Запросы и прочее — это официальный путь, с привлечением нашего руководства. Подпишут запрос, потом будут спрашивать, как дела. А мы никакого «дела» не хотим заводить.

— Да ведь мне тоже не хотелось бы становиться «крысой» на предприятии. Ну, что это? Потихоньку договора передавать... — первый страх у Артура прошел, и он начал выяснять обстановку.

— Но вы же понимаете, нам необходимо изучить этот канал возможной утечки информации, — настаивал Денис Витальевич.

— Есть способ... — предложил Артур. — Давайте, я согласую с кем нужно, и мы вас примем в «Импульс» на работу делопроизводителем. Будете знакомиться с бумагами... Еще и зарплату будете получать.

— Это не подойдет, — тут же ответил Денис Витальевич. Он явно не желал «светиться». И его явно не интересовали деньги в масштабе зарплаты делопроизводителя.

— Тогда, давайте так. Мы оба подумаем, а в следующий раз примем решение, — воспользовался отступлением капитана Артур.

Он понял, что главное для него сейчас смотаться, выиграть время и подтянуть «главные калибры». К тому же было холодно, и оба парня замерзли.

— Ну, что ж, — согласился Денис Витальевич. — Я вам позвоню.

— До свидания! — протянул руку Артур. — Я зайду на Новую территорию, давно не был на Новой территории...

Артур отступал задом, потом повернулся и быстро пошел к лестнице на мостик через улицу, по которой они полчаса назад прошли с Денисом Витальевичем. Бегом взбежал на лестницу, перешел, спустился с другой стороны и тут же вышел из зоопарка вон и побежал к предприятию. Взглянул на бегу налево, и ему показалось, что сквозь забор зоопарка на него смотрит Денис Витальевич, неплохо смотрит, подозрительно.

«Ах, ты! Зачем я здесь вышел! Он же видел. Надо было пройти Новую территорию насквозь и выйти за обезьянником. Если там сейчас выхода нет, хоть через забор перелезть...»

Страх, ужасный страх овладел Артуром. Спина, как обычно, мгновенно вспотела, мысли лихорадочно заметались. Решив тут же

рассказать директору о встрече с капитаном, Артур уже не думал, что делать, а просто бежал к предприятию. Потом, сообразив вдруг, что бежать неприлично, это — подозрительно, быстро пошел, обгоняя попутных прохожих и увертываясь от встречных. Но бег, панический хаос мыслей в голове продолжались. Что же теперь будет?! Раскроют все эти схемы с «Импульсом», обвинят в уходе от налогов, в раскрытии государственной тайны, в шпионаже? Китайский шпион — смешно звучит! Ничего, для приговора ОСО это не будет смешно — высшая мера социальной защиты, расстрел. И отец не спасет, наоборот, и отца коснется. Отца отовсюду уволят, да еще, наверное, посадят за такого сына. И никакие заслуги, никакие знакомства не спасут. Заслуги аннулируют одним приказом, напишут «лишить правительственных наград» — и все. А друзья разбегутся, не посмеют даже поздороваться или позвонить.

Господи, как страшно! Посмотрит на тебя oprичник — и все. Или укажет пальцем «язык» и молвит злое «Слово и дело». Или придет ночью лейтенант госбезопасности со шпалами в петлицах вместо

армейских лейтенантских кубарей и предъявит ордер на арест и обыск. Что Артур! Герои гражданской войны немели, рыдали, разоружались перед партией. А, впрочем... Герой гражданской войны ждал ночного визита, в прихожей был уже приготовлен чемоданчик с парой белья (чистыми кальсонами и нижней рубашкой), шерстяными носками и куском мыла. Герой ожидал, что за ним придут, потому что друга его уже взяли и заместителя взяли. А у Артура-то откуда такой страх перед капитаном? Генетический, говорят. Не смешите, лысенковщина какая-то. Не врожденный, а воспитанный с младых ногтей семьей, детским садом, школой, университетом, улицей страх перед властью, бессовестной и беспощадной. Любого можно посадить за что угодно, даже если он и не был там никогда. А уж если есть что-нибудь, если страхи не совсем пустые, спасенья нет! Ах, ты, «Импульс», СКТБ гребаное...

Артур прибежал в приемную и, ни слова не говоря, плюхнулся на стул. Эмма ничего не сказала, значит, директор на месте. Артур уже имел определенные права в приемной.

Директор внимательно выслушал рассказ Артура про беседу с капитаном и никак не отреагировал. Артур пошел домой, думая только о новой опасности. Решил отцу пока ничего не рассказывать. Спал плохо, несколько раз просыпался в страхе, но к утру немножко успокоился.

На следующий день Артура вызвал заместитель по режиму. Он тоже прослушал рассказ и спросил, что Артур об этом думает.

Так как Артур за ночь уже кое-что придумал, то ответил сходу:

— Наверное, они хотят «Импульс» под себя взять, «крышевать», как говорят.

— Что? — переспросил режимник.

— Ну, обеспечивать нашу охрану, отгонять бандитов, а за это деньги с нас брать, — объяснил Артур.

— Это ты телевизора насмотрелся, — улыбнулся режимник. — Не такой случай, глупости. Ты парень хороший, я тебе объясню. Это кто-то добирается до Юрия Иннокентьевича. Понимаешь, наша территория — лакомый кусочек, так и хочется кое-кому соорудить на этом месте торгово-развлекательный комплекс. А наше предприятие мешает. Вот они и рыщут, ищут способы нас отсюда вы-

селить. Один из таких способов скомпрометировать Юрия Иннокентьевича, устроить скандал. Ну, это мы выясним, как они офицера сумели привлечь к столь недостойному занятию. Разберемся. Все, молодец, что нам рассказал.

— А дальше, что?

— В каком смысле — «дальше»?

— Мне что отвечать, когда капитан позвонит?

— Отвечай, что по этому вопросу следует звонить Игорю Петровичу Аверину, то есть мне.

— А телефон давать служебный?

— Никакого телефона давать не надо... Не будет он спрашивать номер телефона. Все, свободен.

Артур вышел от режимника в некотором недоумении. Денис Витальевич больше не звонил.

БЕСЕДА ТРЕХ МУЖЧИН В ГЕНЕРАЛЬСКИХ ЧИНАХ

После того как к Артуру Калмыкову навёдался капитан Бородин, Юрию Иннокентьевичу стало неудобно, что он подвергает своего молодого помощника таким испытаниям. Однако явно сочувствовать Артуру, по мнению директора, не стоило. Премировать его? Смешно, после всех финансовых операций платить ему дополнительные деньги, с него и так хватит! Достаточно того, что директор не пытается контролировать его личные доходы! Похвалить его, благодарность объявить за что-нибудь? Хвалить подчиненных директор считал вредным, ведь известно, что хваля человека в глаза, ты предаешь его дьяволу! Несколько раз пробежала, как по кругу, у Юрия Иннокентьевича в голове эта последовательность мыслей, но в конце каждого круга опять получалось, что Артура никак не надо поощрять за понесенные тру-

ды и опасности. Поэтому мысли возникали снова и снова, пока, наконец, не созрело странное решение — познакомиться с отцом Артура. Юрий Иннокентьевич позвонил Петру Серафимовичу Рязанцеву и попросил его пригласить Калмыкова-старшего в какое-нибудь приятное место, где бы они могли познакомиться, поговорить и отдохнуть.

Петр Серафимович долго выработывал в себе привычку думать о том, как поступать в самых простых случаях, учитывая все существенные обстоятельства. Задумался он и в этот раз.

Раньше, когда нужно было с кем-то встретиться, Петр Серафимович приглашал человека домой. Если видел знакомого, не задумываясь, шел ему навстречу, протягивая руку. Если мог помочь без больших усилий, тут же предлагал помощь. Не только друзья, но и сослуживцы все перебивали у него дома, и аспиранты многие, и даже некоторые студенты.

Уже к пятидесяти годам Петр Серафимович понял, что совсем не так должен вести себя солидный человек. Солидные люди, даже с друзьями, встречаются в офисах или

в ресторанах, домой никто никого не водит, а к человеку с меньшим, чем у тебя чином, навстречу с распростертыми объятьями не спешат.

В ресторан идти не хотелось. Осталось только одно место, нечто среднее — и не ад казенного помещения, и не домашний рай, а вроде бы католическое чистилище, а именно, баня.

Эти мысли промелькнули в голове Петра Серафимовича после звонка Юрия Иннокентьевича Закурдаева и перед звонком Артуру Ивановичу Калмыкову. Доверяя Юрию Иннокентьевичу, Петр Серафимович не стал задумываться над тем, зачем Закурдаеву был нужен Калмыков, а просто позвонил ему.

Начался телефонный разговор, как всегда, с ангельского голоса секретарши: «Петр Серафимович? Сейчас соединю с Артуром Ивановичем! Соединяю...»

Мужчина, идущий в баню, тем более в Сандуновскую, всегда немного нервничает. Открыта ли баня, или опять затеяли ремонт? Удастся ли попасть или полно народу и не

пускают? Конечно, для больших начальников все эти вопросы заранее решают секретари и адъютанты. В нашем случае подготовку провел Петр Серафимович. Он сказал по телефону знакомому банщику: «Ты, Серега, все больше штатских генералов парил, а сегодня я тебе военного приведу, генерал-лейтенант, во как! Ты уж постарайся! Трое нас будет» Серега, гордившийся солидной клиентурой, пообещал все сделать, как надо.

Но остались у каждого из троих поводы поволноваться.

Петр Серафимович сомневался, не напрасно ли он придумал эту баню, а может быть и не стоило сводить таких людей в бане? «Опять ты, старичок-профессор, поступаешь, как мальчишка!» — корил он сам себя.

Юрий Иннокентьевич думал о том, как он объяснит свое желание познакомиться с Калмыковым, и сам уже не мог вспомнить, в связи с чем это пришло ему в голову.

Артур Иванович радовался предстоящей бане и беспокоился только об одном: а вдруг не получится. Ведь он не был в общественной бане сто лет! И вообще не был в общественных местах по собственному желанию

давным-давно. Только обязательные посещения: рестораны, премьеры в театрах, открытие выставок с обязательным выступлением. Артур Иванович все время надеялся, что вот-вот будет свободней, работы станет меньше, и он сможет ходить в баню, и в кино, и в театр по желанию. Но последние события показали, что никаких вольных развлечений в ближайшее время не предвидится. И это неожиданное и странное посещение Сандуновских бань, наверное, последний легкомысленный его поступок перед новым длительным периодом еще большей занятости, еще большего закабаления на работе.

АРТУР ИВАНОВИЧ КАЛМЫКОВ

Два дня назад Артура Ивановича Калмыкова вызвали в Правительство России, и очень большой начальник беседовал с ним сорок минут, приказав помощникам его не отвлекать. После этой беседы при первой же возможности Артур Иванович записал то, что говорил этот человек, исключив только некоторые слова или заменив их на другие, приличные. От такой замены запись

стала бледнее, чем речь начальника, но общий смысл и колорит речи сохранился. Так решил Артур Иванович, прочтя запись несколько раз, каждый раз слегка подправляя текст. Вот эта запись.

«Бюджет страны не пополняется, потому что никто не платит налогов. Говорят: „Не за что платить, потому что вы эти деньги просчете“. Мы, то есть. На местах дошло до того, что частные предприятия командуют, что делать местной власти. В добывающем городишке одним снегом все занесло, а в местной казне нет ни гроша, бульдозеры заправить не на что. Так буржуи заплатили частично местные налоги и дали указание, чтобы на эти деньги снег убрали. А федерального налога все равно не стали платить. Так продолжаться не может! Наши умники придумали, что можно процентов 50–60 федерального налога собрать, если засчитать их как 100%. Знаешь, как бабу спрашивают: „Тебе это надо?“ Она: „Не надо!“ — „А со скидкой возьмешь?“ — „Со скидкой возьму“. И схему придумали, называется „взаимозачеты“: угольная шахта заключает договор с ракетным

заводом на поставку шоколадных конфет, потом договор разрывают, по „липовым“ фактическим затратам пишут акт сверки, оплачивают затраты, и все довольны. У ракетного завода появляются деньги на зарплату, у шахты пропадает задолженность по налогу. Особенно посредники довольны, которые называются „уполномоченные банки“. Все это против закона, а главное — против здравого смысла, против жизни! Но умники жизни не знают, только переглядываются: я не понимаю, а они понимают. Главное, что они помалу воровать не умеют! Им надо много хапнуть и сбежать. Но налоги собирать нужно, и мы на это идем. Вот я тебя и прошу заняться взаимозачетами и смежными вопросами. Чтобы умники не только свой карман пополняли, но и бюджет страны. Это я так говорю, что я тебя прошу. А ты так понимай мои слова, что Родина тебе это приказывает. Неохота? Понятно, что неохота! Охота, неохота. Мне бывает так охота, а что сделаешь?! Да еще и опасно, правильно. Но ты же генерал, не должен бояться! Вон, князь Андрей не был генералом, а пошел

вперед со знаменем. Чуть-чуть его не убили. Но тут чуть-чуть не будет, убьют наверняка, контрольный выстрел в голову, и все! Потому что тут такие деньги, которых Толстой не видел никогда. Тем более Пушкин. Про контрольный выстрел я пошутил, конечно. Дадим тебе охрану и все прочее. Да и как иначе? Без тебя я не обойдусь, ты и сам поймешь, „зачет“ это или „незачет“, и мне расскажешь, чтобы я понял. Важно, что у правительства голова не будет болеть, откуда бюджетникам деньги брать. Раз госзавод участвует в зачете, то ему уже не казна должна, а частное предприятие. Пусть красный директор с буржуя получает. Если сможет. Госзаводу теперь не бюджет должен, а конкретное частное предприятие. Вот частник и заплатит, если захочет... Тут я опять пошутил. Таких, кто платить не собирается, к зачетам нельзя подпускать. Хоть мы и решили зачеты разрешить, но без хулиганства, мы — государство все-таки. Раз буржуй обещал, должен платить, сколько договорились, 60%, или сколько... Ну может, не сразу. Ему за это 100% налога прощают. Лучшие

заранее узнать, кто не собирается платить, и посылать их вместо зачета куда подальше. Это тоже твоя задача — навести порядок, если будут уклоняться. Ты можешь отказаться от этого дела... в этот раз. А в следующий раз соглашайся, потому что больше двух раз я тебя уговаривать не могу, мне тоже работать надо! Дадим тебе уполномоченный банк, дадим тебе широкие полномочия, вплоть до приостановки взаимозачетов по всей стране, чтобы без твоей отмашки зачеты снова не начинались, пока не выполнено то, что ты от них требуешь. Все, иди, рассчитываю на тебя!»

Сразу после этого разговора Артур Иванович стал готовиться к грядущему неизбежному повороту в карьере, далеко не первому в его жизни. Повороты были, но такого крутого не было ни разу. И подготовиться к новой работе следовало серьезно. Любой аспект на подготовительном этапе имеет жизненно важное значение. Где сидеть? В администрации президента на Старой площади, в Доме правительства на Краснопресненской набережной, в Министерстве финансов на Ильинке, в Министерстве

обороны на Фрунзенской набережной? Каждый вариант имел достоинства и недостатки.

Может, все-таки отказаться от нового назначения? Придумать вескую причину? Однако, если причину не сочтут уважительной, заставят взяться за новую работу. Скажут: «Что, все „за“, один Калмыков „против“? Где тут приказ, чтобы расписаться? Пусть работает, нечего капризам потакать!» У Артура Ивановича уже был такой случай. Не соглашался на новое назначение. На бланке с текстом приказа и всеми визами написал: «Возражаю. Калмыков». Министр выслушал его, сказал: «Ничего, начинайте работать. Мы вам поможем». Потом улыбнулся, приписал «Не» к его надписи, так что получилось «Не Возражаю. Калмыков» и подписал приказ.

Другой вариант: если «упереться», могут и в отставку отправить. Академик Капица от работы над бомбой отказался и поехал в «избу физических проблем». Но это был великий ученый. Администратору так нельзя, без должности администратор ничего не стоит. Нет, в отставку, пожалуй, еще рано.

Самая верная линия такая: не тратить силы на отказ от новой должности, но приложить усилия, чтобы «вытрясти» под это назначение «по максимуму». Нужно заявить, что для выполнения работы мне нужно то-то и то-то, без этого задачу не решить. Пока приказа о назначении нет, это сделать легче. Потом уже с меня будут требовать, а я буду только просить!

Да, задача масштабная... Такое назначение — явное повышение. Но ведь ненадолго? Сколько эти взаимозачеты продлятся? Нужно сразу договориться, что они предложат после окончания взаимозачетов.

Главное для работы, конечно, кадры. Кого привлекать к работе? Свой аппарат полностью забрать со старой работы не удастся, не дадут, да и не все подходят. Нужны специалисты. Нужны связи в банковских кругах. Там есть знакомые. В оборонной промышленности связей мало, а ведь там — основные потребители взаимозачетов.

Смотри-ка, и Артур тут будет полезен! Пора возвращать его в лоно семьи. Да и не в том плане, что сына пристроить. А совсем по-другому — пригласить ценного спе-

циалиста, во как! Похоже, отцовский эксперимент закончился успешно. Парень сам выучился, начал работать, добился успеха. Вполне самостоятельный работник.

Да, по правде говоря, пора забирать его. Артур Иванович не считал обналичку недостойным занятием. Управление жизнью страны с помощью тайных денег существовало всегда. Неизвестно, как при царе, но раскочакали «Дом Романовых» с помощью «черного нала». А уж после революции многое финансировалось этой универсальной валютой, начиная от помощи братским компартиям и кончая оплатой «маленьких радостей» руководителей партии и страны. Существовала обналичка, но таких масштабов не достигала никогда. Даже бороться с ней начали, вернее, делать вид, что борются. В прошлом, 1995 году, в мае месяце, ввели санкции за расчеты наличными между предприятиями. Но разве предприятие, которое живет пару-тройку месяцев, боится санкций?! Статьи разоблачающие появились, прямо в название статьи вынесено «Обналичка». Ну, думаешь, порядок стали наводить, сейчас прихлопнут «черный нал», взятки, воровст-

во чиновников. Начинаешь читать статью, а там про то, что в общественных туалетах деньги берут, а билетиков не дают! Опять фикция! Опять не о том. То ли заказ был на такую статью, то ли журналиста подобрали такого, чтобы ничего не понимал в предмете. Заметная часть легальных и большая часть нелегальных расходов оплачивается «черным налогом», а они негодуют по поводу мелочей! Артур «пропускает через себя», наверное, порядка десяти миллионов долларов в год, а это незначительные деньги по сравнению с «черными» деньгами добывающих компаний, там грузовиками деньги возят. Ну, а политики переносят «черный налог» в коробках из-под ксерокса, как в выборную кампанию 1996 года.

Вывод Артур Иванович сделал однозначный: надо Артура перенаправить на другой род деятельности, оставлять сына в этом полукриминальном бизнесе не стоит. Заработать на обналичке можно неплохо, познакомиться с реальной экономикой и финансами тоже можно. Все это Артур уже и сделал. Но надо расти, расширять связи, осваивать другие области управленческой науки.

Хотя взаимозачеты — просто другой вид финансового мошенничества, так что науки в них немного. Так, другая схема махинации. Но хоть официально дозволенная...

Чтобы управлять взаимозачетами, нужно хорошо представлять себе положение в различных отраслях промышленности. Макроэкономические показатели можно затребовать. Хорошо бы иметь возможность проверять, контролировать эти данные по реальной ситуации на предприятиях, а то знаем мы эту статистику.

В течение этих мыслей врезался звонок Петра Серафимовича с предложением встретиться с ним и с Закурдаевым в бане. На ловца и зверь бежит! Вот и ценный знакомый в «оборонке»!

Трое солидных мужчин сидели, завернутые в простыни, на лавках и говорили о женщинах. Начал разговор Петр Серафимович.

— Должен вам сказать, что последнее время меня стали посещать мысли о семейной жизни, можно сказать, видения, как будто бы я заглядываю в параллельную ре-

альность, в которой вижу то, что могло бы быть, если бы...

— Обычное дело, такое, говорят, всегда бывает при клинической смерти, — сказал Артур Иванович.

— Не шути. Это совсем не то. При клинической смерти человек видит себя, свое тело со стороны, реальность видит с того света. А здесь другое... Не перебивайте больше, дайте пофилософствовать. Так вот, по какому бы поводу не возникали эти мысли, сходятся они всегда к одному. Если бы я для моей первой жены был таким мужем, каким я стал сейчас, то развода бы не было, жил бы я с ней до сих пор, и было бы у меня не двадцать пять лет супружества, а тридцать.

— Так ты своей женой не доволен? — спросил все-таки Артур Иванович.

— Очень доволен, счастлив с ней. Опять вы не про то. Скажу проще, чтобы вы поняли, наконец. И с той, оставленной женой мог быть также счастлив, если бы не был в молодости таким дураком.

— Тут я не берусь участвовать в обсуждении. У меня была прекрасная жена, любимая и любящая. Но погибла трагически и нас

с дочкой оставила. Женился второй раз, и опять удачно. Молодая, симпатичная, с дочкой сошлась, и еще двух дочек мне родила, — сказал Юрий Иннокентьевич.

— А я, пожалуй, поспорю с уважаемым профессором. Только глотну пивка, — вступил в разговор Артур Иванович.

Все выпили по глоточку пива и съели по кусочку ярко-оранжевой икры из пластмассового судочка с разделанной воблой, который стоял на столике между кружками. Артур Иванович продолжил:

— Благостный взгляд на идентичность жен в природе, который изложил нам Серафимыч, свидетельствует только о том, что наука в лице уважаемого профессора в большом долгу перед народом, потому что видит жизнь крайне однобоко. Докажу свою точку зрения. Поскольку мы в бане, начну с себя. Я, мальчик с периферии, поступил в Московский университет, хорошо учился, занимался общественной работой и сначала полагал, что меня ждут — не дождутся в каком-нибудь приличном учреждении. Однако курсу к третьему я осознал, что при всех моих талантах и при всей моей активности, никому

я не буду нужен после университета, на все хорошие места берут только своих. Стал искать, как бы пролезть в «свои». Выбрал простой способ. Присмотрел девчонку на курсе. Из хорошей семьи, москвичка, да еще и приятная на вид. Она меня тоже оценила, показала своим родителям. Те решили, что, если дать такому парню московскую прописку и небольшой толчок в нужном направлении, он поперет. Мы поженились очень спокойно и осознанно. Тесть покойный мне помог слегка, просунул куда надо. А мне много и не нужно было, дальше я сам пошел. Прошло много лет, и ближе и родней человека, чем жена, у меня теперь нет. И любовь пришла, и дети у нас, и все я жене рассказываю, и по любым вопросам спрашиваю совета, и получаю толковый ответ. Все совпадает с тем, что говорил Серафимыч. И я бы не стал ввязываться в это обсуждение, потому что мой личный опыт вполне согласуется с лекцией профессора Рязанцева о семейной жизни. Но эти положения подходят только для людей, которые хотят построить семью, сойтись крепко со своим супругом и со своими детьми. А есть у меня закадычный друг, ис-

тория которого не позволяет промолчать и согласиться. Суть моего возражения коротко такова: можно воспитать себе жену, при этом самому поменяться, приспособиться, и будет хорошая семья, кроме случая, когда ты напоролся на злодейку, дрянь, у которой свои цели, не связанные ни с мужем, ни с семьей. Помните, как пушкинская Наина — ни герой, ни поэт ей был не нужен: «Герой, я не люблю тебя!» Наину победило приворотное зелье, и она, уже старая и безобразная, полюбила бывшего претендента. Сейчас приворотного зелья не достанешь. Поэтому живая Наина никогда не полюбит мужа, а будет мучить его, позорить, а когда решит, что взяла от него все, бросит его и уйдет к другому. Мы сейчас еще разок сходим, погреемся, а потом я расскажу вам эту историю.

Но после парной разговор зашел о другом. Юрий Иннокентьевич стал говорить то, зачем пришел. Он сказал, что доволен Артуром, благодарит Артура Ивановича за такого сына, а Петра Серафимовича за то, что рекомендовал его. С помощью Артура институт сумел пережить трудный период. Теперь дела института в порядке, но пусть отец не вол-

нуется, если нынешняя деятельность Артура станет не нужна, для Артура в институте найдут интересную работу с достойной оплатой и перспективой.

В ответ Артур Иванович поблагодарил Юрия Иннокентьевича за то, что доверил его сыну важный участок работы. Ему, отцу, особенно видно, как парень вырос, возмужал, денег заработал. Этого бы не произошло, если бы Артур был под отцовским крылышком, шел как генеральский сынок.

Потом Артур Иванович сказал, что будут проводиться взаимозачеты, которые ему предстоит курировать по поручению правительства, и предложил Юрию Иннокентьевичу встретиться, чтобы провести взаимные консультации. В связи с новым масштабным заданием, Артуру Ивановичу понадобятся надежные кадры, и он рассчитывает на Артура. Конечно, пусть Артур сам решает, где работать, у отца или в институте. Но предложение такое он сыну сделает.

В начавшихся деловых разговорах Петр Серафимович почти не участвовал, и был этим очень доволен. Он откинулся на спинку дивана и размышлял о своем.

Уже собрались уходить, когда Петр Серафимович сказал: «А как же история с женой-злодейкой, с Наиной?» Артур Иванович засмеялся: «Извините, забыл. Давайте, в следующий раз... Ведь у нас будет следующий раз? Кстати, эту женщину, действительно, звали похоже: Афина, Афина Жирнова, вот такое нелепое сочетание. Вы только напомните».

Расстались очень довольные друг другом. Упали на мягкие кожаные сидения автомобилей. Один водитель повез Артура Ивановича на дачу, а другой — развез Юрия Иннокентьевича и Петра Серафимовича по домам.

НЕПРИЯТНОСТИ

Главный бухгалтер института Галина Валентиновна заканчивала доклад Юрию Иннокентьевичу. Доклад

был напряженный, потому что, кроме обычных вопросов, обсуждали то новое, что вносили в бухгалтер командировки групп сотрудников за границу. Подписав у директора подготовленные финансовые документы, Галина Валентиновна стала не торопясь укладывать их в папку и как-то немного тянула время, что насторожило опытного директора. Он обеспокоился, подобно тому, как обеспокоилась Арина Петровна Головлева у Салтыкова-Щедрина, нет ли за бурмистром еще какого-нибудь слова и дела.

— У вас есть еще какой-то вопрос? Слушаю вас.

Галина Валентиновна вздохнула, оторвалась от документов и сказала:

— Есть вопрос! Ко мне обратились сотрудники с просьбой выдать справку о зарплате, полученной в «Импульсе». Справки им нужны для увеличения пенсии.

— Обратились пенсионеры? — спросил директор.

— Нет. Но затеяли все пенсионеры. Они объяснили молодым, что деньги никакой цены не имеют, главное — справка, которая позволит им в будущем получать повышенную пенсию.

— Им деньги не нужны?! Но ведь это не так! — воскликнул директор. — Мы пошли на нарушения, мы рискуем для того, чтобы облегчить им жизнь!

— Все это уже говорил Борис Годунов четыреста лет назад, но народ его не слушал! — сравнила директора с царем Галина Валентиновна. — Или вы Пушкину не верите?

Галина Валентиновна перестала нервничать, потому что начала разговор, к которому готовилась давно. Сказав про Бориса Годунова, она улыбнулась. Директор понял, что надо дать главному бухгалтеру высказаться и пока не следует ее перебивать. Директор тоже улыбнулся в ответ, и Галина Валентиновна продолжила.

— Никакими благими намерениями нашему человеку объяснить ничего нельзя. Он в благие намерения начальства не верит и наперед знает, что начальство хочет его обмануть. Сотрудники ведь не сразу ко мне пришли, они до меня просили такие справки у бухгалтера «Импульса». Та им сказала, что они приняты в «Импульс» не в штат, а на конкретную работу, поэтому им справки не положены. Видите, она сама пыталась выйти из

положения, не сразу на нас «стрелки перевела». Жалобщики нашли документы, в которых прочитали, что справки и в этом случае положены. Тут бухгалтер «Имппульса» сда-лась, сказала, чтобы обращались в бухгалтерию института, то есть ко мне.

— Ну, а вы что сказали? — спросил директор.

— Кому — что. Молодым сказала, что малое предприятие справок не даст. Если такое положение кого-то не устраивает, пусть скажет, тогда этого человека больше в ведомости «Имппульса» включать не будут, пусть он получает маленькую зарплату вместе со всеми справками или пусть уходит туда, где платят большую «белую» зарплату. Прямо говорила: «Мы вам приплачиваем „левые“ деньги, потому что считаем вас ценным работником, но скандалы нам тоже не нужны, можете увольняться!»

Галина Валентиновна раскраснелась, вновь переживая перипетии разговоров с недовольными сотрудниками.

— А что, бывает полезно назвать вещи своими именами, — продолжила рассказ Галина Валентиновна. — У них сразу мозги на место

становятся: «А, так это — „черная“ зарплата! Тогда все понятно, спасибо!» Они думают, что «черная» зарплата обязательно должна быть в конверте. Может быть, и не стоило ведомости в «Имппульсе» составлять, а просто со-вать сотрудникам конверты в карман...

— Нет, ведомости будут, — прервал ее директор. — А старым сотрудникам вы что говорили?

— Радуйтесь, говорила, вас ценят, деньги приплачивают за работу! Про пенсию не думайте, я вам обещаю, что пенсия у вас будет максимальная, а больше максимальной все равно не дадут!

— Действует?

— На многих действует. Но есть двое, которых мне ни в чем не удалось убедить. Они твердят, что им деньги не нужны и на справки им наплевать, а хотят они только, чтобы все было по справедливости, и не желают, чтобы за их счет кто-то там наживался!

— Ну, двух-то мы сумеем успокоить. А так, благодарю вас, погасили эту неприятность, — сказал директор.

— Нет, Юрий Иннокентьевич, — возразила бухгалтер. — Не погасила, а пригасила.

В любой момент может снова вспыхнуть. Следующий этап — начнут писать, жаловаться на нас с вами: обманули, облапошили, деньги нам дают незаконно — наживаются! Зачем нам это нужно?! «Импульс» ведь свою задачу выполнил? Мы с его помощью почти четыре года продержались. Теперь иностранные деньги пошли, опять же, неслыханные — суточные в валюте люди получают в заграничных командировках. Вы вспомните-ка про наши суточные: два шестьдесят, день отъезда, день приезда — рубль тридцать копеек! А студенткой я первый раз в командировку ездила — пятьдесят копеек в сутки! Так вот, надо закругляться с «черной» зарплатой. От нужды терпели, шли на это, а с жиру беситься не следует. Вот теперь все, что я хотела вам сказать!

Директор проводил главного бухгалтера и задумался: «Галина Валентиновна права, очень вовремя поставила этот вопрос. А ведь недовольство пенсионеров — не единственная опасность. За недовольством последует кое-что другое, пострашнее будет, уголовным делом пахнет! Начнем, пожалуй, свертывать эту деятельность... Калмыкова с его

„Импульсом“ следует сохранить, парень хороший и толковый. Свое дело сделал, структуру работоспособную создал, с банком установил контакт, даже меня с банкиршей познакомил. Нет, отдавать его отцу жалко. Да для него и дело есть! По контрактам предусмотрена частичная оплата не деньгами, а китайскими товарами, бартер. И следующие контракты, наверное, такие же будут. Вот пусть „Импульс“ этим бартером и займется: поможет отобрать ходовой товар, привезти, продать... Ну, может, не сам, а найдет торговые фирмы. Таможенные вопросы появятся, самая работа для Артура! В Китай парень съездит, в командировку. Думаю, он сумеет перестроиться, только надо с ним поостороже».

При следующей встрече с Калмыковым Юрий Иннокентьевич подписал не все документы.

— Вот еще договор, — напомнил Артур.

— Документы по старым договорам я подписал, а нового договора пока заключать не будем, — директор сделал паузу, затем продолжил. — Понимаете, для выполнения контрактов с Китаем нам нужно кое-что поме-

нять, подобрать другой набор комплектующих, включить в состав изделия некоторые узлы, которые мы раньше не разрабатывали. На это нужны деньги, поэтому заключить новый договор с „Импульсом“ нет возможности.

Артур был поражен: какие «комплектующие», какие «узлы»?! У него ведь все распланировано, и в банке ждут. Все «на мази», какой еще «состав изделия»! И он стал возражать директору, «защищать свой участок работы», даже не подозревая, что директор «участок» этот собирается прикрывать.

— Юрий Иннокентьевич, но ведь у нас тоже образовался целый механизм, тоже есть взаимосвязанные узлы. Если не подавать масло, сиречь деньги, то взаимосвязь узлов нарушится! — щегольнул технической аналогией Артур.

Директор улыбнулся, ему понравился такой пример. «Парень, похоже, становится своим», — подумал директор. Он не был озабочен предметом разговора, ведь решение принято: «обналичку» прикрываем, перед «Импульсом» ставим другую задачу. Теперь это решение нужно воплотить в жизнь.

— Артур Артурович, я могу только повторить: мы выполняем контракт с иностранным заказчиком, поэтому на новый договор с «Импульсом» денег нет, нам нужны деньги на разработку новых узлов и на изменение элементной базы.

— Но ведь это — ваши игрушки! — воскликнул Артур. Он был возмущен; директор его подводит, из-за этого и ему, Артуру, придется подвести людей, которые ждут денег. В банке ждут больших денег, Оксана и Коновалов — небольших. Для этих людей Артур — источник, кормилец, они на него рассчитывают! Артур даже не подумал в первую минуту, что в его собственный карман тоже меньше попадет.

— Что вы сказали! — повысил голос Юрий Иннокентьевич. Директор даже привстал в кресле от возмущения. Но взял себя в руки, снова сел, опустил глаза и повернул голову. «Этот сопляк думает, что разработка новой техники — игрушки, а настоящей работой занимается именно он! Парень совершенно не уважает наше дело, от которого кормится! Стоило мне только подумать, что он свой, — он, как услышал мои мысли, и заорал: «Нет,

я не ваш!» Ну, нет, так нет. Уступлю его Артуру Ивановичу, пусть в те «игрушки» поиграет!» В этот момент судьба Артура была решена.

В следующий раз, придя в приемную и усевшись на стул, он прождал полчаса, а потом не выдержал и спросил: «Юрий Иннокентьевич у себя?»

Эмма, не отрываясь от своих бумаг, сказала, прямо не отвечая на вопрос Артура:

— Юрий Иннокентьевич вас принять не сможет. Документы на подпись оставьте мне.

— Что же вы раньше не сказали, я сижу уже полчаса?!

— А вы не спрашивали, — глядя в упор на Артура, сказала Эмма.

Артур оставил свои документы и вышел из приемной.

«Да, ветер переменился. Эмма, ржавый флюгер, это сразу показала. Враз не стало ни денег Иннокентьевича, ни любви Эммы!» — думал познавший уже порядки в приемной Артур.

Начав работать в благоприятном, комфортном режиме, Артур не мог привыкнуть

к тому, что им недоволен директор, к нему недоброжелательна секретарша, даже непосредственная его начальница Евгения Сергеевна стала сдержанной и перестала спрашивать: «Артурчик, как дела?»

ОБИДА

Придя на работу в институт, Артур попал в окружение людей, совсем не похожих на его школьных и университетских приятелей и на друзей его родителей. При знакомстве многие сослуживцы чуть ли не сразу спрашивали: «Ты сколько получаешь? Начальник плохой?» Затем рассказывали, как они мало получают, как их мало ценят и какой плохой человек их начальник. Говорили самозабвенно и собеседника не слушали.

А уж за проходной с таким человеком кружки пива нельзя было выпить, чтобы он не начал жаловаться: «Начальник дает мне ра-

боту, говорит, сделай. А я ему отвечаю, что сделать я могу, но эта работа не по моей должности, эта работа ведущего, а я шестой год — старший. Он говорит, так вот, делай, и повысим. А я ему говорю, что я так не могу...»

Первый год службы эти тоскливые люди удивляли Артура. Он даже матери рассказал про это свое недоумение. Мама отреагировала очень живо.

— Понимаешь, — сказала она. — Таких людей много, и среди них есть способные. Но они редко добиваются чего-то в жизни, потому что перестают идти к цели, ведь они, как ни странно, быстро достигают своего непреодолимого предела. Давно известно: человек стремится к славе, к богатству или к власти. Это древняя мудрость, но в наше время всех людей по этим трем категориям не распределишь, больше нужно градаций, более разветвленная классификация. У тех, о которых ты говоришь, цель одна — обидеться. Вернее, это не цель, а, как я уже сказала, непреодолимый предел. В своей обиде они живут комфортно, ничего не делают, только всем рассказывают, как несправедливо с ними обошлись. Если им улыбается

судьба, они и в этом случае не рады. Даже найдя семь белых грибов около одной березы, или лежа на пляже у теплого моря, или получив большую премию, или оказавшись в командировке в Париже, эти люди не бывают счастливы и быстро придумывают, на что бы обидеться и в этом случае.

Краткий и точный рассказ матери удивил Артура. Видимо, мама когда-то размышляла над этим, и у нее остались «выжимки», квинт-эссенция, суть. Такая компактная форма удобна для хранения информации, но не подходит для объяснения. «Как же так, — размышлял Артур. — Не нужно ни славы, ни денег, ни власти, не радуется семья, не нужна взаимности любимого человека, не нужно решения трудной задачи? Да мало ли привлекательного, мало ли такого, что кажется счастьем?! Я был бы счастлив, если бы мог воскресить Светку и нарожать с ней детей! А мама говорит, что некоторые люди стремятся обидеться, а, обидевшись, достигают своей цели и становятся счастливыми. Ерунда какая-то!»

— Мам, ты изложи попроще, с примерами, лучше всего назови такого человека, которого я знаю. А так я ничего не понял.

— Среди наших с папой друзей таких людей нет и быть не может! — гордо сказала Маргарита Николаевна. — Ну, а пример... Был у меня случайный знакомый, парень тридцати одного года от роду. В ранней юности он был одаренным спортсменом-ребцом, входил в юношескую сборную страны. «Кандидат в мастера спорта», или даже «Мастер спорта». Потом поругался с тренером, и из сборной его выгнали. Учился он тогда в девятом классе школы. С тех пор в течение 15 лет с ним ничего не происходило. Он не получил профессии, не освоил никакого ремесла. Работал то курьером, то подсобным рабочим. Благо, отец у него был в «силе», пристраивал и подкармливал. Каждому новому человеку он рассказывал, какая сволочь был его тренер и как тренер его обидел. Рассказав эту историю несколько раз, он терял интерес к человеку и искал следующего. С годами эта история устарела, потеряла свежесть и остроту. Собеседники стали его спрашивать, что было дальше, а он объяснял, что дальше не было ничего, звучало это странно, поэтому он добавлял: «Я понимаю, во мне еще много безответственности...»

— Ну, это идиот какой-то... — сказал Артур.

— Этот парень, может, и идиот, — ответила мать. — Но людей, ждущих, на что бы обидеться, очень много. Никогда не ищи утешения в обиде, не живи обидой, как бы досадно тебе не было.

Вооруженный напутствием матери (которое вполне соответствовало его собственному ощущению), Артур перестал сочувствовать обиденным. А когда приходилось по службе беседовать с этими людьми и неизбежно выслушивать их жалобы, повторял про себя: «Ты сам виноват».

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА КАЛМЫКОВА,
МАТЬ АРТУРА, ЖЕНА АРТУРА ИВАНОВИЧА

После разговора с сыном об обидах и об обиженных Маргарита Николаевна предалась воспоминаниям.

Давно, в конце 1960 года, на третьем курсе университета, двадцатилетняя Рита ехала в отцовской «Чайке» из университета на дачу. Рита взяла с собой Пашку. Отец вообще-то не разрешал никого брать

в машину, но к Пашке это запрещение не относилось, потому что в поселке Воскресенское Пашкина семья и семья Риты уже несколько лет занимали соседние коттеджи. Иногда машина Пашкиного отца возила обоих, Риту и Пашу.

Рита с Пашкой давно были знакомы, с трех лет. Отца Риты тогда отозвали с фронта, направили на работу в Куйбышев, и разрешили вызвать туда семью. В соседней квартире в правительственном доме в Куйбышеве жила семья Пашки. Потом Рита и Пашка учились в одной школе в Москве.

Один раз Пашка с матерью куда-то собирались, торопились ужасно, «зашивались», что называется. Пашку одели, мать выглянула в окно и сказала домработнице: «Отправляй его во двор, чтоб под ногами не вертелся, там Рита с няней гуляют, а сама возвращайся помогать! Паша, иди, погуляй с Ритой, только не извозись!» Рита предложила Пашке прыгать с качелей, кто дальше. Пашка прыгнул и свалился. Сразу вспомнил, что он одет «на выход» и закричал Рите: «Это из-за тебя!» и побежал к ней,

чтобы дать ей хорошенько. Рита — от него, а за ними няня. Пашка опять шлепнулся и порвал брюки на коленке. Поднялся, увидел дырку и заплакал: «Я все про тебя маме скажу!» Няня подскочила, стала потряхивать Пашку и причитать: «Ну, Павлик, ведь Рита не нарочно...» А Рита спросила: «А ты чьей маме скажешь, твоей или моей?» Пашка задумался, перестал плакать, потом ответил: «Моей!» Рита решила, что это неопасно, и не испугалась. Историю про качели, Пашкины штаны и «чью маму» родители умиленно рассказывали друг другу при каждом общем застолье.

В 1957 году Рита и Паша поступили в МГУ, Рита на юридический факультет, а Паша в Институт восточных языков.

Обычно Пашка, как залезал в автомобиль, сразу разваливался на заднем сиденье и полулежал всю дорогу, даже по сторонам не смотрел. С шофером не здоровался. Рита всегда говорила: «Здравствуйте, дядя Гриша!», и Пашка однажды посоветовал ей не заигрывать с персоналом. Рита как-то сказала шоферу: «Вы его извините, он — дурак». — «Он — барчук, — ответил шофер. —

Давно было, водитель за ними на дежурной «Победе» приехал, их «ЗиМ» был в ремонте, так он ехать не хотел, упал на пол и визжал, что на этой машине не поедет». В общем, Рита Пашку старалась не подвозить, и сама не просилась в его машину.

А в этот раз Пашка буквально увязался с ней. И в машине не развалился, как обычно, а сидел собранный. Когда тронулись, завел разговор:

— Что это ты с Артемоном сильно задружились?

— Кто это — Артемон? — спросила Рита.

— Калмыков, — ответил Пашка.

— Почему это ты его собачьей кличкой зовешь? — Рите не хотелось разговаривать с Пашкой, тем более про Артура.

— Потому что он умный и красивый, а человеком никогда не будет, как Артемон из сказки про Буратино, — высокомерно вымолвил Пашка заготовленную фразу.

— Это почему? — опять спросила Рита, хотя сразу поняла, что Пашка имеет в виду: они с Пашкой — номенклатурные дети, а Артур из простых, и пути ему нет.

— Потому, — сказал Пашка и скривил рот.

— А из тебя человек выйдет?

— Выйдет, — уверенно произнес Пашка.

— Сомневаюсь... — презрительно ответила Рита.

— Не сомневайся. Я уже в списках.

— В каких это ты «в списках»? — опять спросила Рита, хотя представляла, в каких.

— В таких. Меня уже оформляют!.. — похвастался Пашка, покосился на водителя и дальше хвастаться не стал.

— А ты его в глаза пробовал Артемоном называть?

Пашка уже сказал все, что ему поручили сказать ребята, отбарабанил выученный урок — предупредил Риту, чтобы она не связывалась с парнем «из чужих». Поэтому Пашка развалился на сиденье и стал непридуманно болтать.

— Не, сам я не пробовал. А вчера на военной подготовке Енот решил его на место поставить, чтоб не умничал. Подозвал Калмыкова, спросил его что-то по учебе, потом говорит: «Все, Артемон, иди на место!» Калмыков глаза вылупил, а Енот ему:

«Место, я сказал!» А Калмыков ему по харе!

— А Енакиев что? — заинтересовалась Рита.

— Побежал к полковнику жаловаться. Полковник их помириться заставил, — с сожалением сказал Пашка. — Да Енот мог бы Калмыкова твоего размазать. Сказал бы своему отцу, и Калмыкова сразу бы отчислили из университета, и в армию бы отправили, в такое место, куда Макар телят не гонял. Но Енот испугался, что будет шум, а ему сейчас нельзя высываться, его тоже оформляют...

— А ты откуда знаешь про Енакиева и Калмыкова?

— Мне ребята из вашей группы рассказали, — Паша не стал уточнять, что за рассказом об инциденте последовало поручение поговорить с ней.

— Паша, милый, — сказала Рита так сладко, что Пашка приподнялся на сиденье и стал смотреть на Ритины губы. — Я так за тебя волнуюсь. Будь поосторожней с Калмыковым. А то он тебе набьет морду, и тебя из списков вычеркнут. С фингалом под глазом проверку ты не пройдешь!

— Дура! — сказал Пашка и снова развалился на сиденье.

На Новый 1961 год Рита позвала в свою компанию Калмыкова, хоть там и был Енакиев с битой мордой. Но они ничего, нормально разговаривали. Рита с Артуром приготовили кукольный театр, чтоб хоть что-нибудь было интеллектуальное. А то напьются, наедятся, девчонок будут лапать и пластинки заграничные слушать. Потом заснут. Рита с Артуром придумали пьесу в стихах про Деда Мороза, который выбирал себе внучку Снегурочку из многих кандидаток. Вставили даже критику Никиты Сергеевича.

*Вот нет никакой за труды нам награды,
И жизни мы часто бываем не рады,
И вся кукуруза — сплошная фигня,
Ах, девочки, только любите меня!*

Спорили, стоит ли вставлять такие острые слова, боялись, что донесут. Тот же Енот, к примеру. Но решили оставить.

А подвыпившие зрители развалились перед ширмой, кто на ковре, кто на диване,

кто в кресле, и ни на какие слова кукольных персонажей не реагировали. Так Пашка разваливался на заднем сиденье «Чайки». И никто из них не проронил ни слова ни во время спектакля, ни после. Потом опять стали есть, пить и обниматься под музыку. Рита не выдержала и спросила Пашку: «Ну, как тебе кукольный театр?» Пашка посмотрел на девушку посоловельми глазами и вальяжно промолвил: «Ты считаешь, что зрителю надлежит оценивать произведение искусства? Я в этом не уверен...» После чего повернулся к столу, налил себе рюмку водки, выпил и закусил ложкой черной икры.

И Рите стало ясно, что Пашку кукольный спектакль не заинтересовал, на кукол он не смотрел, текст не слушал, а если бы смотрел и слушал, то ничего бы не понял. И учился он так же: или зубрил, или списывал и никогда ничего не понимал. Послушаешь Артура, так за каждой строкой учебного текста увидишь судьбы людей, исторические события и практические дела, а у Павла любой текст — только скучное сочетание слов, которое он успел выучить

или не успел выучить. И Енакиев — такой же. С ними всегда будет скучно. А с Артуром всегда будет интересно.

Потом Рита привела Артура знакомиться с родителями. Отец домашними делами не занимался, Рита договаривалась с матерью. Главное, нужно было выбрать такой вечер, когда отец будет дома. Мать готовила встречу, открыто не перечила дочери, но все делала, чтобы этот парень появился у них дома первый и последний раз. Мужу накануне сказала: «У них идет к свадьбе. Нам этот парень не нужен, я знаю, что говорю! Дело твоей жизни — расстроить этот брак!» У мужа покраснело лицо, но кричать он сразу не стал, а ответил: «Мое дело, чтобы жила страна родная, и нет у меня других забот!» — «Я ж не про работу твою говорю, а про семью, понимай разницу. Я знаю, что ты крупный руководитель, что ты за страну болеешь. Но тут-то поверь мне!». В общем, отец обещал.

За столом отец расспрашивал гостя, кто он да что, но особенно не задумывался над ответами Артура, ведь жена предупредила: он — жених неподходящий. Артур, когда

решил, что прелюдия окончена, сказал: «Мы с Маргаритой любим друг друга и хотим пожениться!» У отца покраснело лицо, и он твердо сказал: «Этого не будет!» Мать сразу успокоилась: сейчас отец начнет орать и выгонит парня. Но Артур также твердо ответил отцу: «Это — будет!» И смотрит на отца в упор. И отец на него смотрит, и краска с лица сходит. Сидят и молчат. Тут Рита демонстративно поднялась, подвинула стул поближе к Артуру и снова села. Мать встала и сказала: «Коля, поди сюда!» В другой комнате говорит мужу: «Ты что молчишь? Выгони его! Как он с тобой разговаривает?!» А отец отвечает цитатой: «„Ну, матушка, не завершай удара, кто в бедности рожден, тебе не пара!..“ Так, что ли?»

Несколько лет назад отца на партсобрании критиковали за низкий общекультурный уровень. Рекомендовали больше читать. Рассматривая список рекомендованной литературы, он понял, что прочитать все это — задача неподъемная. Поразмышляв некоторое время, отец придумал выход: за три недели выучил наизусть «Горе от

ума» и при каждом подходящем случае стал вставлять фразы оттуда. В пьесе Грибоедова можно было найти подходящие цитаты для любой жизненной ситуации. Через некоторое время у товарищей по партии сложилось мнение, что отец — начитанный человек, знаток русской классики.

И в этот раз Фамусов помог! Но мать не поняла и ответила: «Причем тут „бедность“? Это буржуазное слово! У нас нет ни бедных, ни богатых. У нас все равны...» У отца покраснело лицо, и он начал орать на мать. «Молчи, курица! Ишь, рассуждать взялась! Чем тебя советский студент не устраивает, сын честных специалистов?! Что он с периферии? А ты, вошь буржуазная, откуда? Из Зимнего дворца, что ли, контра, моль белая?! Я знаю, кто тебе нужен. Пашку хочешь в зятя! Пашка — мозгляк. Я и отцу его это сказал честно, как коммунист. Упустил он парня, теперь ему тащить сына до пенсии. Самостоятельно Пашка шага ступить не в состоянии. А ты хочешь Ритулю такому приспособленцу отдать! Не допущу! Молчи, сил нет твое мещанство выносить. Дочь у меня — девка

с головой, не в тебя пошла! Ритуля сама знает, кто ей нужен. Пусть пробует!.. А не подойдет парень, тогда разберемся...» Мать испугалась, села на диван и простонала: «Пусть хоть фамилию не меняет...»

На свадьбе мать все же не выдержала и сказала тост: «Мы хотели, чтобы Маргарита вышла за мальчика из нашей среды... К сожалению, не получилось. Ну, что ж, теперь наша с отцом задача поднять Артура, ввести его в наш круг...» И заплакала. Мать Артура вскочила, подняла рюмку и ответила; «Артур, когда ты будешь жениться в следующий раз, выбирай девушку по себе!» У отца Риты покраснело лицо, он поднял рюмку и сказал отцу Артура: «Не слушай, сват, баб. Бабы — дуры! Мне Артур твой нравится. Давай, Ваня, выпьем с тобой „на ты“, зови меня Колей! Поцелуемся!»

Через три с лишним года, осенью 1964 года, у них уже дочка была, Артур уехал в командировку, а Рита с ребенком на неделю переехала к родителям. Вечером позвонили в дверь, Рита открыла, а там Пашкин отец, мрачнее тучи. «А, Ритуля! — говорит. — Отец дома?» Раньше, когда Пашкин

отец видел Риту, всегда причитал: «Рита, какая ж ты красавица! Жалко, сын у меня балбес! Дочка моя хорошая!» Если был поддатый, то обязательно целовал Риту в лоб. Рита думала, что и сейчас полезет целовать, а он только махнул рукой, развернулся и назад пошел. Рита воскликнула: «Что случилось, дядя Жора?» Он ничего не сказал, не остановился, как будто не слышал. Но через два шага обернулся и сказал: «Старика главного скинули...»

«Как же давно все это было... — думала Маргарита Николаевна, выходя из мечтательного состояния, навеянного разговором с сыном. — А теперь даже детям рассказать трудно, нужно объяснять, что такое „ЗиМ“, „Чайка“, „Победа“ и где был университет, и что такое ИВЯ и прочее. Дочь уже сама стала матерью, а с сыном взрослым какие непростые проблемы приходится обсуждать. А я — бабка, и по статусу, и по возрасту — за пятьдесят... Родителей уж в живых нет, и Пашкиного отца нет. Пашка, пока отец был жив, как-то держался на невысоких должностях в МИДе. А потом попался в Румынии пьяный за рулем. Кри-

чал полицейскому: „Это политическая провокация! Я — первый секретарь посольства СССР!“ А сам еле стоит на ногах. Отца его уже не было, а больше никто его отмазывать не захотел. Отозвали Пашку, потом сократили. А он на хорошем месте сидел. Дипломатических отношений с Израилем тогда не было, а через наше посольство в Румынии связь Израиль — СССР как-то осуществлялась. Вот Пашка, „востоковед в штатском“, и сидел на этом деле. Вскоро и МИД СССР не стало. Сейчас Пашка ходит по знакомым, пьет, плачет и рассказывает, как с ним обошлись демократы. Рите сказал с ненавистью: „Теперь такие, как твой муж, вылезли наверх!“ Оказывается, Артур виноват, что он не у дел, тоже „политическая провокация“. Так Пашка ничего и не понял...»

И вот Артур, успешный и везучий молодой человек, почувствовал себя обиженным и обойденным. Собственная обида затмила все теории и наставления. Обида наполнила его, «клокотала у горла». Артур только и думал о том, как с ним несправедливо и жес-

токо поступили. Ведь он четыре года «вертелся», работал, не считаясь со временем, рисковал собой ради дела! Ведь он четыре года «кормил» институт! И вот теперь, когда институтские финансы поправились благодаря Артуру, с ним так поступают! «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Со своей обидой Артур ложился и вставал, ему снились «обидные» сны, а наяву в мозгу прокручивались обидные или мстительные сюжеты.

Хотя, если разобраться спокойно, не было повода так уж сильно обижаться, забыв наставления матери. Артур много работал, но ведь не бесплатно же. В его личном сейфе скопилось столько денег, что можно было подумать о покупке квартиры, это у молодого специалиста за четыре-то года. Деятельность Артура была полезна институту, но говорить, что Артур «кормил» институт четыре года, не стоило, это было явным преувеличением. Артур действительно рисковал, но ведь его «подстраховывали», не давали в обиду, защищали и директор, и заместитель. Пришло время, и директор решил кончать с обналичкой в своем институте. Но

директор придумал для Артура новое занятие. Другое дело, что у Артура не хватило ума это понять. К тому же, Артур выказал неуважение к главному делу жизни директора, назвал это важное дело «игрушками», излишне выпятил свои вспомогательные функции. Но и в этом случае Юрий Иннокентьевич не выгнал бы Артура, если бы не знал, что для него есть хорошая работа у его отца. Директор института был уверен, что человек, помогавший ему, не останется без места.

Такие мысли обиженному Артуру не приходили в голову. Поэтому, получив предложение отца перейти на работу к нему, он сразу согласился.

— У меня новое важное задание, сегодня подписали постановление правительства, — сказал сыну Артур Иванович. — Я буду заниматься взаимозачетами между предприятиями. Слышал про такое? Я хочу, чтобы ты уволился из института и стал мне помогать.

— Я согласен, — ответил Артур.

Артур Иванович с удивлением посмотрел на сына — тот, не дослушав, согласился. Так сразу соглашаться несолидно, наверное, что-то случилось у него в институте...

— Как «согласен»? Ты не спросил, чем заниматься, какая должность? Сможешь ли ты завершить текущую работу, выполнить свои обязательства перед институтом, сколько на это нужно времени?

— Деятельность моя в институте завершается, похоже, я директору больше не нужен! — сказал дрогнувшим голосом Артур. Обида прорвалась наружу.

— Что твоя работа этого рода заканчивается, я знаю, мне говорил Юрий Иннокентьевич. Но он хорошо о тебе отзывался и собирался подобрать тебе другое занятие.

— В связи с чем это он с тобой разговаривал на эту тему? — опешил Артур.

— А я его попросил отпустить тебя, потому что ты мне нужен, — сказал отец. — Но я ему обещал, что ты сам будешь выбирать, уходить ко мне или оставаться.

«Вот это да! — подумал Артур. — Да там неизвестные мне обстоятельства, подводная часть айсберга! Какие люди обо мне заботятся! А я-то решил, что об меня ноги вытирают: принеси, подай, пшел вон! Мама, ты — великая женщина. Торжественно клянусь никогда больше не обижаться, не носиться со

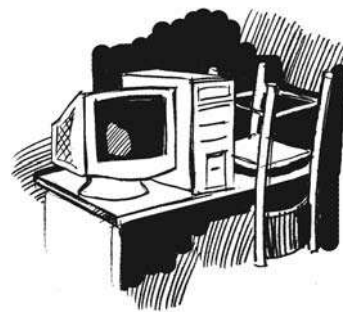
своей обидой! А я ходил столько времени, сопли распустил! Я — дурак. Где в этом расписаться?»

Артур сразу повеселел. Обида, мучившая его целый месяц, улетучилась. Но вслух Артур каяться не стал.

— Папа, я выбираю работу у тебя. Желаю отцу родному помогать. А какой вы нам оклад жалованья положите, нам не важно. Но уж не обидьте, товарищ начальник!

Артур Иванович не стал докапываться до причины перемены настроения сына и решил, что согласие Артура получено.

— Даю тебе месяц на завершение дел в институте. Первый мой приказ — от Юрия Иннокентьевича уходить по-хорошему, без «хвостов» и обид. Если месяца не хватит, можно обсудить продление этого срока, — подвел итог разговора Артур Иванович.

ЛИКВИДАЦИЯ

Через два дня после разговора с отцом Артура вызвал директор.

— В связи с вашим переходом на другую работу нам нужно решить, что делать с «Импульсом»: оставлять и использовать для решения других задач или закрывать.

Директор говорил об увольнении Артура, как о деле решенном. «А может быть, директор имел в виду не увольнение, а переход к другим обязанностям в институте? — на мгновение предположил Артур. — Нет, формулировка не та и тон у директора не тот. Даже не обсуждает он со мной мое увольнение, все решил, отдал уже меня отцу... Стоп, прочь обиды! Вопрос директор задал важный».

— Юрий Иннокентьевич, единственное достоинство «Импульса» — стаж работы более четырех лет. За это время к названию «Импульс» привыкли, даже заказчики знают, что есть такой традиционный контрагент. Но

оставлять его нежелательно. Предприятие «Импульс» имеет четырехлетний криминальный стаж. Подобной деятельностью занимаются предприятия, оформленные на неизвестных лиц. Принимают деньги на наличку несколько месяцев и исчезают. Потому что дальше работать опасно! Это я оформил «Импульс» на свое имя и не исчезаю так долго... Фирму, пропустившую через себя несколько десятков миллионов долларов, нужно закрывать. Относиться к процедуре ликвидации следует очень внимательно, — все-таки в словах Артура просвечивала обида, но ведь по-другому не объяснишь, что «Импульсу» давно пора «смываться».

— Я согласен с вами. Давайте закрывать «Импульс». Вот и займитесь этим, — сказал директор.

— Необходимо подрядить юридическую фирму, которая специализируется на ликвидации малых предприятий. Необходимо пройти налоговую проверку. Хотя все документы у нас в порядке, характер деятельности «Импульса» определить легко. Нужно договариваться с налоговой инспекцией, чтобы в итоговом документе проверяющие ука-

зали только несерьезные нарушения, и «Импульс» бы только слегка оштрафовали... — Артур говорил вполне определенно, но при объяснении, что придется давать взятку налоговикам, он не произнес слово «взятка».

Директор, конечно, понял о чем речь, и поморщился. Подумал: «Ну, ладно уж, закроем эту позорную страницу, и дальше все начнем с чистого листа».

— Хорошо, решайте эти вопросы. Разрешаю также выдать премию, так сказать, выходящее пособие сотрудникам «Импульса». По расходам потом составите отчет. Напишите отчет от руки в одном экземпляре и передадите мне из рук в руки.

Далее последовало такое, чего Артур никак не ожидал.

— Артур Артурович, после ликвидации «Импульса» останутся материальные ценности: деньги на счету, мебель, оргтехника, сотовые телефоны у вас и у бухгалтера, автомобиль «Москвич», кое-что еще. Не все эти ценности формально принадлежат «Импульсу» как юридическому лицу. Например, автомобиль оформлен на вас, но куплен на деньги «Импульса», мебель, компьютер и прочая

оргтехника тоже фактически принадлежат «Импульсу». Я думаю, что не все деньги будут истрачены на ликвидацию «Импульса». То, что останется, необходимо будет вернуть в институт.

Не все в институте осмеливались сказать, что директор жадный. Говорили «хозяйственный», а начальница юрбюро Евгения Сергеевна придумала называть жадного директора словом «скрупулезный». Да и «кривая жадности» директора имела сложный вид, на этой «кривой» отмечались и проявления щедрости директора.

«Вот и сейчас Юрий Иннокентьевич сам предложил выплатить премии Оксане и Коновалову! И мне, подразумевается. Я ж его не просил. Конечно, суммы должны быть маленькие, а то директор возмутится. И подключить юридическую фирму для ликвидации «Импульса» согласился, не стал требовать, чтобы я сам фирму ликвидировал, как сам регистрировал, и про взятку налоговому инспектору довольно спокойно выслушал. Но столы, стулья, телефоны, а главное — «Москвич»! Тут директорская «скрупулезность» не выдержала. Да если бы не Николай

Михайлович, был бы этот «Москвич» давно уже на свалке!» — лавиной пронеслось в голове Артура.

А когда лавина прокатилась, Артур сказал: «Хорошо, Юрий Иннокентьевич, все сделаю!»

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЧИСТЯКОВ.

Артур ездил на своем «Москвиче» более трех лет. За это время в автомобиле сломалось все, что только могло сломаться. Эта красивая и нарядная машина оказалась очень плохо сделанной. Выходили из строя даже такие узлы, которые непосредственно не относились к автомобилю, например, из резиновых покрышек вылезала проволока корда и прокалывала камеры. Как будто шинный завод специально производил брак, потому что продукция предназначалась для АЗЛК, завода, где делали «Москвичи». Помимо низкой надежности всех узлов, в конструкции «Москвича» были принципиальные ошибки. Например, после пересечения лужи двигатель автомобиля мог заглохнуть.

нуть и не заводился, пока не стечет вода, залившая трамблер.

Записаться на автосервис, «на станцию», было непросто, провести там нужно было целый день. Ремонтировали машины на сервисе плохо, и никто за качество ремонта не отвечал.

Среди владельцев «Москвичей» ходило множество анекдотов про их автомобиль. Артур давно бы купил новый автомобиль, и деньги были. Но поменять машину Артур не мог, ведь он ездил на ней под бдительным взглядом Юрия Иннокентьевича. Что директор скажет, как расценит такое неучтенное богатство подчиненного?

Однажды Артур пришел к себе в «Импульс» с большим опозданием и с несчастным видом. Коновалов, посмотрев на его черные расцарапанные руки, спросил: «Ну, что? Замучился с ним? Надо тебя с Николаем Михайловичем познакомить...»

Николай Михайлович Чистяков был соседом Коновалова по гаражу. Чистяков много лет работал на огромном заводе, и как передовика производства с большим стажем его когда-то поставили в очередь

на приобретение автомобиля. Через пять лет ожидания Николай Михайлович был уже в этой очереди первым. Однако время шло, автомобили для работников завода выделялись, но первому в очереди их не предлагали, а продавали другим, не первым. На вопросы Николая Михайловича в профкоме завода отвечали, что эти автомобили министерство выделило в целевом порядке, специально для конкретного человека. А в общей очереди Николай Михайлович стоит первым, и первый же автомобиль будет предложен ему. Простояв полгода первым, несколько раз «залезая» из-за неотложных нужд в сумму, накопленную на автомобиль, затем восстанавливая ее, Николай Михайлович стал, наконец, обладателем автомобиля, и какого! Только что выпущенная новая модель ВАЗ-2105, красавица «пятерка» с двигателем от «тройки», самым удачным и надежным из всех «жигулевских» «движков»! Прождав целый день на морозе на площадке в Южном порту вместе с такими же счастливицами, как он, Николай Михайлович приехал домой на «Жигулях», правда, не за рулем, а на пасса-

жирском месте. За рулем сидел опытный водитель, заводской товарищ, которого по такому случаю отпустили с работы в помощь «имениннику».

На «Жигулях» Николай Михайлович проездил 12 лет. За это время он стал знатоком автомобиля и не ленился применять свои знания к собственной машине. Однако, увы, даже при идеальном уходе автомобиль старел. В очередь на новый автомобиль второй раз Николая Михайловича на заводе никто бы не поставил, в открытую продажу автомобили не поступали, а купить машину, проездившую 3–4 года, было невозможно: на рынке такие машины стоили значительно дороже, чем недоступные новые.

Потом времена изменились, очереди на автомобили на заводе не стало, потому что можно было пойти и купить машину, причем новые машины стали стоять значительно дороже старых машин. Но на заводе теперь платили так мало, а за автомобиль нужно было отдать так много! У Николая Михайловича не было надежды поменять свою машину на новую.

Вдруг мелькнула перспектива. Фирма «Властелина» собирала деньги — половину стоимости автомобиля «Москвич-2141» и через несколько месяцев отдавала целый автомобиль за внесенные заранее полцены. Здравомыслящий человек, Николай Михайлович понимал, что это — жульничество, и никогда бы не стал связываться, но ему предложили по знакомству вступить в группу работников МВД, которые договорились с «Властелиной» на некоторое количество автомобилей, и теперь добирают надежных людей «со стороны» до определенного количества участников. Николай Михайлович рискнул и через четыре месяца стал обладателем нового автомобиля. А еще через несколько месяцев «Властелина» лопнула. Хозяйку «Властелины» посадили, а множество людей остались без денег. Но Чистяков успел!

С двенадцатилетним опытом эксплуатации «Жигулей» Николаю Михайловичу «Москвич» был не страшен. Если при Николае Михайловиче ругали «Москвичи», то он сердился и громко говорил, что «Москвич» — самая скоростная, удобная и надеж-

ная машина, нужно только... Далее следовали рекомендации, в соответствии с которыми требовалось разобрать автомобиль «до винтика», кое-какие детали заменить на аналоги от приличных производителей, затем снова собрать «по-человечески». Николай Михайлович не понимал, что такие советы не всем подходят. Единственная претензия к «Москвичу», с которой соглашался Чистяков, это то, что кузов у него ржавеет быстрее, чем у других автомобилей. «Да, — говорил Николай Михайлович. — Металлический лист им поставляют плохой». Но и тут следовали советы, как сохранить кузов: «пушечное сало», битумная мастика для днища, «мовиль» и другое, ныне забытое. Во всяком случае, «Москвич» Николая Михайловича был в образцовом состоянии.

Николая Михайловича осаждали соседи по коллективным гаражам, жаждущие совета. Но обычному автолюбителю, «чайнику», совета мало, нужны еще «руки». И Николай Михайлович помогал соседям и «словом», и «делом». Со временем Николай Михайлович ушел с завода, договорился с со-

седом, сделал из его пустующего гаража «ремонтный бокс», и стал ремонтировать «Москвичи».

Вот к этому человеку и привел Артура Коновалов.

Часть 2

ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ

БАНК

Артур теперь работал в банке «Росинвест-проект». Должность его называлась «и. о. заместителя председателя правления». На должность настоящего заместителя Артура не утвердил Центробанк из-за отсутствия опыта работы в кредитных учреждениях. Первая его задача состояла в том, чтобы этого опыта набраться. Набираться опыта было не

просто, потому что ко многому в деятельности банка Артура не подпускали, и другие замы относились к нему, как к блатному, сосватанному высокопоставленным папашей. Замы полагали, что Артур в их банке посидит-посидит и выше полезет. Но и сам Артур рассматривал себя как представителя отца. Артур Иванович контролирует проведение взаимозачетов, а его направил в один из уполномоченных банков, чтобы отец мог из первых рук получать информацию о том, что происходит на самом деле. Разговор про зачеты в «Росинвестпроекте» произошел вскоре после начала работы Артура в банке.

— Хочу тебя спросить, — обратился Артур Иванович к сыну. — Как проходят практически взаимозачеты. Расскажи на примере твоего банка, какова техника этого дела.

— Я давно хотел тебе живописать, как проходят зачеты, но сомневался, стоит ли. Но раз ты сам спросил, сдерживаться больше не буду, расскажу, — начал Артур. — Представь себе холодное февральское утро, часов восемь, темно еще. У дверей банка толпа, дверь откроется в девять, но все приехали

заранее, чтобы очередь занять. Толпа состоит из главных бухгалтеров, директоров предприятий и их заместителей, всяких других деятелей приличного уровня. Все газоны и тротуары вокруг входа в банк заставлены такими автомобилями, которые только в автосалоне увидишь. Двигатели включены, фары горят и освещают грязный снег, дым из глушителей машин, здание нашего банка, соседние дома, сквер, темные фигуры. Каждая из этих темных фигур принадлежит человеку, к которому без доклада не пойдешь и который управляет большими деньгами и многими людьми. А здесь он бродит по скверу с одной задачей — что-нибудь узнать, сориентироваться, в последний момент подправить бессмысленные бумаги про взаимозачет между предприятиями, которые, в принципе, никак связаны быть не могут. Но главная задача — узнать, идут ли зачеты, не приостановлены ли. В машинах шофера сидят, и время от времени хозяйка или хозяин приходят к ним греться. А иногда приводят кого-нибудь с собой, чтобы поговорить. Тогда водитель вылезает из авто и прогуливается, разминая затекшие конеч-

ности, потому что он всю ночь ехал из Нижнего Новгорода, или из Питера, или из какого-то секретного городка, которого на карте нет. В девять ровно двери открываются, и толпа устремляется внутрь. Правда, в дверях сильно не толкаются, все-таки солидные люди, очередь заранее расписали. Выясняется, сколько сотрудников принимают документы, и к каждому выстраивается по хвосту.

— Ну, тут-то можно было навести порядок! — прервал рассказ сына Артур Иванович.

— Подожди, пап. Ты же хотел услышать, как есть, вот я и рассказываю... К сотруднику подходят парами: плательщик налогов и бюджетник. Сейчас стеклянную загородку с окошечком убрали, а то, отвечая на вопросы сотрудника банка, то один, то другой представитель предприятия в окошечко просовывались, как дрессированные звери по команде укротителя. Часов в одиннадцать прием прекращается минут на десять, это работникам банка принесли обеденное меню. Клерки в костюмах и галстуках думают и даже громко обсуждают между собой, что бы такое за-

казать, а потом ставят «галочки», какие блюда они будут сегодня кушать. А очередь терпит, не возмущается, а то клерк придерется к чему-нибудь и не примет у тебя документы.

— Но ты ведь руководитель! Построй эту очередь, как считаешь нужным! — снова вмешался отец в рассказ сына.

— Я пытался. Добился только, чтобы сняли стеклянные загородки с окошечками. Ладно, дальше рассказываю. Больше половины людей в очереди из других городов. Пары бывают ближние: одно предприятие — во Владимирской области, другое — в Питере. Из дальних мест, например, из Комсомольска-на-Амуре, может приехать один человек с доверенностями от двух предприятий сразу, то есть сам с собой взаимозачет оформляет. Документы у всех подготовлены, как правило, очень тщательно, у всех принимают. Наши функции состоят всего лишь в том, чтобы собрать документы, проверить, правильно ли они оформлены, поддержать их у себя несколько дней, на случай изменений, и подать их тебе.

— Давай так, — сказал Артур Иванович. — Ты мне будешь регулярно, раз в неделю, до-

кладывать о приеме документов в вашем банке. Требуя порядка в очереди, чтобы людей не унижали. Я помогу, поддержу твои требования. Заодно и в других уполномоченных банках наведу порядок. Про обеденное меню ты красочно рассказал, хотя это конечно беллетристика...

СТАРЫЕ СВЯЗИ

Леонид Владимирович, мимолетный знакомый Артура из того времени, когда Артур только еще начал изучать технологию обналачки, пришел в банк «Росинвестпроект» открывать счет для новой фирмы. Леонид Владимирович остался таким же пухленьким маленьким мужчиной с лакейскими бачками. Только на темени явно обозначилась лысина. Он был так же аккуратно одет: светлый костюм по сезону, голубая рубашка, галстук яркий, нестрогий,

но ведь и человек молодой, носки под цвет брюк, новые туфли, очень новые и с высокими каблучками. И так же, как раньше, живые глаза плохо сочетались с такой «га-лантерейной» внешностью.

Со школьных лет Леонид Владимирович тяготел к покою и основательности. Сам, без репетиторов, подготовился и поступил в МВТУ имени Баумана. Окончил вуз с «красным» дипломом и получил распределение на огромное космическое предприятие вблизи Москвы. Молодых специалистов, направленных на работу в эту знаменитую фирму, собрали в актовом зале. К ним вышел заместитель главного конструктора со звездой Героя соцтруда и медалью лауреата Ленинской премии на пиджаке. Он поздравил молодых специалистов, в основном, юношей, с окончанием вузов и перечислил основные вехи славной истории предприятия. Но потом сказал, что настали трудные времена, развитие отрасли остановилось, денег на зарплату нет, поэтому расширять штат в настоящее время нет возможности. И никто из пришедших к ним по распределению молодых специалистов не будет принят на ра-

боту. В заключение оратор выразил надежду, что молодые люди с таким блестящим образованием не пропадут.

Леонида поразило, что многих ребят обрадовала свобода. Сам он такого поворота судьбы никак не ожидал, запасного места работы у него не было. Леонид стал искать работу, и довольно быстро ему удалось устроиться продавцом в ночной магазин. Его точка — бывший киоск «Союзпечать» около автобусной остановки в Бескудниково. Ночью он торговал пивом, сигаретами, хлебом, спиртом, фасованными макаронами, фисташками в пакетиках, а днем спал и искал место получше. Новая работа сама нашлась — хозяин киоска предложил Леониду работать в обменном пункте валюты во дворе около выхода из станции метро «Кузнецкий мост», руководить сменными кассирами и охранниками. «Ленчик, — сказал ему хозяин. — Побудешь в обменнике на Ленинском, там опытный парень сидит. Как наблатыкаешься, станешь на свою точку. В месяц попробуй уложиться. На этот месяц зарплата прежняя». Месяц Леонид побыл стажером, а потом восемь месяцев занимался обменом валюты сначала в одном

пункте, потом в другом, потом в третьем. Свел знакомство в банке. В банке ему предложили работу в индустрии обналички.

Много говорят об «утечке мозгов». Уехали ученые из России, беда! Ищут «утекшие мозги» в Америке и в Европе. Деньги выделяют, миллиарды рублей на возвращение уехавших за рубеж, конечно, тех, кто там преуспел, кому и там хорошо. В действительности основная утечка мозгов происходит внутри страны, без пересечения госграницы. Вот и мозги Леонида Владимировича «утекли», пусть не из академической науки, а из отраслевой, космической, но очень важной для страны. Потеряли инженера с «красным» дипломом лучшего технического вуза страны, и никто не выделяет денег, чтобы вернуть его обратно. Но чиновникам, чем Ленчика и еще сотни тысяч несостоявшихся специалистов вернуть в науку и технику, выгоднее возвращать из Англии лауреата Нобелевской премии (ведь у чиновников, как у пушкинской попадьи, ум «догадлив, на всякие хитрости повадлив»).

Леонид Владимирович предложение банка принял и расстался с прежними хозяевами. К моменту расставания у Леонида с хозяевами накопилось взаимное раздражение. Хозяева раздражали Леонида своей дремучестью, апломбом и хамством, не соответствующим огромным суммам, которые они контролировали. А Ленчика хозяева не любили за его самостоятельность, образованность и начитанность. Эти качества, по мнению хозяев, никак не соответствовали подчиненному положению Леонида. Хозяева говорили между собой: «Какой этот Ленчик противный! Но умный, работать с ним можно».

Свой офис Леонид Владимирович организовал образцово. Несколько человек работали с клиентами, двое регистрировали новые фирмы и занимались отчетностью по действующим и «старым», готовым к «потоплению» фирмам. Сам Леонид Владимирович осуществлял все контакты с банком, добывал утраченные безалаберными гражданами паспорта и решал все вопросы с контролирующими организациями. Контролеров было много, но Леонид всегда решал только одну задачу: кому и сколько дать денег.

В тот период, когда Леонид Владимирович руководил обналичивающей конторой, и приходил к нему Артур Калмыков на разводку.

Леонид Владимирович на этой работе имел дело только с теми людьми, которые не соблюдали установленные правила. Клиенты не хотели платить налоги, не желали, чтобы их траты контролировались, а желали тратить деньги своих предприятий, «не делясь» с государством и по своему усмотрению, для чего и переводили деньги на те счета, которые указывал им Леонид Владимирович. Юристы регистрировали липовые фирмы. Нотариусы заверяли фальшивые документы. Мелкие государственные чиновники за взятки смотрели на эту деятельность сквозь пальцы. Но и пребывая в этой среде, Леонид Владимирович сохранил в глубине души стремление к покою и основательности. Только теперь в мечтах он видел себя не крупным инженером с макетами своих изделий на письменном столе и государственными наградами на лацканах пиджака, а честным бизнесменом, работодателем и налогоплатель-

щиком, производящим нужный для страны товар. Много времени он посвящал поиску перспективного дела, анализу потребительского рынка и сравнению того, что происходит у нас и за границей. Перебрав множество возможных направлений, Леонид решил, что самое надежное дело — производство упаковки для пищевых продуктов. В этой сфере наши сильно отставали от иностранцев. Удобная современная упаковка неизбежно потребуется в ближайшие годы.

Леонид тщательно и долго разрабатывал бизнес-план, обсуждал этот план с разными людьми, подыскивал себе партнеров. Оказалось, что по прикидкам, чтобы начать дело, Леониду нужно было не менее двухсот пятидесяти тысяч долларов.

Набрав эту сумму, Леонид Владимирович стал готовиться к переходу от жульничества к честной работе. Нужно, конечно, оговориться, что он всегда работал честно, выполнял обещания и не подводил партнеров ни слева, ни справа. Но это была честная работа в нечестной или, скажем, незаконной отрасли. А теперь же он хотел работать честно

и законно. Создавая новое «белое» предприятие, Леонид Владимирович пришел открывать счет в банк «Росинвестпроект». По своему немалому уже опыту взаимодействия с банками Леонид решил, что этот банк наиболее «чистый» и надежный. И в то же время не такой монстр, как «Сбербанк», который ограбит клиента и не заметит.

Дежурная при входе в банк, по-новому — офис-менеджер, дала Леониду список документов для открытия счета и сказала, чтобы уважаемый клиент заполнил только заявление. Согласится ли банк на открытие счета, решает заместитель председателя правления. Сейчас его может принять Артур Артурович Калмыков.

За дверью с надписью «Заместители председателя правления» Леонида встретила секретарша и сразу указала на дверь с табличкой «и. о. заместителя председателя правления Артур Артурович Калмыков». Леонид прочитал табличку, подумал, что буквы «и. о.» для него никакого значения не имеют, и вошел в дверь. Увидев в кабинете Артура, Леонид Владимирович ничего не вспомнил.

Артур же сразу узнал посетителя, но виду не подал. Поздоровался, усадил, рассказал, какой у них надежный банк, объяснил, что правительство приглашает их банк для участия в важных государственных программах. Поэтому банк осторожно подходит к открытию счетов новым клиентам, интересуется видом бизнеса и прочими характеристиками кандидатов в клиенты.

— Расскажите, пожалуйста, чем вы будете заниматься, каков годовой оборот, нужны ли вам кредиты, — спросил Артур.

В ответ Леонид Владимирович вынул и протянул Артуру красиво оформленную брошюру с цветными иллюстрациями — бизнес-план.

Пролистывая план, Артур понял, что документ не липовый, визитер на самом деле собирается производить упаковку.

— Ваше предприятие называется «Европак». Похоже на «Быстроупак», предприятие господина Дядьева...

— Насколько я помню «Двенадцать стульев», господин Дядьев под этой вывеской занимался спекуляцией мануфактурой, а мы, в соответствии с названием, собираемся про-

изводить упаковку, — ответил Леонид Владимирович.

— Понимаете ли, — сказал Артур, пристально глядя в глаза собеседнику. — Я был в вашем офисе на Покровке в конце девяносто второго года. Названия фирм там были разные, а занимались они одним и тем же. Для нашего банка такая деятельность неприемлема!

Леонид Владимирович внутренне содрогнулся. Не то что его испугал выпад Артура, подумаешь, на этом банке свет клином сошелся, что ли! Просто Леонид начинал новый круг и болезненно воспринимал воспоминания о старой своей деятельности. «Однако, — подумал Леонид, — нужно уважать собственные решения, если уж я выбрал этот банк, то следует за него побороться».

— Все меняется, Артур Артурович, — вполне доброжелательно ответил Леонид Владимирович. — Ведь если вы приезжали в офис на Покровке, значит, и ваша деятельность пять лет назад отличалась от нынешней вашей деятельности.

«Да, — подумал Артур. — Все правильно говорит. Этого поросенка без хрена не со-

жрешь! Да и на поросенка он стал меньше походить, возмужал». И вместо первоначального желания отказать, отомстить, отыграться за былое невнимание к своей персоне, родилось уважение к этому парню и даже стремление помочь.

— Это — правда, — сказал Артур. Написал на заявлении «Согласен. Калмыков.» и отдал документы Леониду Владимировичу.

— У нас в банке такой порядок — тот заместитель, который визирует заявление на открытие счета, сопровождает клиента в его работе. Так что, если будут проблемы, обращайтесь.

Артур встал и пожал Леониду руку.

Встрече со следующим старым знакомым предшествовал телефонный звонок.

— Артур Артурович, звонит Алексей Федорович из банка «Тишинский». Будете разговаривать? — доложила секретарша.

«Алексей Федорович, зам из банка „Тишинский“? Это ведь из прошлой жизни», — подумал Артур и взял трубку. Договорились о встрече в кабинете Артура.

Алексей Федорович за год несколько поблек, уже не казался суперменом. После вза-

имных приветствий, передачи поздравлений от Раисы Хамзеевны и выражений «глубокого удовлетворения», что оба они работают теперь в одной сфере и на одинаковых должностях, Алексей Федорович перешел к сути дела.

— Артур Иванович приостановил взаимозачеты. Конечно, по чрезвычайно важным причинам, мы в этом не сомневаемся. Но от этого у наших клиентов — энергетиков создалось напряженное положение, которое сказывается и на положении банка. Я далек от мысли просить вас двинуть дело, к тому же думаю, что это и не в ваших силах. Но любая информация о приостановке зачетов была бы нам чрезвычайно полезна. Даже сведения о том, кто притормозил процесс — сам Артур Иванович или есть команда из правительства, — имеют ценность. Если знать, кто конкретно задержал зачеты, по какой причине и что нужно сделать для того, чтобы конкретный взаимозачет провести, то такие сведения чрезвычайно важны для заинтересованных сторон.

— Понятно, информация — самое дорогое в наше время, — Артур не спешил ввязыв-

ваться в разговор по существу, ведь любой конкретный ответ налагает некоторые обязательства.

— А чтобы обмен информацией был взаимный, я вам тоже кое-то сообщу, — продолжил Алексей Федорович. — Не особенно конкретные сведения, частично мое собственное мнение, но, может быть, вам будет интересно это услышать, потому что все имеет прямое отношение к Артуру Ивановичу.

В словах Алексея Федоровича звучали жесткие нотки.

— Взаимозачеты эти придумали очень серьезные люди и сумели пробить свою схему через правительство. Противодействие в правительстве было, одним из подтверждений этому стало назначение Артура Ивановича в качестве «смотрящего». Наличие «государева человека» внесло, конечно, некоторые изменения в процесс. Тем более, что ваш отец работает очень квалифицированно, сдержанно, проводит консультации с заинтересованными сторонами и применяет данную ему власть только в безоговорочных случаях.

«Да-а-а, — думал Артур, слушая коллегу. — Очень опасные люди прислали ко мне Алексея Федоровича. От них исходит явная угроза». Артур почувствовал, как по спине поползла капелька пота.

— Чайку? — спросил Артур.

— Кофейку, — ответил Алексей Федорович.

Перерыв был нужен обоим. Артур надеялся, что за эти десять минут он лучше поймет, чего хочет Алексей Федорович. А тот думал, что Артур за это время успеет посильнее испугаться.

— Так вот, — продолжил Алексей Федорович после чаепития. — При такой безукоризненной, по-настоящему государственной работе вашего отца, вмешиваться, лезть к нему с просьбами никто не решится. Но вы поймите, Артур, люди работали, обеспечили взаимозачеты между крупными предприятиями, машина запущена. Вдруг, бац, зачет приостановлен, и срок возобновления не очень ясен. Рушится схема, устаревают документы, да и участники зачетной схемы могут переменить свои намерения. Поэтому очень важно знать побольше о сроках приостановки и возобновления взаимозачетов.

Артур вспомнил про капитана Бородина и с досадой подумал: «Опять из меня хотят «крысу» сделать!»

Расстались на том, что Артур пообещал поговорить с отцом и сообщить о результатах разговора Алексею Федоровичу.

Выслушав сына, Артур Иванович сказал:

— Алексей Федорович твой «надувает щеки», или, как теперь говорят, «пальцы гнет». Банк «Тишинский» никакого отношения к взаимозачетам не имеет, не получилось у Раисы Хамзеевны пробиться в уполномоченные банки. Однако банк по собственной инициативе разослал агентов по стране, в основном в Сибирь и на Кавказ, ищут заинтересованные предприятия, составляют схемы, готовят документы. Положение у них зыбкое, чистые посредники. Поэтому им нужно провести зачет быстро и четко, а то участники схемы очухаются и поймут, что могут все сделать сами. Вот, Алексею Федоровичу поручили разобраться, поэтому он и ищет источники информации. Не обращай внимания. Передай ему, что я не стал с тобой разговаривать на эту тему.

ПОКУШЕНИЕ

Сотрудник Федеральной службы охраны старший лейтенант Вячеслав Смирнов относился к своим обязанностям вдумчиво. Для всех типовых маршрутов он детально проработал схему движения, определил возможные источники опасности, привязал схему к реальной обстановке, которую на схеме не нарисуешь, учел припаркованные автомобили, потоки людей, ремонтные работы. Свои предложения, содержащие иногда обоснованные отклонения от инструкции, Смирнов согласовывал с охраняемым лицом, Артуром Ивановичем Калмыковым, а затем отдавал в отдел для ознакомления. Старший лейтенант не был уверен, что записки его кто-то читает. Но как-то раз его вызвал командир, поздоровался за руку, усадил за стол и спросил:

— Ты зачем из машины вылезаете около дома Калмыкова?

Смирнов взял лежащую перед начальником папку со своими схемами и объяснил,

что, находясь в машине во время маневра по запруженной улице на скорости 3–5 км/час охранник, сидящий рядом с водителем, не может исполнять свои обязанности. Нападение возможно с левого борта машины, водитель лишен возможности поворачивать и изменять скорость, а охранник выключен. Попросту говоря, водитель не может ни дать по газам, ни затормозить, ни свернуть, а охранник, пока выскочит, пока обезжит машину, много времени пройдет.

— Ладно, — сказал командир. — Убедил. Но сильно фантазиями не увлекайся. Спрашивать с тебя будут по инструкции.

Автомобиль замедлил ход, прижимаясь к ограде скверика перед домом на Большой Бронной, почти расталкивая капотом людей. За минуту перед тем Вячеслав Смирнов покинул автомобиль и шел за ним пешком с левого борта, метрах в пяти позади. Взревел мотоциклетный мотор, и из Сытинского переулка, от бульвара, выскочил мотоцикл с двумя мужчинами: мотоциклистом и пассажиром у него за спиной. Мотоцикл повернул

налево на Большую Бронную и остановился почти вплотную к автомобилю Калмыкова. Пассажир в круглом шлеме, скрывающем голову, упершись в сидение, неловко соскочил назад. Мотоциклист нетерпеливо газовал, стоя на месте, а пассажир выхватил из чехла автомат, расставил ноги на ширину плеч и прошил бок автомобиля очередь. Он намеревался, согласно инструкции, затем выпустить вторую очередь. Люди вокруг отпрянули, раздались крики «Стой!», «Ты что делаешь!» Но прохожих в первые несколько секунд можно было не опасаться, обычный посторонний человек в такой ситуации не опасен, так ему объяснили. Только делать все нужно очень быстро.

Расстояние до цели было маленькое. «Как бы не срикошетило, надо стрелять под углом, как он велел», — подумал киллер. Но было поздно. Одна пуля отскочила от кузова машины и ударила его в бедро. Сильная боль изменила сценарий покушения. Киллер был готов к тому, чтобы стрелять, «испугать», забраться на мотоцикл и скрыться. Он не думал, что ему будет больно. Болело очень, поэтому он прекратил стрельбу и застыл на

месте в нелепой позе, осматривая и ощупывая левой рукой свою ляжку. Сразу сообразил: «Рикошет!» И тут же получил вторую пулю в правую руку, держащую автомат. Киллер взвыл от боли. Автомат выпал из руки на мостовую. «Откуда?!» — успел подумать киллер, поднял голову и получил удар «под дых», а потом рукояткой пистолета по шлему от мужика, которого сразу не заметил. Дважды раненый и избитый киллер упал на асфальт, шлем соскочил, открыв голову с обезумевшими от боли и недоумения глазами. После следующего удара ногой в голову киллер потерял сознание.

Увидев, что напарник ранен срикошетившей пулей, мотоциклист взял пистолет, чтобы застрелить киллера, как и планировалось. Но еще один вооруженный участник событий изменил план мотоциклиста. Парень с улицы, неизвестно откуда взявшийся, выстрелил в киллера, выбил у него автомат и напугал мотоциклиста. Всем своим нутром мотоциклист мгновенно осознал, что следующий выстрел этого парня предназначен ему. Он бросил пистолет на сиденье между ног, где уже лежала правая перчатка, и по-

гнал взревевший мотоцикл по Большой Бронной к Малой. Пистолет и перчатка скользнули по сидению вдоль бедра и упали на асфальт, и мотоциклист не успел их подхватить, да и не было возможности отвлечься — он ехал по заполненной людьми улице, от него шарахались, и он увертывался от прохожих, опасаясь любой задержки, спиной чувствуя опасность.

Вячеслав Смирнов, обездвигив киллера, стал высматривать мотоциклиста, и даже увидел его метрах в тридцати от себя. Стрелять было невозможно, догонять не полагалось, да и как? И ни к чему, опасность миновала, теперь главная забота — Калмыков. Смирнов сковал руку и ногу киллера наручниками и повернулся к машине. Сквозь дыру в разбитом пулями затемненном стекле охранник увидел сидящего у правой задней дверцы живого Артура Ивановича, носовым платком пытавшегося забинтовать правую руку. Смирнов открыл заднюю левую дверцу машины. Под ноги посыпались осколки стекла.

— Как вы, Артур Иванович?

— Рука болит, и в коленке тоже пуля... Посмотри — Федор живой, нет?

Водитель Федор, сидевший вплотную к простреленной дверце, был тяжело ранен.

При анализе событий, при определении причин разных явлений, при оценке людей Артур Иванович всегда старался найти простые причины, понятные обстоятельства и положительные свойства характера участников. Когда-то в юности он выбрал для себя такой способ мышления, затеял это как игру, как упражнение для ума. Но игра сразу стала приносить ощутимую пользу. Он продвигался дальше своих товарищей в анализе истинных причин того, что происходило. Когда кто-то не приходил в условленное место, срывал намеченное мероприятие, и все дружно осуждали необязательность и хамство виновного, Артур Иванович говорил, что не пришедший заболел, и оказывался прав. Так было до эры сотовых телефонов. Когда же появились мобильники, в большинстве случаев долгие длинные гудки свидетельствовали только о том, что абонент забыл телефон в машине или, включив беззвучный ре-

жим, забыл его отключить. И не было тут оскорбления, пренебрежения и нежелания говорить. Дальше задачки возникали все более сложные, а правило искать простые и необидные объяснения сложных жизненных коллизий приносило пользу, помогало докопаться до истины.

Но сейчас никакие версии произошедшего нападения не приходили в голову, ни простые, ни сложные. Артур Иванович недоумевал, какой смысл был в него стрелять, кому это могло быть нужно?

Выстрелами дело не закончилось. Сегодня в почте, доставленной в палату, Артур Иванович обнаружил конверт со старыми почтовыми штампами, а в нем записку: «Теперь займемся твоим щенком, пес». Конверт с запиской Артур Иванович с нарочным отправил следователю. Теперь собрался ему позвонить.

— Здравствуй, Валентин! — сказал Артур Иванович в трубку телефона «АТС-1», «вертушки» в кабинете своей комфортабельной больничной палаты.

— Здравствуйте, Артур Иванович! Как вы себя чувствуете?

— Рука правая болит и не работает, подвешена. Нога тоже плохо действует, но, обещают, что все восстановится. Пока приучаюсь левой рукой обходиться. В общем, терпимо, могло быть хуже. Скажи, как там мой убивец?

— Что вам сказать на этом этапе... Это очень тупой парень. Не киллер, а робот какой-то. Знает очень мало: приехали, дали оружие и велели стрелять в черную машину. Машина бронированная, пули отскочат. Поэтому стрелять надо под углом. Внутри сидит бандит, извините, Калмык. Калмык выстрелов испугается, перестанет наркотиками и отравленной водкой торговать и улетит в Америку. Все, больше ничего. Охотно рассказывает только о том, что в армии служил, с таджиками дрался, инвалидность получил. Оружия не знает, стреляет плохо...

— Это я понял! — с иронией сказал Артур Иванович.

— Похоже, что специально такого подобрали, потому что убивать вас, действительно, не хотели. Хотели напугать, чтобы вы какие-то действия совершили.

— Дело в том, что покушение еще не закончилось, продолжается. В сегодняшней

почте я получил письмо с угрозой расправиться с сыном! Как они меня тут нашли?

— Ну, это не проблема. Мало ли посторонних людей в вашей больнице лежат на платной основе, они сообщили. Хорошо, что вы сразу прислали мне записку. Проработаем эту информацию. И подумаем, как сына вашего обезопасить.

— Что тут думать?! Ты что, смеешься! Нужно срочно его отсылать подальше! И жену мою тоже. А то, кто их знает?..

АРТУР ЗА ГРАНИЦЕЙ

Вечером того же дня, когда к Артуру Ивановичу приехала жена Маргарита Николаевна, состоялся серьезный разговор о необходимости уехать, спрятаться от неизвестных грозных врагов.

Маргарита Николаевна выслушала мужа, замерла в кресле, опустив голову, потом сказала:

— Вот, что я скажу тебе, Артур!

Артур Иванович с удивлением посмотрел на нее.

— Да, я давно тебя по имени не называла, — с улыбкой продолжила Маргарита Николаевна. — Привыкли, что «Артур» — это наш сын, а ты — или «папа», или «Артур Иванович», или «дедушка», это, когда дочь с ребятами приезжает. Так вот знай, как бы я тебя не называла вслух, мысленно я всегда звала тебя только Артур. Ты — мой единственный Артур, и теперь, когда дети выросли, я тебе об этом говорю. Нам по 58 лет, и большую часть этих лет я от тебя надолго не отдавалась, и очень этим довольна. И в дальнейшем, насколько это от меня зависит, я от тебя — никуда! Мне только с тобой хочется жить, и только с тобой мне интересно жить. И мне скучно не было с тобой никогда, ни одной минутки! Знаешь, что мне дочь сказала в последний свой приезд? Я, говорит, вас с папой люблю за свежесть чувств! Никуда

я от тебя не поеду... даже ради спасения собственной жизни... Вот так...

Артур Иванович сидел, слушал и ничего не говорил. Конечно, можно было бы кинуться к любимой женщине, поцеловать ее за такие слова. Но куда тут с костылем и с рукой на перевязи кинешься? Пока соберешь все, что нужно, чтобы встать с дивана, порыв пройдет.

— Да, я никуда не поеду. Конечно, совсем отмахиваться от опасности нельзя. Нашему ребенку угрожают! Вернее, угрожают тебе таким способом. Даже не тебе лично, а государственному чиновнику... бр-р-р, не люблю это слово. Но теперь все стали говорить «чиновник» без всякого осуждения. Для родителей моих «чиновники с кокардой» были в России до 17-го года, а потом все эти бывшие чиновники и дворяне в Париже таксистами работали. В Союзе заправляли не чиновники, а совпарработники... Так вот, я о том, что к отъезду Артура вынуждают государственные обстоятельства. Пусть следовательно иницирует этот отъезд, пусть государство потрясется на свои государственные дела: и де-

нег пусть выделяют, и место пусть за Артуром сохраняют, и прочее...

— Ну, место как сохраняют? Банк ведь частный, — возразил Артур Иванович.

— Знаем мы ваши частные банки! — усмехнулась Маргарита Николаевна. — Еще про частный Сбербанк расскажи. Я говорю о том, что Артур убегает не от того, что ему нож в подворотне показали. Государство его отсылает на время, прячет, потому что парень подвергается опасности из-за своей... ну, из-за твоей профессиональной государственной деятельности! Я хочу подчеркнуть, что отъезд Артура, бегство от опасности — дело не семейное, а государственное!

— Твоя номенклатурная семья наложила на тебя отпечаток на всю жизнь! — с улыбкой сказал Артур Иванович. — Мы как будто поменялись местами. Это чиновный папаша должен говорить, что о сыне позаботится государство, а мамаша, наоборот, должна молить защитить сына, не считаясь ни с чем! Обсуждать больше не будем. Давай, Ритуля, срочно отправлять Артура!

— Ну, что ж, отправлять, так отправлять... — согласилась с мужем Маргарита Николаевна,

мысленно уже прикидывая, что ей нужно сделать для отправки Артура.

«А Ритуля-то моя, похоже, не верит, что Артуру действительно грозит опасность...» — подумал Артур Иванович.

Артур, оказавшись первый раз в Европе один, не с родителями, не с товарищами, не в группе, решил, что у него есть месяц законного отпуска и путешествовал, наслаждаясь отсутствием границ и простотой аренды транспортных средств. Ездил на красивых автомобилях, а что? Деньги есть, заработал! Потом взял скутер, а что? Ему ведь двадцать девять лет всего — молодежь!

Путешествуя по Европе и не имея никаких обязанностей, Артур мог наблюдать, размышлять и оценивать. Конечно, в первую очередь хотелось найти отличия, особенности, редкости. Хотелось понять, чем люди отличаются от наших. Почему все стремятся в Европу, как будто там медом намазано.

Первое сильное впечатление на Артура произвел Берлин, который мы взяли в 45-м году. В этом большом городе памяти о войне

осталось меньше, чем памяти о Берлинской стене. У Артура создалось такое впечатление, что не каждый берлинец знает, что происходило в Европе с середины 30-х до середины 40-х годов XX века, кто с кем воевал и за что, кто победил в войне. Зато все хорошо знали, что убили многих людей, которые хотели перелезть через Берлинскую стену, что власти ГДР расстреляли мирную демонстрацию и 53 человека погибли, что СССР виноват перед Германией, потому что навязал антинародный режим Ульбрихта и Хонеккера, всемогущую «штази», бедность и прочие беды социализма.

А Германия, если и виновата, то, по обывательскому мнению, только перед берлинскими еврейскими семьями, которым пришлось, забрав ценные вещи и рояли, переехать в Австралию или Америку. Более 50 миллионов жертв Второй мировой войны, развязанной Германией, почти забыты. Русский солдат-освободитель в плащ-накидке и каске исчез из памяти, остался советский солдат-оккупант, портрет которого выставлен в бывшем пропускном пункте из Восточного Берлина в Западный Берлин Point Charlie.

В Трептов-парке поддерживают порядок. Памятник, скульптуры, мраморные сооружения по краям аллеи, зеленые насаждения ухожены. Но посетителей нет совсем. Артур провел там больше часа и видел одну русскую семью и одну группу телевизионщиков, которые снимали приказы Сталина, выбитые на камне, и очень галдели. И это в выходной день в огромном мемориальном комплексе! Правда, дождик слегка моросил...

Второе, что поразило Артура, было огромное влияние средневековья на современную Европу. Со школы у Артура сложилась простая историческая схема: века до 5-го была Римская империя, потом тысячу лет был мрак Средневековья, когда не происходило ничего, потом началась эпоха Возрождения. А тут оказалось, что именно Средневековье сформировало современную Европу.

Артур ехал по дороге на скутере, смотрел по сторонам, собирался уже возвращаться и искал, где бы развернуться. Вдруг у скутера заглох двигатель. Скорее всего, какая-нибудь ерунда, чему тут ломаться... Артур

слез со скутера, подкатил неисправный «самокат» к краю дороги и прислонил его к ограждению. Присел на корточки и стал смотреть, где у него что... Как учил Николай Михайлович Чистяков? Бензин, зажигание. А, вот, колпачок высоковольтный соскочил со свечи. Артур взял в руки болтающийся высоковольтный провод, осторожно освободил застрявший в соседних железках колпачок и аккуратно надел на свечу...

Рядом с ним остановилась машина, Артур обернулся. Из автомобиля «Фольксваген Пассат» вышел невысокий мужчина лет сорока и направился к Артуру.

— Good afternoon! Can I help you something? — спросил мужчина.

«Все говорят с иностранцами по-английски! — подумал Артур. — Памятник изобретателю эсперанто в Вене пора сносить...»

— Good afternoon! I am OK! — ответил Артур, полагая, что скутер теперь заведется.

В это время из машины вышла симпатичная брюнетка тех же лет, что и мужчина, наверное жена, и тоже направилась к Артуру. Видимо, дама сначала не хотела выходить, а потом не выдержала.

— А то я смотрю, русский парень терпит бедствие. Думаю, дай, посмотрю, в чем дело, — продолжил по-русски мужчина.

— А как вы узнали, что я русский?! — спросил удивленно Артур.

— Ой! Не смешите мои тапочки! Тоже мне загадка! Здравствуйте, меня Алла зовут, — сказала подошедшая женщина.

— А я — Борис, — представился мужчина, несколько смущенный активностью жены, и стал объяснять: «Действительно, наших сразу видно. Как вы ковырялись в своем аппарате, как сидели... Только наши так делают...»

— Интересно... — сказал Артур.

— Да, интересно, — сказала Алла. — Мы здесь живем 12 лет, и все-таки местные опережают, что мы из России.

Скутер завелся, Борис и Алла уехали, обменявшись с Артуром телефонами.

Новые знакомые показались весьма доброжелательными и приятными людьми. На следующий день Борис позвонил Артуру, и они встретились в Берлине. Артур думал, что придут оба, но пришел один Борис. Борис чувствовал себя обязанным показать вновь при-

бывшему гостю Берлин. Первым делом они пошли в пивную пробовать айсбан, свиную рульку. Но за обедом говорили не о Берлине. Артур спросил: «Как же вы оказались в Германии?» — и Борис, соскучившийся по русскому собеседнику, стал рассказывать о себе.

«Мой отец умер, когда мне было 9 лет. Он был военным инженером „без поплавка“, т.е. без академии, да еще с „пятым пунктом“. По службе продвигался медленно, долго в капитанах ходил. Потом вдруг получил назначение во Львов директором маленького завода по ремонту медицинской аппаратуры, по сути — начальником мастерских. И тогда майора присвоили. Отец говорил, что теперь он „штаб-офицер“ и „высокоблагородие“. Приятно ему было, а то он уже стеснялся своего капитанства. Однажды его шофер ехал ночью по городу и задавил человека. Генерал вызвал отца, унижал его, грозился выгнать из армии без пенсии. Орал: „Доколе у нас будут продолжаться убийства русских людей по вине всяких Меламедов?!“ Как будто это отец кого-то убил, а не солдат-водитель по неосторожности. Отец разнервничался страшно, решил написать рапорт, уйти из ар-

мии. Но рапорт не дописал, умер от инфаркта... Мы с мамой остались жить во Львове, где под конец жизни служил отец. У нас была комната в коммунальной квартире, и мы с мамой были единственными евреями в доме. Били меня во дворе регулярно.

Ни я, ни мои родители не знали ни идиша, ни иврита, ни еврейской истории и никогда не ходили в синагогу. В церковь, правда, тоже не ходили, как все (или почти все) советские люди. Если бы не антисемиты, я бы сказал, что я — обычный русский мальчишка. Но я был еврей.

Еще одно обстоятельство делало меня не таким, как другие ребята во дворе, — я хорошо учился в школе. Поднимал руку, если знал ответ на вопрос учителя. У нас в классе это считалось предательством. Если ты что-то знаешь, то можешь, конечно, сказать, когда тебя спросят, чтобы не получить „пару“. Но вызываться самому, сообщать учителю, что ты что-то знаешь, что-то учил, подчеркивать, что твои товарищи не знают ничего, — это считалось подлостью. Поэтому все называли меня выскочкой. Я был изгоем: Иудой и выскочкой. Мама меня жалела.

А ведь я не все ей рассказывал, но того, что рассказывал, хватало, чтобы меня пожалеть.

У меня была мечта — поступить в Рижское мореходное училище, стать моряком, мотористом, ходить на больших кораблях в разные страны. И, конечно, уехать из Львова, города, в котором мне так тяжело жилось. Брали в училище без экзаменов, по аттестатам за восьмилетку, если «по здоровью проходил». Я послал документы, и мне пришел вызов. В училище со мной беседовал мужчина в форме моряка, он мне сказал: „Мы тебя возьмем, но ты должен понимать, что визу тебе не дадут“, и посмотрел мне в глаза. Я понял, что меня возьмут, и обрадовался.

Поступив в училище, я стал вести себя не так, как в школе: я прогуливал занятия, бегал в самоволку и пил. Главное, я плохо учился. Задачу я себе поставил — ничем не походить на еврея, зубрилу и выскочку. За это или не за это, но меня любил замполит училища.

После первого года обучения все курсанты пошли на кораблях в разные страны, а я был направлен на практику в портофлот. В училище было три еврея: сын нашего преподавателя, сын крупного рижского началь-

ника и я. Всем троим не дали визы. Через год, перед следующей практикой, на построении училища, ко мне подошел замполит и сказал: „Я вижу, ты — поддатый, так что сильно не ори. После построения зайди ко мне, тебе виза пришла!“

В эту практику я пошел в загранку мотористом. Сыновья преподавателя и начальника опять практиковались в Рижском и Вентспилском портах.

Четыре года прошли. Курсантов поздравили с окончанием училища и направили на работу в соответствии с рейтингом, как сейчас говорят, а попросту, по среднему баллу. Представители пароходств по очереди отбирали себе курсантов, кто получше учился или из других соображений. Первым выбирал кадровик из Рижского пароходства, а последним подходил к списку дальний северовосток. Распределение я получил в числе последних, в Петропавловск-Камчатский, поскольку учился плохо. Стал топливным мотористом, причем не на таком судне, какое изучал. Те суда, которые нам предназначались, еще только собирались выпускать, наш выпуск опередил время. Работа была тя-

желая, грязная, какая-то беспросветная. За это — один рейс в Японию в год.

Я очень хотел уехать с Камчатки, и через два года мне это удалось».

Весь день Артур находился под впечатлением от рассказа своего нового приятеля. Совсем незнакомые Артуру обстоятельства, не имевшие никакого значения в его жизни, оказывается, были очень важны для другого человека. Артур Калмыков, русский человек, жил как русский, говорил и думал по-русски, воспитан был в русской семье и так далее. Это было естественно и привычно для Артура. Американец говорит по-английски, любит Америку и имеет американские привычки. Еврей живет с евреями, говорит по-еврейски, хотя бы иногда, верит в еврейского Бога. Ну, положим, живет не в еврейской стране, но имеет еврейское окружение, еврейское мировоззрение, ест по субботам еврейскую пищу и мечтает переселиться в Иерусалим. Однако Боря Меламед совсем не такой. Действительно, обычный русский парень, немного провинциальный. Ну так ведь он и жил в провинции. Еврейского языка не знает, в синагогу не ходит, еврейской

культуры не знает, друзей-евреев не имеет. Отец — офицер Советской армии, мать — жена своего мужа, такая, какой была бабушка Артура, мать матери. Все привычки у Бориса русские и советские. И жить должен бы, как его русские друзья. Но не получалось, не давали, напоминали, что он не такой, как все. И это напоминание портило жизнь, отделяло этого человека от других, заставляло чувствовать себя неполноценным, не давало повернуть, куда хочется. Из-за этого Меламед уехал из родной страны. Не в Израиль, потому что не было у него душевного порыва к возвращению на „историческую родину“. Уехал в страну, которая приглашала к себе евреев. В Германию!

Как еврей может добровольно переселиться в Германию, Артур не понимал. Неужели не останавливает тот факт, что по дороге из России в Германию нужно проехать или пролететь над Освенцимом. Неужели евреи забыли то, что немцы сделали с ними всего пятьдесят лет назад?! Конечно, немцы уже не те, и жизнь не та, и мы — цивилизованные люди, но «все же, все же, все же», как писал Твардовский. Наверняка вспо-

минали войну и Холокост, когда решали, ехать ли в Германию. Но, видно, не смогли эти исторические страхи перебороть воспитанный собственной жизнью страх, что в любой момент в России на тебя покажут пальцем и скажут: «Тебе, еврею, сюда нельзя! Тебе надо туда!»

Артур первый раз в жизни близко столкнулся с еврейской темой. Раньше был только треп. Рассказывали ребята еврейские анекдоты, были какие-то высказывания знакомых, что называется, „pro et contra“, но все это было далеко, прямо ни Артура, ни его родных или друзей не касалось, и он старался не участвовать в разговорах на национальную тему, не любил болтовни про «сионистов-евреев», про «жадных французов» и про «тупых узбеков».

Была еще семейная история, которую иногда рассказывала мама. Бабушка, мамина мама, страдала от сильной головной боли. Диагноз в Кремлевской больнице поставить не смогли. Дед Коля, отец матери, привел домой терапевта профессора Когана из Мединститута. Коган осматривал бабушку в спальне целый час, дед сидел рядом, а ма-

ма, которой было тогда 12 лет, стояла у двери спальни и очень волновалась. Коган закончил осмотр, написал рецепты и разложил их на две стопки: эти можно купить в любой аптеке, а за этими нужно съездить в аптеку Четвертого управления, то есть в аптеку Кремлевской больницы. Дед Коля подошел и, опершись двумя руками о ночной столик, рассматривал рецепты, прикидывая, как поскорее получить лекарства, за какими можно послать домработницу или шофера, а за какими лучше самому съездить, потому что рецепты нужно переписать на бланки Четвертого управления. Коган встал со стула, но дед Коля не оторвался от рецептов, так и стоял, согнувшись. Тогда, чуть помедлив, Коган вышел за дверь и отправился мыть руки.

В то время раскрыли заговор «врачей-убийц», «отравителей в белых халатах». Многие «виновные» врачи были евреями. Бабушка сказала деду, когда врач вышел: «Мне этот Шапиро навывисывал лекарств, но я принимать не буду — отравит еще!» Тут в спальню вернулся за своим саквояжем Коган. Он взял саквояж, повернулся и молча пошел

в прихожую, где его уже ждала домработница — проводить. У деда лицо сделалось малиновым, он посмотрел на бабушку убийственным взглядом и вышел вслед за врачом. Мама слышала, как дед сказал врачу: «Вы ее простите, Израиль Соломонович!»

Артур вышел из фотоателье расстроенный. На полученных им собственных фотографиях был изображен толстяк, похожий на всех толстяков, с тоненькими усиками, с маленькой бородкой под подбородком и испуганным выражением лица.

Каждый раз Артур огорчился, когда видел свои новые фотографии. Потом привыкал, смирялся, а потом новый удар, как сейчас. Он уже согласился с тем, что он «полноватый парень», потом — «рыхлый молодой мужчина», но к тому, что он — толстяк, требовалось притерпеться.

А как удержать форму? Полгода как сбежал из дома и теперь сидит в этом курортном городке, ничего не делает. Редкие пробежки вдоль моря, бассейн иногда, тренажерный зал тоже изредка.

Ведь сначала все шло хорошо. Первый месяц пребывания за границей прошел очень весело, никаких мыслей о бессмысленности собственного существования в этот месяц у Артура не возникало, и жир не накапливался, и все вокруг было интересно. А теперь Европа надоела, хотелось домой.

ДЕТЕКТИВ

Артур Иванович Калмыковзнакомился с результатами расследования покушения на убийство, в результате которого он сам, генерал Калмыков, был дважды ранен. Артур Иванович выздоровел и вернулся на работу. А его водитель был ранен тяжело и стал инвалидом, водителем больше работать не мог. Больше никто не пострадал. Отсутствие других пострадавших — счастливая случайность, потому что покушение произошло в центре Москвы и стреляли из автоматического оружия. Преступление

было полностью раскрыто: исполнитель, киллер, был задержан на месте охранником Калмыкова, заказчики и посредники были определены и задержаны благодаря следственным действиям, произведенным группой подполковника Валентина Бубнова. Поэтому руководители управления оформили итоговый документ, как презентацию, хоть и закрытую, предназначенную для определенного круга лиц. В документе последовательно и популярно излагалась история раскрытия преступления. Вот этот документ, снабженный пояснениями, чтобы легче было читать.

Взаимозачеты происходили между предприятиями, никак не связанными общей работой. К тому же, во многих случаях предприятия располагались за тысячи километров одно от другого. На предприятии-налогоплательщике никогда ранее не слышали о предприятии с бюджетным финансированием и наоборот. За исключением тех случаев, когда государственные предприятия ещё при Советском Союзе добивались вы-

дающихся результатов, и о них сообщали по телевидению.

Понятно, что для проведения взаимозачета, для создания пары, нужен был посредник. Без посредника участники зачетной схемы не смогли бы найти друг друга. Кусок для посредника был лакомый, так как посредник забирал себе разницу между тем, что платило частное предприятие, и тем, на что соглашалось государственное. Деньги были огромные, многие миллионы долларов. Заплатив деньги, частное предприятие избавлялось от налоговой задолженности, от неприятностей с налоговиками, от пени и штрафов. Получив деньги, бюджетное предприятие выплачивало зарплату и отдавало первоочередные долги. Посредники обналичивали свои комиссионные и клали деньги в карман.

Калмыков по поручению правительства контролировал проведение зачетов, добивался максимального соответствия процесса принятым правилам, то есть отвечал за то, чтобы жульничество при проведении взаимозачетов не превышало установленный уровень жульничества. От Артура Ивановича зависели деньги.

Поэтому следователь сразу предположил, что причиной покушения была профессиональная деятельность Калмыкова. Других возможных причин выявить не удалось. Служба на предшествующих должностях, семья, окружение не давали повода искать другие версии.

Небывалая удача — поимка киллера на месте преступления, как ни странно, не дала следствию почти ничего. Тридцатипятилетний Борис Тихонович Кувезенков охотно сотрудничал со следствием, старался ответить на все вопросы, но полезного мало мог сообщить.

Борис Кувезенков окончил 8 классов в поселке городского типа, до армии работал в гараже, числился автослесарем, но в дело не вникал, ждал призыва в армию. В армии служил в стройбате. Об армейской службе рассказывал охотно. Но все рассказы были о том, как они били «чурок». При изложении подробностей оказывалось, что как раз «чурки» ему навалили. Последняя драка закончилась госпиталем. В госпитале последствия побоев залечили, но выявили сложное комплексное заболевание внутренних органов.

Для уточнения диагноза направили в Главный военный госпиталь в Москву. Потом демобилизовали досрочно. Стал работать в поселке электриком. Но каким электриком... Ему бригадир говорит: «Поди, Боря, посмотри, там автомат выбило». Кувезенков полчаса ходит, все ждут. Вернется. «Ну, что?» — «Выбило», — отвечает. «А что ж ты не включил?» — «Так ты же не сказал!» Оформил инвалидность. Хоть группа инвалидности была «рабочая», но с работы уволился. Всем говорил, что никто не хочет держать инвалида, потому что здоровых безработных полно.

Два раза был женат. Первый раз женился до ухода в армию. Сыну было 16 лет. Где живут сын и бывшая жена не знал. Про вторую жену и второго сына десяти лет сказал, что живут в Москве или в Подмосковье, но адрес указать не смог.

Жил у матери на свою инвалидную пенсию, пенсию матери и ежемесячную материальную помощь старшей сестры. Большой нужды не было, денег на его потребности хватало. Того, что живет на содержании двух родных женщин, стеснялся. Постоянно ис-

кал приработок. Но, когда находил, всегда от работы отказывался, говорил, что здоровье не позволяет. Хотя внешне производил впечатление здорового человека. Практически не пил. Пьяниц презирал. Мечтал о таком деле, чтобы сразу было много денег. Он бы тогда сестру озолотил, а матери поставил бы мраморный памятник, когда помрет.

В день покушения к нему на мотоцикле приехал человек. Сказал, что приехал от сестры. Сестра рассказала про него, что он хочет заработать, но работы подходящей нет. Как раз такой человек ему нужен. Но сначала нужно его проверить. Поехали на мотоцикле к лесу, протащили мотоцикл через кювет, вышли на опушку, потом на полянку, там мотоциклист стал объяснять, что надо делать. Спрыгнуть с мотоцикла назад у Кувезенкова получилось, из мешка автомат достать — не очень получилось, запутался. Потом «мотоциклист» велел дать две очереди. Сказал, что больше нельзя, а то «могут прибежать». Отметил, что Кувезенков совсем стрелять не умеет. На что Кувезенков объяснил, что он в стройбате служил, с оружием мало имел дело. Но «мотоциклист» ска-

зал, что это ничего. Кувезенков предупредил, что в человека стрелять не станет. «Мотоциклист» сказал, что стрелять надо будет по машине. Машина бронированная и стекла бронированные, все пули отскочат. Стрелять надо под углом, сверху вниз, чтобы пули отскочили в асфальт. В машине сидит Калмык. Он всю Москву снабжает наркотиками и паленой водкой, чтобы все спились и передохли. А закона против Калмыка подобрать никакого не могут, у него все судьи и прокуроры куплены. Если его сегодня не остановить, он завтра начнет новую партию наркотиков продавать. Вот правительство и решило попугать этого бандита. Потом его посадят на самолет и отправят в Америку, к его хозяевам, уже билет ему купили и предупредили летчиков. Сестру твою спросили, нет ли у нее надежного парня для такой работы. Она тебя назвала как верного человека, которому деньги нужны, а работы по душе нет. «Мотоциклист» сказал, что за эту работу, если удастся Калмыка напугать, ему заплатят десять тысяч долларов или рублями по курсу. «Мотоциклист» дал Кувезенкову тысячу долларов и сказал, что это аванс в долларах,

потому что рубли класть сейчас некуда, слишком толстая пачка получается, а если Кувезенков захочет, то ему потом доллары на рубли обменяют. А эта тысяча вроде правительственной гарантии. Кувезенков сказал, что сразу ехать не может, надо матери сообщить. «Мотоциклист» не разрешил, сказал, что сестре все известно, она матери и скажет. «Да и что говорить, ведь ты вечером дома будешь». После этого «мотоциклист» дал Кувезенкову таблетку, чтобы руки не дрожали, и запить дал из бутылки с водой. На этикетке было написано «Только для спецотряда Правительства России. Особо чистая вода». Потом стали тренироваться, но уже без стрельбы: соскок с мотоцикла, подготовка оружия, прицеливание. Последний раз «мотоциклист» сказал, чтобы Кувезенков после «выстрела» опять сел на заднее сидение мотоцикла — тренировал «отход». «Хотя, я думаю, ты и без тренировки запрыгнешь, как наскипидаренный!» — пошутил «мотоциклист». Затем «мотоциклист» достал из рюкзака спальный мешок, еще бутылку воды и пакет, на котором тоже было написано, для кого предназначено содержимое: «Только

для спецотряда...», а далее стояло «Бутырброд». Кувезенков запомнил это слово, потому что «бутырброд» не так пишется. Кувезенков поел, опять принял таблетку и лег спать в спальнике на еловом лапнике. Под вечер «мотоциклист» разбудил Кувезенкова, дал воды, бутерброд и таблетку, потом велел самому засунуть автомат в чехол, замаскированный под рюкзачок, дал одежду «для работы», а свою велел закопать. Еще раз потренировались, уже в новом костюме. Потом вытащили мотоцикл на дорогу и поехали в Москву.

Описание подготовки киллера, похожее на анекдот, убедило следователя, что убийство не планировалось. Калмыкова хотели именно «попугать», чтобы он совершил какие-то действия или, наоборот, не совершал то, что запланировал.

На вопрос, как звали «мотоциклиста», Кувезенков ответил: «Ардальон Передонов, нерусский, наверно». «Мотоциклист» показал Кувезенкову удостоверение, в котором было написано «Представитель Правительства России по борьбе с наркотиками и незаконным алкоголем Ардальон Борисович Пере-

донов». Кувезенков, как ни странно, имя и должность запомнил.

Следователя удивило, что Кувезенков был грамотным человеком, имел хорошую память, не очень слабое здоровье, жил в 70 км от Москвы и при этом не достиг ничего. У него не было ни специальности, ни работы, ни семьи.

Участковый милиционер в поселке не считал Кувезенкова опасным человеком. Пьяницей он не был, не буянил, мать не обижал. Узнав, что Кувезенков замешан в тяжком преступлении, участковый задумался и сказал: «Вообще, может. Любил рассуждать о своих правах. А сам по дому ничего не делал, целый день телевизор смотрел. Еще раз в год проходил обследование в больнице. А, по-моему, на нем пахать можно, но медицине виднее».

Друзей в поселке у Кувезенкова не было. Бывшие одноклассники или уехали из поселка, или спились.

Искать «мотоциклиста» по имени долго не пришлось. Так звали героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес».

Сестра ничего не знала про «мотоциклиста». Наличие безработного брата от зна-

комых не скрывала, наоборот, рассказывала многим, надеялась, что пристроит брата на работу. Любила брата, заботилась о нем всю жизнь и до последнего периода ежемесячно помогала деньгами.

Нужно было тщательно исследовать окружение сестры Кувезенкова, но на этом направлении расследования скорого успеха нельзя было ожидать.

Предварительный анализ деятельности Калмыкова тоже не дал результатов. В конце 1997 и в начале 1998 годов механизм проведения взаимозачетов был уже отлажен, в частности, благодаря усилиям Калмыкова. Вначале он активно контролировал сделки и некоторые зачеты не разрешал проводить. Но в указанный период его вмешательства почти не требовалось. Калмыков знакомился с документами и визировал их без задержки. Обиженного участника зачетной схемы сразу найти не удалось.

Поймали киллера, такая удача. А дело раскрыть не удастся!

Следователь, узнав о записке Калмыкову с угрозой расправиться с сыном, которую прислали прямо в палату, сел изучать список

больных, находящихся в этой закрытой больнице. Ничего интересного для себя следователь не нашел. Тогда, на всякий случай, стал просматривать списки сотрудников. Обратил внимание, что в одном из отделений работают врачи исключительно из одного региона России. Следователь предположил, что кто-то из врачей мог сообщить землякам, что в больницу поступил генерал Калмыков с огнестрельным ранением.

Следующим шагом было изучение списка предприятий этого региона с большой задолженностью перед бюджетом. Таких предприятий нашли много. В регион выехал сотрудник с письмом, оповещающим руководителей предприятий, что «предъявитель сего имеет задание облегчить участие предприятий региона в проведении взаимозачетов». На словах сотрудник объяснял, что в Москве известно о больших трудностях периферийных предприятий, поэтому решено было им помочь.

На предприятии «Южный комбинат» командированного сотрудника встретили особенно радушно, даже сказали, что его сам Аллах к ним прислал. Предприятие три ме-

сяца уже, как подало документы, а зачет не прошел до сих пор, произвести зачет не разрешает Калмыков. Никаких объяснений они получить не могут, а сейчас, вообще, говорят, что Калмыков болеет. Сотрудник пообещал разобраться, в чем дело. Взял письмо от предприятия с просьбой сообщить о причинах задержки зачета, узнал имя посредника и вернулся в Москву. Посредником был Алексей Федорович из банка «Тишинский».

Следователь навел справки в канцелярии Калмыкова. Документы от предприятия «Южный комбинат» не поступали ни три месяца назад, ни позже. Калмыков, видимо, не имел отношения к деятельности «Южного комбината», в частности, к взаимозачетам с участием этого предприятия. В личной беседе Артур Иванович сообщил следователю, что и не знает о существовании такого предприятия. Похоже, ложную информацию о задержке проведения зачета по указанию Калмыкова сообщил посредник.

Алексея Федоровича не было ни в банке, ни дома, ни на даче: через три дня после покушения на Калмыкова он оформил отпуск за

два года и уехал с женой и дочкой отдыхать за рубеж. Вскрыли сейф в его кабинете — пусто, никаких документов, относящихся к проведению взаимозачетов, в сейфе не было.

Внимательно просмотрели почту банка «Тишинский» за месяц, предшествующий подаче, якобы, документов на проведение зачета, и за следующий месяц. Нашли две одинаковых телефонограммы: «К вам выехали представители». Это весь текст, не указано ни кто выехал, ни к кому, только номер телефона, с которого звонили, остался. По номеру телефона нашли отправителя телефонограмм. Обе телефонограммы были отправлены из канцелярии огромного оборонного завода в Туле.

Командированный в Тулу следователь выяснил следующее. Директор завода поручил своему заместителю готовиться к проведению зачета, а сам уехал в составе большой делегации в Индию. Заместитель этот много лет проработал в обкоме партии, был знаком с директором завода, и в 1992 году директор его «подобрал», взял на завод на должность «заместителя директора», надеясь на

его связи. За несколько лет работы заместитель директора никак себя не проявил, и директор собирался перевести его в помощники. Поручение провести зачет: найти партнера, оформить и подать документы в уполномоченный банк, — давало заместителю надежду остаться на своей должности, если, конечно, сумеет провести зачет.

Заместитель горячо взялся за дело, нашел Алексея Федоровича, переговорил с ним по телефону, потом поехал лично, о чем банк «Тишинский» был предупрежден телефонограммой: «К вам выехали представители». В ходе переговоров заместитель сходу согласился на предложенные 50%, не обратив внимания на то, что это было всего лишь первое предложение, сделанное для начала торга. О графике платежей заместитель также не сказал, потому что такого документа не было в перечне документов, необходимых для проведения зачета. Вопрос о платежеспособности партнера в переговорах не был затронут. Мысль о том, что такой зачет принесет 10%, огромные деньги, лично посреднику, подарит налоговое освобождение частному предприятию, а родному заводу,

возможно, вообще ничего не даст, не пришла заместителю в голову.

Обо всем договорившись с Алексеем Федоровичем, заместитель приказал заводским юристам готовить документы днем и ночью, чтобы успеть ко дню возвращения директора.

Действительно, вернувшись из Индии, директор одним из первых вызвал к себе заместителя с докладом о зачете. В Индии, выпивая с директорами других заводов, директор многое узнал про зачеты. Поэтому доклад заместителя его совсем не порадовал: тот договорился с посредником о том, что завод получит 50% от неизвестного предприятия, у которого, возможно, и денег-то нет. «Все получают 60%, а мы, почему меньше? — спросил директор. — Но, возможно, они и эти-то деньги платить не собираются!» На вопросы, когда отдадут деньги и почему только 50%, заместитель ответить не смог. Заместитель был очень доволен, что успел подготовить все в срок, и обиделся на директора за то, что его работа не была оценена, а замечания директора посчитал придирками, ведь не ошибается тот, кто ничего не делает.

Директор забраковал проведенную заместителем работу и велел срочно забрать документы. Заместитель выехал на черной «Волге» в Москву, а в банк «Тишинский» была передана вторая из обнаруженных следователем телефонограмм «К вам выехали представители».

Заместитель потребовал у Алексея Федоровича прекратить зачет, вернуть одни документы и подписать другие, отказные. Алексей Федорович пытался спорить. Он стал торговаться, повышать процент. Он даже обещал гарантию своего банка в обеспечение уплаты, хотя такой гарантии не смог бы дать, Раиса Хамзеевна не позволила бы. Дело в том, что Алексей Федорович очень испугался, ведь, сдав полный комплект документов в уполномоченный банк, он поторопился сообщить хозяевам «Южного комбината», что все в порядке, и уже получил от них половину вознаграждения за свою работу. Но заместитель не вникал в суть предложений, сделанных Алексеем Федоровичем. Он имел задание забрать документы и выполнял задание. После Алексея Федоровича заместитель поехал в уполномоченный

банк отказываться от сделки. Через месяц тульский завод провел взаимозачет с частным угольным предприятием из Кемеровской области. После того, как следователь все это узнал, возможные мотивы покушения на Калмыкова стали вырисовываться. Видимо, посредник побоялся сообщить на «Южный комбинат», что организованный им зачет сорвался, а сообщил, что зачет задержан Калмыковым.

Заказчиков преступления нужно было искать на «Южном комбинате». В Туле следователю больше нечего было делать, и он вернулся в Москву.

Следователь обратился в московское представительство региона, в котором располагался «Южный комбинат», и выяснил, что «Южный комбинат» арендовал квартиру в Москве, в районе Таганской площади. В одной комнате квартиры был оборудован офис, в другой жил представитель предприятия, выполняющий различные поручения по заданию хозяев комбината: вручал подарки и деньги московским чиновникам, принимал и отправлял почту, отправлял деньги, которые предприятие обналичивало в московс-

ких конторах, и прочее подобное. В третьей комнате приезжающие с завода могли переночевать.

Следователь со спецгруппой нагрянул в эту квартиру. Представитель комбината Шемаханов оказался на месте и сам открыл дверь. Узнав, что проводятся следственные действия по делу о покушении на генерала Калмыкова, представитель сильно побледнел и сказал: «Знаю, что это — очень плохой человек, взяточник. Но я его никогда не видел». После допроса представителя «Южного комбината» выяснилась последовательность событий, приведших к покушению.

Прошло два месяца со дня подачи документов, а «Южный комбинат» все ждал и надеялся, что зачет пройдет. Алексей Федорович на очередной звонок с «Южного комбината» ответил, что документы задержаны уполномоченным правительства генералом Калмыковым. Причину задержки он, якобы, узнать не смог, потому что информацию дают только участникам зачета, а не посредникам.

До этого времени хозяева комбината не привлекали Шемаханова к работе по взаимо-

зачетам, а теперь он получил задание узнать, почему Калмыков задерживает зачет и «прощупать вопрос», сколько ему нужно дать, чтобы двинуть дело. Однако на прием к Калмыкову записывали только тех, чьи документы находились на рассмотрении. Шемаханов представил копию расписки о сдаче документов в уполномоченный банк, как доказательство того, что документы давно сданы и, значит, находятся у Калмыкова. Но и с такой распиской Шемаханова к Калмыкову не допустили, потому что документов «Южного комбината» в ведомстве Калмыкова не было. Шемаханов кричал в приемной, но ничего не добился и ушел. Скандал в приемной вышел за дипломатические рамки. Шемаханов высказал предположение, что в канцелярии сидят одни проститутки, а в кабинетах — взяточники, поэтому честному налогоплательщику правды не добиться. Работники канцелярии ответили тем, что предложили Шемаханову приходиться с переводчиком, раз сам он простых русских слов не понимает.

Шемаханов был оскорблен, в душе клокотала обида. Он взял бутылку коньяка, кор-

зинку фруктов и пошел к своему партнеру и другу, директору частного охранного предприятия Мондровскому. Шемаханов и раньше обращался к нему с разнообразными просьбами: обеспечить охрану при перевозке денег на «Южный комбинат», охранять руководителей комбината и представительство при посещении столицы, собрать информацию о каком-либо человеке, напомнить чиновнику, что он деньги взял, а обещаний своих не выполнил. Так что особой новизны в просьбе попугать очередного чиновника не было, и Мондровский взялся за работу. Тем более что Шемаханов в своем рассказе исказил реальную картину. Он сообщил директору ЧОПа, что Калмыков — прожженный взяточник. «А со мной даже говорить не стал! Он нас не уважает, народ наш не уважает, дружбу народов не уважает! Его пугнуть, как следует, он все подпишет, и даже денег не попросит!»

Получив показания Шемаханова, следовательно направил группу за директором ЧОПа. Задержали его дома, прятаться он не собирався, не ожидал, что его могут привлечь к ответственности. Мондровский был уве-

рен, что на Шемаханова следователям выйти невозможно, ничто на Шемаханова не указывало. Киллер должен был умереть, а непосредственный организатор — надежно спрятаться, как делал уже несколько раз. Ни телефонного звонка, ни другого способа доложить о выполнении задания не предусматривалось. Деньги за «работу» были отданы заранее, с этим человеком можно было работать с предоплатой. Никакой «ниточки» ни от заказчика, ни от исполнителя, как считал Мондровский, к нему протянуть нельзя было.

На допросе, после очной ставки с Шемахановым, Мондровский подтвердил, что Шемаханов просил его собрать сведения о Калмыкове, потому что этот чиновник-взяточник мешает их предприятию работать. Нужно было найти способ поговорить с Калмыковым вне работы, потому что попасть к нему на прием было невозможно. Но дальше сбора сведений дело не пошло. Того, что Шемаханов просил «попугать» Калмыкова, он не помнит.

На вопрос, знает ли он Бориса Кувезенкова, Мондровский ответил, что не знает. На

очной ставке с Мондровским Борис Кувезенков показал, что знает этого человека как директора ЧОПа, который не взял его на работу из-за инвалидности. Тогда Мондровский «вспомнил», что года два назад к нему приводила Кувезенкова сестра. Она просила взять брата на работу охранником жилого комплекса или стройки с графиком работы «две недели на работе — две недели дома», или что-нибудь в этом роде. Говорила, что он дисциплинированный парень, семьи у него нет, армию отслужил. Мондровскому запомнилось, что сестра старалась устроить брата заочно, хоть брат и ждал в приемной. Сестра говорила: «А что на него смотреть? Вот все документы». Мондровский отказался брать человека на работу заочно и пригласил Кувезенкова в кабинет, а сестру попросил подождать за дверью. Но сестра не ушла, сказала: «Ничего, я тут подожду». Кувезенков, как вошел, сразу сказал: «Я на инвалидности, мне нужны специально созданные условия труда». Мондровский молчал и смотрел на него. Кувезенков пояснил: «Мне тяжести нельзя поднимать», — потом добавил: «Я с чучмеками работать не буду!» Монд-

ровский сказал: «Тебе будет тяжело у нас работать». Потом дежуривший в приемной охранник доложил Мондровскому, что Кувезенков, когда ждал, спросил его: «А что у вас тут можно спереть?» А когда посетители, уходя, шли мимо охранника, он слышал, как сестра сказала Кувезенкову: «Какая ж ты скотина!»

На вопрос следователя, как же он забыл такого колоритного посетителя, Мондровский с улыбкой сказал: «Да, вот, забыл. А сейчас вспомнил во всех подробностях».

На вопрос следователя, подтверждает ли Кувезенков слова Мондровского, Кувезенков ответил: «Директор ЧОПа не так сказал, он сказал: „Тебе постоянно будет тяжело у нас работать. А вот случится разовая работа, сделал за день, получил деньги, и — домой, возьмешься?“ Я сказал, что с аккордной оплатой мы всегда согласны. А все остальное так, как он сказал. Только про „спереть“ я пошутил. Что в охранном предприятии возьмешь?»

Кувезенкова увели, и следователь продолжил допрос Мондровского. На вопрос, кого он заносил в папку «Одноразовые» в своем

рабочем компьютере, Мондровский ответил: «Он же вам сказал, кого. Кто для постоянной работы не подходит, а так, отвезти, например, документы, когда сотрудники все заняты...» На вопрос, были ли в этой папке сведения о Кувезенкове, Мондровский ответил отрицательно. «Сведения были, но вы их стерли за два дня до покушения на Калмыкова, это определили наши специалисты», — сказал следователь. «Какого покушения! — закричал Мондровский. — Просматривал папки, не вспомнил, кто это такой, и стер! Только сейчас его вспомнил...»

Мондровский нервничал, и следователь решил, что можно рискнуть. Он задал вопрос: «Знаете ли вы Ардальона Борисовича Передонова?» Мондровский явно разволновался. «Мотоциклист» хвастался перед ним шикарным «документом для лохов». Мондровский тогда сказал ему, что имечко надо бы попроще, а тот ответил, что к большим людям с заковыристыми именами больше уважения. Следователю Мондровский ответил: «Такого человека не знаю». Следователь сообщил Мондровскому, что ему предстоит еще одна очная ставка, и потянулся к теле-

фону, как будто для того, чтобы вызвать «мотоциклиста» на очную ставку. Но телефон сам зазвонил. Следователь почтительно выслушал говорившего и сказал: «Все, заканчиваю, сейчас буду!» Затем сказал Мондровскому, складывая документы: «Мы сейчас прервемся, продолжим завтра. Придет мой помощник — подпишите свои показания. Хочу вам сказать, что вы мешаете вести следствие. А раз так, то и мне нечего вас выгораживать. Шемаханов вас не просил стрелять, только поручил собрать информацию о генерале Калмыкове. Значит, вы совершили покушение по собственной инициативе. Мотивы преступления поищем. Ну, например, ненависть к взяточникам, а Калмыкова вам охарактеризовали, как крупного взяточника. Вы узнали, каким маршрутом он ездит, на какой машине, и захотелось вам его застрелить, побороться с коррупцией. „Мотоциклиста Передонова“ не знаете, значит, он приснился этому дурачку Кувезенкову. А нам, что Ардальон Передонов, что майор Пронин, все едино. Это — имена литературных персонажей. Кого вы Кувезенкову сказали назвать, того он и назвал. Искать такого

человека глупо, Передонов реально не существует. А, на самом деле, вы сами все организовали. Вы — инициатор, вы — и организатор».

Пришел помощник, и следователь спешно удалился. Мондровский провел в камере бессонную ночь. Хоть он и догадался, что «мотоциклист» не найден, следователь блефует, но, тем не менее, решил кое в чем признаться.

На следующем допросе Мондровский сообщил имя «мотоциклиста» и сознался, что это он предложил ему Кувезенкова в качестве помощника. Мондровский сознался также, что от Шемаханова получил заказ стрелять в машину Калмыкова, чтобы его испугать, чтобы он без взятки подписал документы.

Стали искать Алексея Федоровича и «мотоциклиста». Искали преступников, которых следует наказать, никаких полезных сведений они дать уже не могли, все было ясно.

Мондровский и Кувезенков скучали в своих камерах без допросов. Шемаханова допрашивали по два раза в день.

На вопрос следователя, кто сообщил ему, в какой больнице лежит раненый генерал,

и кто передал Калмыкову в больницу письмо с угрозой убить сына, Шемаханов ответил, что ничего об этом не знает. Тогда следователь пригрозил ему, что начнут допрашивать врачей. Привезут в больницу Шемаханова, займут кабинет и начнут в этот кабинет приглашать по одному врачей-земляков. Найдут и трепача, и «почтальона». После этого отделение будет опозорено, и его, скорей всего, разгонят.

Шемаханов начал торговаться. Договорились, что Шемаханов сообщает фамилию человека, который сказал ему про Калмыкова и передал письмо, а следственные действия в больнице проводиться не будут. Этому человеку предложат уволиться из больницы «по собственному желанию». Когда об этом договорились, следователь спросил: «А зачем вы Калмыкову смертью сына угрожали?» Шемаханов ответил: «Это я ошибся, честно признаю. Сердце горело, не мог терпеть! Хотел, чтобы Калмыков этот тоже мучился. Я больше трогать никого не собирался, клянусь!»

На вопрос следователя, кто поручил оказать силовое воздействие на уполномочен-

ного правительства Калмыкова, Шемаханов твердо отвечал: «Никто! Он меня лично оскорбил! Это взяточник и негодяй!» Формулировка «оказать силовое воздействие» была найдена в результате спора. Шемаханов не соглашался на глагол «убить», а следователь не признавал глагола «испугать». «Что ж вы, за свои деньги это сделали?» — спрашивал следователь. «Зачем за свои? Из сейфа взял!» — отвечал Шемаханов. «А отчитались бы как за эти деньги?» «Сказал бы, дал Калмыкову, чтобы зачет подписал. Хозяева знают: не подмажешь, не поедешь! Хозяевам все равно, испугался он или деньги взял, лишь бы дело было сделано». — «И вам бы поверили?» — «У нас людям верят! Это в Москве не верят! Расписку даешь, все равно не верят!» И так много раз. С этой позиции сдвинуть Шемаханова не удалось, чтобы найти настоящих заказчиков покушения, нужно было еще работать или согласиться с тем, что преступление совершено по заказу Шемаханова.

На одном из последних допросов следователь сказал Шемаханову: «Вы все время ведете себя так, как будто генерал Калмыков виноват перед вами и перед „Южным комби-

натом». Хоть вы и преступили закон, и формально виноваты, но по сути считаете, что Калмыков заслуживает наказания, как бесчестный человек». — «Да, правильно понимаете», — ответил Шемаханов. «Откуда вы знаете, что Калмыков задержал зачет?» — спросил следователь. «Хозяева так сказали. Им верный человек сообщил!» — «Ваш «верный человек» — мошенник. Он себе большой процент комиссионных заложил, поэтому другая сторона отказалась от зачета, слишком мало им оставалось», — упрощенно объяснил ситуацию следователь. «Не верю этому!» — сказал Шемаханов. «Вот документы, — стал объяснять следователь. — Это — акт сверки между „Южным комбинатом“ и тульским заводом, вашим первоначальным партнером. Вот — просьба аннулировать акт сверки, поданная через два дня после сдачи документов в уполномоченный банк. Вот — новый акт сверки между тульским заводом и кемеровским предприятием, составленный через месяц. Этот зачет прошел. И Калмыков документы завизировал». Шемаханов смотрел на документы, ничего не понимая. Следователь подождал и сказал: «Я вам дам в камеру

копии документов. Можете до завтра их изучать».

На следующий допрос Шемаханов пришел небритый, осунувшийся, что называется, потерянный. На вопрос следователя, изучил ли он документы, Шемаханов с сильным кавказским акцентом, которого раньше не чувствовалось, и на «ты» попросил: «Еще раз расскажи!» Следователь снова воспроизвел восстановленную им цепь событий и добавил: «Калмыков не задерживал вашего зачета. Он вообще не знал о вашем предприятии. Вам отказали в приеме, потому что нечего было обсуждать, документов ваших у Калмыкова не было!» — «Ах-ах-ах! Скажи только, где этот подлец?!» — Шемаханов спрашивал о посреднике, которого собирался разорвать собственными руками. Следователь ответил, что Алексей Федорович скрылся за границей, и его ищут.

В дальнейшем Шемаханов мог понадобиться следователю только в том случае, если бы высшее начальство не удовлетворилось им как заказчиком преступления и потребовало искать настоящих заказчиков среди хозяев комбината.

Если заказчиками преступления были руководители Шемаханова, то нужно было срочно выводить из-под возможного удара Калмыкова и его семью. На «Южный комбинат» от имени уполномоченного банка направили письмо, в котором сообщалось следующее. В результате проведенной проверки выяснилось, что документы на проведение зачета были сданы в уполномоченный банк такого-то числа, затем отозваны по просьбе тульского завода такого-то числа, поэтому в ведомство Калмыкова документы не направлялись. О факте отзыва документов «Южному комбинату» обязан был сообщить посредник, поставивший свою подпись на документах о прекращении зачета на основании доверенности, выданной директором «Южного комбината». К письму были приложены ксерокопии документов, подписанных Алексеем Федоровичем. О покушении и об уголовном деле в письме не было ни слова.

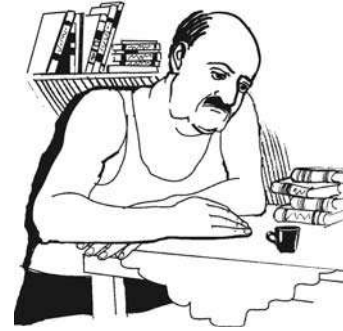
Артур Иванович отложил документ и задумался. «Третий раз сталкиваюсь с этим Алексеем Федоровичем. Первый раз он Ар-

туру помог с обналичкой и пытался через него на Юрия Иннокентьевича выйти. Второй раз приезжал тоже к Артуру, хотел уже со мной контакт наладить, как сейчас говорят, получить инсайдерскую информацию о зачетах. А третий раз просто напакостил, схватил деньги и смотался. Что б ему было сказать этим деятелям с „Южного комбината“, что зачет сорвался! Ведь не по его вине. Ну, вернул бы свой куш, что это у него, последние деньги, что ли? Скорей всего, найдут, засранца, правда, предъявить ему особенно нечего... Кто же все-таки меня „заказал“? Был бы серьезный заказчик, разузнал бы все заранее, не удовлетворился бы словами Алексея Федоровича. Возможно, действительно, все затеял этот московский абрек Шемаханов. И попал на двух идейных борцов с коррупцией Мондровского и „мотоциклиста“. Но как киллеру-то повезло: живой остался! Такому Кувезенкову все равно, где жить, дома у матери или в лагере. Работать не будет, инвалид ведь. Конечно питание не то, да еще блатные жить спокойно не дадут. Нет, не все равно, даже Кувезенкову дома лучше. Слава Богу, никого не убили!

Федора на работу я устрою, чтобы был доволен. Да ему и по возрасту пора уже из водителей уходить... Как же никого из прохожих не задело-то! Какие же мерзавцы! Взяточников взялись отстреливать! Шофера ранили, случайных людей могли ранить или убить, да и взяточника-то не того им показали...»

Следователь решил, что нужно подождать еще месяц — полтора. Если никаких опасных тенденций не обнаружится, то сыну Калмыкова можно спокойно возвращаться.

— Ну, как ты там? Не устал отдыхать? — Артур услышал в трубке голос отца. — Буквы русские не забыл? Значит, все хорошо. Твоя эмиграция окончена, можешь возвращаться!

ПЕТР СЕРАФИМОВИЧ РЯЗАНЦЕВ

Петр Серафимович Рязанцев проснулся в своей постели. Жена Галина Петровна лежала рядышком на спине, раскинувшись, руки-ноги в стороны, «распроставшись», как она сама называла такую позу, и слегка похрапывала. Петр Серафимович любил, когда жена так похрапывает: было ясно, что она спит. Тогда можно потихоньку вылезти из постели и уйти из спальни, «отползти», как они это называли. Или зажечь свет и почитать, если встать не хотелось. Если жена храпела громко, то Петр Серафимович обнимал ее и шептал в ухо: «Не надо так делать... На бочок, на бочок...» Жена обычно слушалась, поворачивалась на бок и некоторое время спала беззвучно. Но если жены не было слышно, в этом была неопределенность: то ли спит, то ли не спит. Если не спит, дремлет, а он вздумает отползти, жена обязательно пробормочет: «Я сей-

час тоже встаю, сколько время?..», а если он захочет почитать, то: «Зажигай, зажигай свет, я не сплю...» Этого Петр Серафимович не любил.

В это утро, не слишком раннее, жена спала крепко. Петр Серафимович потихонечку вылез из кровати, нащупал тапочки и ушел, бесшумно притворив дверь в спальню.

Найдя в темноте наощупь стаканчик со вставными зубами на полочке в ближайшем к спальне туалете, Петр Серафимович потихонечку прошел в дальний, по-современному — «гостевой» сортир, сунул зубные протезы в рот, после чего почувствовал себя вполне полноценным человеком. Без зубов Петр Серафимович сам себя стеснялся.

Минуту посомневавшись, Петр Серафимович решил попить кофе, не дожидаясь жены. Хотелось в одиночестве подумать, погасить беспокойство в душе.

Душевное спокойствие, именно отсутствие беспокойства, Петр Серафимович теперь более всего ценил в своей жизни. Большая часть жизни, прожитая им в XX веке, прошла как раз в постоянном беспокойстве. Постоянно было в душе такое чувство, что

надо бежать куда-то, торопиться, а то не успеешь, опоздаешь, потеряешь. XXI век принес умиротворение душе теперь уже шестидесятипятилетнего Петра Серафимовича. В немалой степени душевному спокойствию способствовали жизнь в окружении приятных ему людей и благополучные внешние обстоятельства. К числу таковых относились: любящая и любимая миловидная жена, хотя вторая, но, можно считать, единственная, потому что прожили вместе они уже более 35 лет, хорошие и устроенные дети, два сына, необременительная и любимая работа, соответствующее потребностям количество денег, хорошая квартира, приличная дача.

Петр Серафимович считал, что он стал совершенно другим, не таким человеком, каким был в молодые и зрелые годы. Осматривая мысленным взором свою жизнь, отдельные эпизоды ее, оценивая свои поступки, он часто недоумевал, удивлялся себе и своему прошлому. Как же он мог так поступить тогда?! О чем он думал, что заставило его когда-то сделать то, а не это, поступить так, а не этак. В этих своих размышлениях он заходил так далеко, что ему начинало ка-

заться, будто он всю жизнь вообще ничего не соображал, всегда, на любой жизненной «развилке», выбирал неправильный путь и действовал самым дурацким образом.

Поводом для такого самоуничижения, как правило, бывал какой-нибудь бытовой пустяк. Зазвонил телефон, Петр Серафимович вскинулся, захлопнул книгу, забыв положить закладку, схватил трубку, а там ошиблись номером. Пришлось потом искать потерянную страницу, и мысли побежали: «Вот, всегда я так...»

Увлечшись размышлениями о том, что в своей жизни он все делал не так, Петр Серафимович доходил до абсурда. Ему представлялось, что в профессии он ничего не достиг, что здоровье напрасно растратил, что денег настоящих не заработал, что зря развелся с первой женой (хорошо еще, что детей не было), и так далее, и тому подобное. В общем, все плохо, ложись и помирай... И такие-то мысли мучили Петра Серафимовича при очень неплохих жизненных итогах и очень приличном самочувствии. Нет, нет, не «приличном для своего возраста», а по-настоящему приличном, хорошем самочувствии,

когда ничего постоянно не болит, сон не нарушен, «на горшок» ходишь регулярно. А то, что очки приходится то снимать, то одевать и зубы нужно класть в стакан и тому подобное, старческое, так это, извините меня... Что сделаешь, если человеческие зубы на всю жизнь не рассчитаны! И голова у Петра Серафимовича работала хорошо, пожалуй, лучше, чем в молодости, потому что он меньше стал отвлекаться от главного, меньше витать в иллюзиях.

Можно считать, самоуничижительное течение мыслей и было главным признаком старости. Но признак этот проявлялся недолго, страдание это глупое заканчивалось, потому что выводы о полном крахе во всех областях ну никак не соответствовали действительности, упирались в твердую стену реальности. Поэтому грустные мысли, как стеклянный шарик, долетали до этой твердой стены и разбивались вдребезги. Именно разбивались, а не отскакивали, потому что мысли Петра Серафимовича шли назад, если можно так выразиться, не целиком, а осколками.

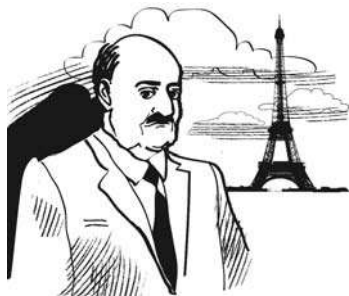
Жена, с которой Петр Серафимович состоял в недолгом первом браке, была такая

сказочная стерва, что нужно было не сожалеть о разводе, а радоваться, что живым от нее ушел и что ребеночка не завели (и не пришлось оставлять родного сына или дочку у нее в лапах). Первую беременность она прервала и ему ничего не сказала. Потом, когда он узнал, жена объяснила, что они молодые и им еще нужно «пожить для себя». Петра Серафимовича от этой формулировки корежило, но как-то свыкся постепенно, стал на позицию жены, может и правда... Зато второй раз он ее укараулил, не пускал на аборт. Тут уже ему самому досталось: и диоптрий у него в очках много, нечего инвалидов плодить, и зарплата у него маленькая, нечего нищету плодить, и далее в том же духе. Скандалили каждый день, он ее убеждал, а она, не дожидаясь, кто в споре победит, сбежала и через три дня явилась без обременения. Петр Серафимович был поражен ее низостью и коварством и тем, что ребенка их она убила, — за короткий период супружества его отношение к абортам изменилось от легкомысленного к трагическому. Теперь уже дело потихоньку пошло к разводу. Петр Серафимович интеллигентно

страдал, а жена его, оценив ситуацию, хладнокровно искала новый вариант. Когда нашла, тогда они и развелись.

А Петр Серафимович после развода сначала впал в тоску, чувствовал себя заброшенным, обманутым и несчастным. Потом наступил период ликования: «Какое счастье, что избавился!» Жизнь пошла дальше, и много лет Петр Серафимович не вспоминал про бывшую жену, точнее вспоминал по разным поводам, но не задумывался о ней. Теперь через десятки лет, когда стали Петра Серафимовича мучить фантазии по мотивам, так сказать, прожитой жизни, захотелось ему узнать, что стало с его бывшей женой. В интернете нашел единственное упоминание пятилетней давности, почему-то как ландшафтного дизайнера. Наверное, не она, какой она дизайнер! Раскрыл ссылку и увидел фотографию другой женщины и лужайку, ею оформленную. Подумал было, что ошибся, не жена, а тезка и однофамилица. Но вдруг вспомнил женщину на фотографии — закадычную подругу своей первой жены. Именно эта баба приложила немало усилий, чтобы их развести тогда, и, главное, чтобы

больше оттяпать при разводе. Вспомнил и ее имя-фамилию. Набрал в поисковике имя подруги жены, и «выскочила» та же лужайка с портретом его первой жены! Прежнее негодование, раздражение от постоянной лживости бывшей жены снова поднялось в душе — все у нее шиворот-навыворот! Хотя, скорей всего, фотографии перепутали случайно, этот пустяк помог, облегчил течение мыслей о первой жене, и Петр Серафимович перестал говорить знакомым, что, будь он более покладистым, не пришлось бы разводиться. Этот осколок разбившегося шарика растаял уже навсегда.

ПЛАТНОЕ ОБУЧЕНИЕ

И к профессиональной своей деятельности Петр Серафимович придирался напрасно. Наоборот, ему было, чем гордиться.

Петр Серафимович организовал один из первых факультетов управления и стал его первым деканом. Пробыть это начинание было очень трудно, но он пробил — факультет работал и выпускал несколько десятков молодых специалистов в год. Выпускники были нарасхват тоже благодаря трудам Петра Серафимовича: он и высокий уровень образования старался обеспечить, и ребят пытался пристроить на место, для чего широко привлекал успешных менеджеров к преподаванию, а они потом набирали новых сотрудников из знакомых уже студентов.

А далее Петр Серафимович решил сделать из своего факультета школу управления мирового уровня. И систему обучения стал вводить, как на Западе: двухступенчатая Болонская система бакалавр — магистр, запись на различные курсы, плата за обучение. При тех связях, которыми Петр Серафимович обзавелся, когда пробивал свои предшествующие начинания, он многого добился, ему многое разрешили.

И вот, факультет Петра Серафимовича стал одним из наиболее европеизированных

факультетов, число бесплатных мест для студентов стало меньше числа платных, и зарплата преподавателей тоже стала вполне европейской. Действия Петра Серафимовича сочли одним из проявлений проводимой министерством реформы, и его включили в различные комиссии по проведению реформы высшей школы, где он был деятельным и квалифицированным членом.

Петр Серафимович был счастлив, ведь он добился своего. Настал период наивысшего подъема, веры в себя и удовлетворения результатами своей работы. Петр Серафимович в это время пребывал в уверенности, что все сделал правильно.

Уверенность эта покачнулась после одного случая. Петр Серафимович подружился с симпатичным профессором из Сорбонны и решил набраться европейского опыта непосредственно от носителя этого опыта, попросту, несколько дней походить за парижским профессором, присутствовать на лекциях, коллоквиумах, семинарах, экзаменах, беседах со студентами и в аудиториях, и в коридорах, сопровождать его всюду. Француз согласился.

На одном из контрольных занятий французский профессор раздал десяти студентам задания, а потом предложил Петру Серафимович вместе отправиться пить кофе. Не будучи уверен в своем знании французского языка, Петр Серафимович стал уточнять, правильно ли он понял, что они оба уйдут, а студенты останутся, ведь задания, как он только что слышал, студенты получили одинаковые? Француз подтвердил. «Но ведь они будут списывать друг у друга!» — удивился Петр Серафимович. «Зачем же? — в свою очередь удивился француз. — Ведь они заплатили деньги за обучение, зачем же им самим себе вредить, терять деньги?!» Оба профессора вышли из кабинета, предупредив студентов, что вернутся через 30 минут. Не убежденный коллегой, Петр Серафимович оставил француза в вестибюле, выбежал на улицу и изловчился заглянуть в окно кабинета на первом этаже, который только что покинул. Он был убежден, что увидит студентов, собравшихся в кучку около знающего товарища, и списывающих у него правильный ответ. Нет! Он увидел, что вся десятка сидит по местам и работает. Наблю-

давший за ним с крыльца французский коллега удовлетворенно хихикал.

Этот эпизод запомнился французскому профессору как забавный случай, подтверждающий, что «русские видят опасность там, где ее нет». А русский профессор Петр Серафимович Рязанцев задумался над своим конфузом всерьез. И главная мысль, которая начала формироваться у Петра Серафимовича, состояла в том, что не все «ихнее», даже хорошее и проверенное годами, подходит для «нашей местности» и механически «списывать» у Европы систему высшего образования нельзя!

Вернувшись из Парижа домой, Петр Серафимович завел две общих тетради и стал в них заносить впечатления от ответов студентов на экзаменах и зачетах. В одну тетрадь он вписывал платных студентов, в другую — бесплатных, так называемых «бюджетников». Записи подтвердили то, что Петр Серафимович знал и раньше: бюджетники учатся лучше. Не то чтобы слабый бюджетник был лучше сильного платного студента, но, в статистическом смысле различие было несомненным: средний бюджетник был сильнее и учился добро-

совестнее, чем средний платный студент. И «философия» у студентов выработалась соответствующая. Никто из платных студентов не говорил: «Мои родители заплатили большие деньги, и я буду добросовестно учиться, чтобы оправдать их затраты». Такая позиция студента, заплатившего за обучение, была очевидна для французского профессора. Позиция нашего платного студента, скорее, была такая: «Я заплатил деньги, поэтому извольте поставить мне оплаченный „зачет“. Да и куда вы денетесь, неужто выгоните меня и потеряете платного студента-кормильца?» И эта разлагающая философия распространялась и захватывала студенчество. А «бесплатные» студенты завидовали и скулили: «Вон, платным ни за что ставят пятерки, а с нас три шкуры дерут, заставляют учиться, спрашивают по-настоящему, придираются. «Я ведь сэкономил родителям, поступив на „бюджет“, — говорили друг другу обиженные бесплатные студенты. — Так пусть они сейчас немного потратятся на экзамены, чтоб сын так сильно голову не напрягал».

И на экзамены к Петру Серафимовичу из года в год, от сессии к сессии приходило все

меньше студентов. Дошло до того, что в холодный январский день экзамен Петру Серафимовичу сдавали три студента из целой студенческой группы, хотя на консультацию за два дня до этого приходили двенадцать человек. А ведь Петр Серафимович, будучи деканом, двоек не ставил никогда, а пятерки ставил очень охотно, даже незаслуженные. Но за эту пятерку Петр Серафимович требовал, чтобы студент с ним побеседовал на тему, заданную экзаменационным билетом. От студента требовалось эмоциональное и умственное напряжение в течение двадцати — тридцати минут. На такое напряжение многие студенты не были способны. Они уже через пять минут уставали, теряли нить беседы, а через полчаса выматывались настолько, что буквально падали от усталости. Так ученик первого класса школы не выдерживает напряжения получасового урока. Чтобы не подвергать себя столь серьезным испытаниям, травмирующим юную психику, студенты совсем не шли на экзамен, а искали, кому бы дать взятку и получить положительную оценку, не только не имея знаний, но и не имея сил напряженно порабо-

тать полчаса. Поэтому в тот раз девять студентов, побывавших на консультации, приняли решение не сдавать экзамен, «не напрягаться», а пойти «другим путем».

Проведя исследование студенческой неработоспособности, Петр Серафимович перестал говорить о европейском образовании, а сел за разработку программы, которая, по его мнению, должна была поднять уровень подготовки специалистов в России. Программа получилась обширная, рассчитанная на несколько лет, и содержала множество взаимосвязанных пунктов и этапов, но суть ее состояла в том, что необходимо уменьшить количество студенческих мест в университетах страны и временно ликвидировать платное образование. В России образовалось так много университетов, что не хватает способной к обучению молодежи, чтобы их заполнить. Поэтому в вузах учат тех, кто не может учиться, не способен стать врачом, учителем, инженером, историком. Неспособную молодежь учат за деньги, вернее, в одних университетах пытаются учить, а в других и не пытаются, и через пять лет получают фиктивных специалистов с настоящими государст-

венными дипломами. Вот Петр Серафимович и попытался эту, уже вполне сложившуюся, практику поломать. Петр Серафимович в своей программе учел все и, самое главное, нашел, откуда брать деньги на внедрение программы в жизнь: уменьшение количества университетов дает такую экономию, которая позволяет учить студентов в оставшихся вузах бесплатно.

Переходя со своей программой из кабинета в кабинет, Петр Серафимович ни у кого не нашел поддержки. Ему объясняли, что, по его программе, ради туманного и отдаленного блага для всей страны (то есть, неизвестно для кого) требуется уже сейчас отнять у реальных людей реальные деньги, которые приносят студенты в кассу как плату за обучение, а также кладут в карманы преподавателей как плату за экзамены. И во всех кабинетах Петру Серафимовичу выражали недоумение от того, что его новая программа противоречит старой его программе, признанной и во многом реализованной, в частности, на его собственном факультете. Конечно, соглашались руководители, на практике получилось не совсем так, как планиро-

вал Петр Серафимович, но так всегда бывает в жизни... И никаких конкретных шагов по реализации своей новой программы Петр Серафимович сделать не смог.

Но Петр Серафимович все-таки добился своего, правда, тоже не совсем так, как планировал. В одном из последних кабинетов, из тех, после которых идти уже некуда, Петр Серафимович услышал:

— Ваши аргументы невозможно опровергнуть. Вы совершенно правы. Мне очень нравится ваша программа. Реализация программы, без сомнения, принесет пользу стране. Изложена программа просто и ясно. Чувствуется, что все в ней продумано, даже выстрадано. Я понимаю, что несколько лет вы добивались создания европейских университетов, а добились только «азиатских» взяток и теперь хотите исправить дело, реабилитироваться, так сказать. Несколько излишня горячность, с которой вы рассказываете о своей программе, объясняется, я думаю, тем, что вы уже не раз излагали свои идеи разным начальникам, а поддержки не получили. Ведь так? А знаете почему? Потому что никто не станет работать бесплатно, а тем

более себе в убыток. Никакими перспективными проектами, никакими соображениями о государственной пользе нельзя заставить начальника работать. Поговорка «не за страх, а за совесть» придумана для исполнителей, а не для начальников. Только страх или личная заинтересованность могут заставить начальника приложить усилия. А усилий для реализации вашей программы требуется очень много и работать придется много лет... Но, конечно, сначала начальник должен понять, чего от него хотят... Ни один руководитель не возьмется за непонятное дело. Предположим, вы сумеете объяснить суть дела. Далее, нужно объяснить начальнику, что ему за это будет? Брать с вас деньги невозможно. Во-первых, у вас нет столько денег, во-вторых, ваша программа и в перспективе вам лично денег не принесет, поэтому требовать с вас деньги бессовестно, что ли... Вы работаете, потому что это — дело вашей жизни. Но я тут причём?

Петр Серафимович с интересом слушал этого циника, восседающего под портретом президента. Рядом с его креслом в наполь-

ном штативе стоял флаг России, очень большой, хоть на демонстрацию с ним иди.

— Но за свою работу начальник получает большую зарплату, — сказал собеседнику Петр Серафимович.

— На нашу большую зарплату нельзя удовлетворить даже маленькие потребности большого человека, — с улыбкой ответил большой человек. — Зарплату начальник считает компенсацией за то, что он потратился, когда добивался своего места. Нет, кое в чем вы правы, есть идеалистические стимулы для работы: талант, чувство долга, совесть. Но эти стимулы побуждают работать незначительное меньшинство, и, в основном, тоже исполнителей, а не начальников. Большинство же руководящих работников не имеют, как и Евгений Онегин, «высокой страсти» «для звуков жизни не щадить». Поэтому работают хорошо только когда боятся или когда надеются много получить. А если уж заведется у начальника талант, если он, помимо своей воли, произведет что-нибудь великое, то жди неприятностей. Вот Николай Коперник не торопился обнародовать свое гениальное открытие. Талант талантом,

а должность важнее. Пусть пока Солнце вокруг Земли вращается, до пенсии гения, так сказать. А выйдя на пенсию, можно сообщить, что на самом деле, Земля вращается вокруг Солнца... Это я отвлекся, вернемся на... неподвижную Землю, на твердую почву, как говорится. Я хочу вам помочь, потому что программа ваша правильная и нужная. И сейчас я ищу, что за эту работу я могу получить, за что мне ввязываться в вашу борьбу? И вот я нашел, поэтому ваше дело в шляпе! А не нашел бы, сказал бы вам тоже самое, что другие. Так вот, пока я сижу на этом месте, надо мне стать доктором наук и профессором, а то потом неизвестно, как пойдет жизнь и карьера. А, давайте-ка, Петр Серафимович, совместными усилиями напишем докторскую диссертацию мне, и еще кое-кому, кто нам понадобится для дела. Потом мы профессорами станем...

— Аттестат профессора получить сложно, если человек не работает в науке, есть серьезные требования... — сказал Петр Серафимович.

— Не беспокойтесь, когда дойдет до дела, мы через Госдуму проведем положение

«о присуждении и присвоении», в котором эти требования ослабим. Получим «корочки», тогда опять ужесточим, — с улыбкой успокоил Петра Серафимовича государственный деятель.

Программа Петра Серафимовича была принята, благодаря чему бесплатное обучение в университетах России существует до сих пор. Петр Серафимович помог написать три докторских диссертации, двое из трех докторов наук быстро стали профессорами.

После успеха своего начинания, во многом перечеркнувшего его предыдущую деятельность... А впрочем, в диалектическом смысле, можно считать, что новая программа Петра Серафимовича стала продолжением его предыдущей программы, потому что обе программы были направлены на совершенствование высшего образования, а то что методы достижения этой цели могут быть различны, так ведь это — диалектика, как у Гегеля «отрицание отрицания», и Иосиф Бродский писал, что «жизнь качнётся вправо, качнувшись влево».

Так вот, после завершения этого этапа своей деятельности, Петр Серафимович из

деканов ушел. Это было непросто сделать, потому что на его место никто не претендовал. Потребовалось найти и уговорить преемника. И из активных преподавателей ушел, оставив себе полставки профессора — одна лекция и один семинар в неделю, еще дипломники и аспиранты. Тут было проще, «нагрузку» охотно разобрали другие преподаватели. Петр Серафимович решил, что активной деятельности с него хватит, и годá у него такие, что пора обдумать и обобщить все, что было, самому разобраться, а может быть и другим объяснить, написать... Ведь есть о чем писать.

«Писатель выполняет три задачи, — размышлял Петр Серафимович. — Ведет читателя через перипетии сюжета: бои, погони, свидания, расставания, браки, разводы и т. д. и т. п. Иначе говоря, увлекает человека событиями другой жизни, действительной, выдуманной или предполагаемой. Во-вторых, рассказывает читателю о незнакомых землях, о других временах, о тайнах других профессий или показывает обычные события с необычной стороны. Наконец, писатель, рассказывая читателю об этом, пере-

дает другому человеку свою систему ценностей, рассказывает, что, по его мнению, хорошо, что плохо, как следует поступать, а как не следует. Часть этих сентенций читатель неизбежно принимает и в неожиданных ситуациях знает как себя вести — ведет себя, как герой книги. И наоборот, человек не хочет уподобляться отрицательному персонажу. Тот, кто читал роман „Верноподданный“ Генриха Манна или знает про Иудушку Головлева, постесняется разводиться демагогиею, а женщина, которая помнит пьесу „Три сестры“ Чехова, не станет дома топтать ногами на близких и визжать, как Наталья».

Петр Серафимович не чувствовал себя в силах придумать историю о незнакомой сфере жизни, потому что боялся, что стыдно будет, если попадешь впросак, вставишь в текст какой-нибудь «стремительный домкрат». Может быть, написать повествование о жизни преподавателей, хорошо ему известной? Подобное повести «Кафедра» И. Грековой. Автор повести — женщина-профессор, даже псевдоним она себе взяла математический «Игрекова». Назвать свою повесть можно «Факультет», тут уж Петру Серафимовичу

все известно до тонкостей, тут уж он не ляпнет... Нет, перспектива вести своих выдуманных героев через перипетии придуманного сюжета не увлекала Петра Серафимовича. Потом ведь знакомые преподаватели начнут себя узнавать, обидеть кого-нибудь можно... А если просто записывать только свои рассуждения, выводы, оценки? Тоже нет, в этом случае получится настолько скучное произведение, что читать его сможет только сам автор, в душе которого от каждого абзаца самопроизвольно возникают яркие картины собственной жизни, пережитые им острые ощущения, которые он, неумелый писатель, не смог передать на бумаге... «Пожалуй, писать ничего не стоит...» — решил Петр Серафимович.

Подобным размышлениям о своем жизненном пути пожилой профессор Рязанцев посвящал часы. Такая возможность у Петра Серафимовича была, потому что нагрузка на работе у него значительно уменьшилась, заботиться о хлебе насущном ему не нужно было, жена за ним ухаживала и с уважением относилась к его переживаниям, а сыновья были взрослые, благополучные и никаких усилий от него не требовали.

Были еще внуки, милые дети... Но ведь любовь к внукам — это любовь без ответственности: рассказал сказку, поиграл, объяснил параграф в учебнике, ну сходили вместе в цирк, и можно сдавать детей отцу-матери, а самому идти домой, своими делами заниматься. Отвечают за внуков их родители. А дед вполне может относиться к внукам так, как относился к своим детям Иван Северьяныч у Лескова в «Очарованном страннике»: «Да ведь как их ласкать?.. по головке его рукой поведешь, погладишь и скажешь ему: „Ступай к матери“...» Увлечься внуками Петр Серафимович не старался.

И вот сидящего за столом на кухне ранним утром в трусах и в майке Петра Серафимовича вывел из задумчивости телефонный звонок. Плачущий голос сказал.

— Петя, милый, это — Астра Закурдаева. Сегодня ночью из-за меня умер Юрочка. Кристиночка спит. Я не знаю, что мне делать...

РАССКАЗ ВДОВЫ

Жена Петра Серафимовича Галина Петровна и Астра Павловна Закурдаева, вдова Юрия Иннокентьевича, прогуливались вдоль моря. Шли они по плотному, как будто утрамбованному, мокрому песку. «Летний» песочек на всю осень, зиму и весну бульдозеры сгребали в большой вал, разделявший легкие пляжные строения и море. Через каждые несколько сотен метров в песчаном валу устраивали проход, чтобы внесезонные отдыхающие могли пройти с набережной к морю. Теперь, с началом сезона, песок снова распределили по прибрежной полосе, превратив песчаный вал, похожий на детскую «крепость», в пляж.

Внучка Астры Павловны и внук Галины Петровны бегали босые по песку, забегали в нехолодное уже море и не смотрели на бабушек. Галина Петровна шла, спокойно слушала Астру Павловну и поглядывала на детей. Дети играли хорошо, вмешательства не тре-

бовалось. Астра же тараторила без умолку. «Юра, пока был жив, не разрешал жене много разговаривать, вот она теперь наверстывает», — подумала Галина Петровна. Такие колкости она допускала только «про себя», а вслух была с Астрой Павловной любезна и предупредительна. Галина Петровна полагала, что раз согласилась поехать с Астрой и ее невыносимо разбалованной внучкой, то две недели должна держаться, не бунтовать, не воспитывать ни Астру, ни Кристину. Хотя иногда у Галины Петровны «чесался язык», так хотелось сообщить Астре Павловне азы домашней педагогики, а рука тянулась к ремню, потому что выслушивать грубости маленькой девочки было унижительно. Ладно, две недели потерпит. Заодно и своего внука подержит у моря, раз сама поехала по просьбе мужа, чтобы отвлечь Астру от грустных мыслей.

Астра Павловна впервые со дня смерти Юрия Иннокентьевича чувствовала себя хорошо. Ее согревало теплое солнце, около нее была заботливая и внимательная подруга, ноги шлепали по ласковому морю, в котором ей было холодно еще купаться, особенно заходить в воду, но ноги мочить было очень

приятно. И то, что Кристиночка играла с мальчиком, не окликала ее каждую минуту: «Бабушка, бабушка...», позволило ей отвлечься, раскрепоститься, не думать о своей вине, о том, что жизнь кончена, почувствовать себя немного свободной... «Как же, однако, изматывает это непрерывное „бабушка, бабушка“», — впервые подумала бабушка. И Астра Павловна говорила, говорила...

— Тебе, наверное, кажется, что я очень балую Кристиночку. Я и сама это замечаю... Но я возьму себя в руки, пусть пройдет немного времени. Ты ведь знаешь, пяти месяцев еще нет, как скончался Юрий Иннокентьевич... Тот, кто балует детей, ленивый человек. Такой воспитатель не заботится о ребенке, о его будущем. Пока ребенок маленький, легче ему потакать во всем, ничего не требовать, ничему не учить, терпеть грубость и неблагодарность. А потом человечку тяжело придется во взрослой жизни.

«Ну, надо же! — внутренне возмутилась Галина Петровна. — Астра все так хорошо понимает, так здорово излагает, хоть записывай. Что ж она внучку свою распустила до последней степени?!»

Астра Павловна продолжала.

— Я своих дочерей достаточно строго воспитывала. И девочки получились хорошие. Я и приемную дочь сумела приручить. А ведь она мне досталась в тринадцатилетнем возрасте, а мне было двадцать три. Близкими людьми стали, до сих пор с ней дружим. Отношения у нас такие, скажем, какие бывают у молодой тетки и любимой племянницы. Вот и судите! Не такая уж я дура...

У Юрия Иннокентьевича, ты знаешь, первая жена утонула. Мастер спорта была по плаванию, а утонула. В море, недалеко от Туапсе. Он горевал очень. Но еще больше растерялся, ведь он знал только свою работу, был уже начальником и главным конструктором, и хотели его поставить директором другого предприятия. На том предприятии уже три года исполняющий обязанности руководил, но его, того человека, не утверждали, искали более подходящего. Вот Юрочке и предложили. Пошли согласования, беседы в ЦК, в министерстве, в райкоме партии. А тут такое горе. Он что-то резкое сказал в райкоме, и райком не поддержал, сказал,

что человек в таком состоянии не справится. Юра потом все равно директором стал. Через пять лет новая тематика открылась, помнишь, ПРО, ассиметричный вариант, Рейган, Горбачев, звездные войны. Юрий Иннокентьевич по этой тематике новый институт организовал, стал там директором и главным конструктором. Потом его сделали генеральным конструктором. Регалий было много: лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, доктор наук, профессор, генеральный конструктор, директор, другие еще титулы. Когда мы поженились, он был еще кандидатом наук, лауреатом Государственной премии.

Вся семья, конечно, Юрочкиными интересами жила, чтобы папе помочь, чтобы папа поработал, чтобы папа отдохнул. Девчонки учились хорошо: не дай Бог папу огорчить четверкой или замечанием в дневнике.

Я работу бросила. Первый год еще работала, а потом, как Танечка родилась, ушла в декретный отпуск и уже не возвращалась. Потом Люся родилась, а Тамара, старшая, приемная дочь, школу кончала. У всех в ее классе репетиторы были, у Тамары — нет,

папа не разрешал. Я сама с ней занималась.

А главное — за мужем ухаживала. У него всякие привычки были. Ничего особенного, но если не по его, то раздражался. Ну, там, щи, чтобы огневые. Две минуты постояли, уже ему кажется, что остыли, чай тоже. А яблоки, наоборот, из холодильника любил. Творог ел домашний, я делала из молока и кефира. Но стоит не уследить при готовке, он отодвинет, не станет есть, «вареный», говорит. Обижался. Костюмы любил новые, с иголки, а в магазин Юру не вытащишь, сама покупала костюмы, без него. И брюки чтобы только я гладила, он меня сам учил мужские брюки гладить. Уже домработница была. Он один раз увидел, что она его брюки гладит, расстроился. Два раза сам гладил, профессор мой ненаглядный.

В общем, ты понимаешь, хватало мне хлопот. Потом девчонки замуж повыходили. Старшие неплохо. Мужья приличные, заботливые. И нашу помощь ценили. А младшая Люся уже в новые времена такого балбеса нашла! Ничего не делает. Лежит на диване и телевизор смотрит или с компьютером

в «Косынку» играет. Тридцать лет, а уже обрюзгший какой-то. Кристиночка родилась, так он, папа молодой, по-моему, даже головы не повернул. Люся работает на двух работах, а он дома сидит, но чтобы ребенка забрал из детского сада, так нужно час объяснять, куда пойти, что сказать, куда отвести. Я его тормошу, а он отвечает: «Каждый человек должен свой путь в жизни найти!». И продолжает на диване лежать.

Очень меня это злило, что зять такой. И режим установился странный. Утром дочь отведет внуку в детский сад и уедет на работу. К вечеру я еду забирать из детского сада и везу к себе. Юрий Иннокентьевич внучке радовался, доволен бывал, когда придет с работы, а Кристиночка у нас. Сначала я каждый день по телефону договаривалась с зятем, согласовывали, кто заберет Кристиночку и куда повезет. А потом уж так стало, что я всегда забирала и к себе везла. Дочь вечером к нам заедет усталая, без ног после двух работ. Хоть поест по-человечески. Заберет Кристиночку и домой ее сонную везет, благо, недалеко. Зять редко подключался, все у него какие-то дела да встречи... Ни-

когда ничем не кончались эти дела и встречи...

«Значит, не все время зять ее на диване лежал, были у него и дела, и встречи, только безуспешные, к сожалению», — мысленно покритиковала Галина Петровна рассказчицу за несправедливое отношение к мужу дочери.

— Конечно, я мужу меньше внимания стала уделять, и уставала я, дополнительная нагрузка все-таки. — Астра Павловна не обращала внимания на реакцию подруги и несла свое. — Решила я такой порядок изменить. Поговорила с Юрой, пусть ребята к нам переедут, квартира большая, и нам веселее будет и, как я тогда надеялась, легче и полезней для будущего. Еще надеялась, что часть забот о Кристиночке вернется к ее родителям, я чуть освобожусь, а то все время было неудобно перед Юрой, что он слегка заброшенный...

Юра согласился, даже обрадовался. Дочери сказала, что временно нужно вместе пожить, а то слишком много дороги каждый день получается, ребенка мучаем, и мне тяжело. Тут еще музыкальная школа добавилась. Думала, дочка против будет, поэтому

я еще сказала зачем-то, что квартиру их можно сдавать, деньги дополнительные им будут... Это я лишнего приплела, никто квартиру сдавать не собирался. Лучше бы уж сдали... Да и вся затея была лишняя, вредная. Моя вина... А зятя особенно уговаривать не пришлось. Перенесли его с одного дивана на другой. Теперь он на нашем диване место в жизни стал искать.

Стали большой семьей жить. Сначала хорошо было, радостно, чувство полноты жизни появилось... Это я неточно выразилась, жизнь и так была полна... Скажем, появилась наполненность ежедневными мелочами, ведь маленький ребенок в квартире, и дочь тут, и зять. Юра даже помолодел, внучку возил в зоопарк в воскресенье. Меня не брал. Гордый такой, счастливый дедушка. Зять тоже стал в семейной жизни участвовать. То мусорное ведро сам без всякой просьбы вынесет, то в магазин предложит сходить. С Юрой разговоры у них завелись на разные темы. Я счастлива была, что так все хорошо устроила.

Потом, смотрю, Юрий Иннокентьевич поскучнел. На зятя стал как-то сбоку смотреть,

под углом, не прямо. Однажды мне говорит: «Знаешь, наверное, зять наш — очень плохой человек! Подойдет, спросит, как делать какое-нибудь дело. Я ему объясню, куда идти, что говорить, что не говорить. Он кивает, чуть ли ни записывает. А потом пойдет, и все сделает наоборот!» Я даже рассмеялась. «Что ты, — говорю, — Юрочка! Это он от бестолковости, он думает, что делает так, как ты его научил!»

Но тревога и дурное предчувствие после этого разговора остались. В общем, разладилось у них, у Юры с зятем. Юрий Иннокентьевич решил, что с таким дураком разговаривать бесполезно. Знаешь, как у Чехова: «Никто не убедит меня, что Чацкий, много разговаривающий с дураками и любящий дуру, умный человек». А зять решил, что ему намеренно неправильно советуют, чтобы выставить его никчемным малым. Замолчал, оцепинился, стал иногда уходить ночевать в старую квартиру, вроде как обижался...

А тут случилась история с машиной. Юра купил машину большую, раз семья увеличилась. А иномарку, что у нас была, мы решили зятю отдать. Машина почти новая, не ездила

совсем, стояла в гараже. Зять обрадовался. Сам повез на автосервис проверить состояние. А там сказали, что машина в порядке, но надо масло поменять, и еще какие-то пустяки сделать. Зять обиделся, расстроился. Пригнал машину на их старую квартиру, напился там. Два дня у нас не появлялся. Дочь поехала выяснить, в чем дело. Он плакал, жаловался, что его за человека не считают, подарили ему машину со старым маслом. Дочь стала его уговаривать, объяснять ему, что замена масла — это обычная операция, звонила его знакомым, чтобы подтвердили. Знакомые сначала думали, что их разыгрывают, а потом ему, как маленькому, рассказывали про уход за автомобилем.

Но зять не смягчился. «Машина со старым маслом, — жаловался он дочери, — только пример того, как ко мне относятся в твоей семье. Отец твой мне помочь ни в чем не хочет, только советы неправильные дает, мать все время подчеркивает, что я — никто, а отец твой настоящий мужчина». Это он про меня так говорил. Дочери моей тоже досталось за то, что не защищает его от нас, были и другие претензии.

Поехала уже я объясняться. Сначала уговаривала, а потом не сдержалась и все ему выложила, что о нем думаю. Еду домой после этого скандала, внутренне негодную, сожалею, что то не сказала да это не так сказала. Надо было еще сильнее его отхлестать, чтобы понял наконец, какое он ничтожество... Потом стала думать, как Юрию Иннокентьевичу сказать, и стоит ли говорить. А под конец думаю: «Господи! Что же это я делаю! Ведь я их разведу, Кристиночку без отца, да и без матери, оставлю!» Ничего я Юре не сказала. И правильно сделала. У него на работе был период сложный. Решил он из директоров института уходить, остаться только генеральным конструктором. Нашел себе преемника, толкового администратора. Проходило все это не гладко, ведь резал по живому.

Юра старел, семьдесят лет миновало. Наградили его орденом к юбилею. Он очень гордился. Как наденет парадный пиджак, а на нем и слева, и справа, и старые советские, и новые российские, и китайские. Я люблюсь. Он такой красивый, такой представительный. И моя доля была в его наградах.

А здоровье у Юры стало подводить. То одно, то другое. Поэтому и решил он из директоров уходить. Не любил лечиться, но лечился. Очень боялся, что на пенсию придется уйти по состоянию здоровья. Врачи ему помогали. В той больнице, где мы были прикреплены, аппаратура хорошая, лекарства самые лучшие. Ну, и я старалась, как могла. Он сказал в хорошую минуту, когда его сильно сердце прихватило, «скорую» вызывали, а потом отпустило: «Это ты меня на ниточке держишь, загнуться не даешь...»

Одним словом, моя поддержка ему, как никогда, была нужна в это время. А у нас ритм жизни установился такой, что я все время при Кристиночке. Дочка с зятем только собой занимаются. Отношения выясняют. То мирятся, тогда дочка уезжает на старую свою квартиру и звонит мне один раз в день, когда я Кристиночку уже уложу спать. То ссорятся, тогда дочка у нас ночует, а с зятем по телефону ругается и договаривается, кому на развод подавать. А на мне — детский сад, привести — увести, музыкальная школа, быт. Хорошо, домработница была. И перед Юрой все время себя виноватой

чувствовала, что забросила его, но ничего поделывать с собой не могла, все время о внучке думала. Перед ней тоже виновата, что без родителей ее оставила. Перед всеми виновата!

А Юра от меня отошел, «отстроился», как он сам когда-то это называл. Или «вывел за скобки», так он говорил про других людей, которые вместе живут, но общих интересов не имеют. Рассказывать мне про свою работу перестал. Дома стал себя вести по-другому. Сидит, к примеру, за столом, вдруг встанет и чаю себе нальет. Раньше у нас не так заведено было, раньше я ему все подавала. Он даже и не просил, а я угадывала. Ему это очень нравилось, что я его желания чувствую. А я счастлива была от этого.

Кристиночка очень ко мне привязалась. Каждые полминуты говорила: «Бабушка, бабушка...» И сказать, бывало, нечего, а она все окликает. Выйду я на минуточку на кухню, а она зовет. Юра ей скажет: «Нет твоей бабушки, улетела на Луну и никогда не вернется!» Кристиночка сразу плакать. Я вернусь, а она сквозь слезы говорит: «Дедушка пошутил».

Юра тогда, в январе, 27 числа, с утра не-
домогал, на работу не пошел, остался дома.
Днем поспал, а потом сидел хоккей смотрел
по телевизору до часу или до двух часов
ночи. Я искупала Кристиночку, сказку прочи-
тала, потом спросила ее, о чем сказка, это
Юра настаивал, чтобы я ее обязательно спра-
шивала, что она поняла. Потом свет погасила
и посидела около нее в темноте пять минут,
так Кристиночка всегда просила. Вышла из
ее комнаты, уже был одиннадцатый час.
На душе беспокойно. Я к Юре пошла. Он
в кресле сидит, хоккей смотрит. Подошла
к нему, по голове погладила: «Как ты себя чув-
ствуешь?» — говорю. «Что-то неважно...» —
отвечает. Я пошла, чай ему приготовила,
принесла в кабинет. Он говорит: «Спасибо,
иди спать». Я и пошла, ног под собой уже не
чувяла, и глаза слипались. Зашла к Кристи-
ночке, а она без одеяла лежит, раскрылась.
Я ее укрыла, пошла в спальню, легла, и как
провалилась. Проснулась, половина третьего
на часах. Юры рядом нет. Пошла в кабинет.
Он сидит в кресле бледный, весь в поту, и за
левый бок рукой держится. «Юрочка, гово-
рю, давай «скорую» вызовем!». — «Давай,

если через полчаса не отпустит, то вызовем.
Они меня в больницу, наверное, заберут...» —
говорит, а во рту как будто каша. «Нитрогли-
церин принял? Я тебе сейчас еще капель на-
капаю...» — говорю, а сама думаю, что, наведе-
ное, Кристиночка опять раскрылась. Он по-
чувствовал, что я о постороннем думаю, не
о нем. Серdito так сказал: «Ладно, иди, ни-
чего не нужно...» Я и пошла к Кристиночке.
Нет, она не раскрылась. А мне кажется, что,
стоит мне отойти, Кристиночка раскроет-
ся, наваждение какое-то. Я села около нее
и просидела минут десять. Спит спокойно,
не ворочается. Я вышла, пошла к Юре, а он
умер...

Вот так... Не уберегла я Юру, не удержала
я его, свой конец ниточки отпустила, засуе-
тилась, из-за пустяков главное прозевала...
Меня дочери утешают, говорят, что моей ви-
ны нет, но я-то знаю... С тех пор я как будто
помешалась. Кристиночку от себя боюсь от-
пустить, даже с матерью. Только ей и живу:
кормлю, пою, купаю, занимаюсь с ней, в дет-
ский сад и в музыкальную школу вожу...
Спать уложу и ношу по квартире, двери за-
крываю, свет выключаю, телевизор тише де-

лаю. Если люди есть дома, шикаю на них, чтобы шепотом говорили, чтобы не смеялись, не чихали, не кашляли, не беспокоили Кристиночку. Катались тут с ней на речном трамвайчике. На конечном пункте с кораблика на берег перебросили трап без перил, сходни. Матрос рядом со сходнями стоит, помогает людям сойти, а маленьких детей переносит. Здоровый такой парень, веселый. Все выстроились к нему в очередь. А я только и думаю, как бы самой Кристиночку на берег переправить, а то матрос уронит еще. Остановилась на сходнях, спиной к матросу повернулась, оттерла его от Кристиночки, и сама стала ее переводить. Была бы настоящая опасность, могли бы из-за моей глупости свалиться в воду все трое, и матрос, и я, и Кристиночка. Матрос даже выругался по-мальчишески: «Ну, вы, мамаша, блин, даете!» Стыдно вспоминать... Порчу ребенка... Кристиночка уже грубить мне начала, замахивается на меня... Я ее спрошу, а она отвечает: «Бу-бу-бу». Еще стала говорить мне: «Отстань!» Я ей что-нибудь объясняю, а она уши руками затыкает, я ей показываю, а она отворачивается. Несколько раз я уже из-за нее

плакала... Все понимаю, а сделать ничего не могу с собой...

Я знаю, что тебя Петя уговорил поехать сюда со мной. Но мне так с тобой хорошо, мне с тобой легче, Галя.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Артур шел в одних плавках и босой по плоскому мокрому песку, держа левой рукой сына Ванечку, а в правой руке нес сумку со своими шлепанцами, с сандаликами и рубашечкой сына. На ноги справа накатывался прибой, заливал ноги Артура, а Ванечка подпрыгивал каждый раз, чтобы пенный фронт волны не попал на ноги, подпрыгивал до прихода волны, а приземлялся уже в мутную воду с песком. Прыгал он уже минут десять, и ему не надоедало. Артур смотрел на ноги сынишки и думал

только о том, удастся Ванечке перепрыгнуть через волну, или волна накатит на его голые ножки.

Решили дойти до 118-го пляжа, попить там яблочного сока из зеленой бутылочки и вернуться назад. Не потому, что на этом пляже был самый вкусный сок, сок был такой же, как и в других недавно открывшихся пляжных кафе. Но пятилетний Ванечка просил пойти непременно на 118-й. Он уже умел считать до тысячи, любил, когда ему давали задачки на сложение, и, немножко подумав, складывал числа, даже «с переходом через десяток», например, $7 + 9$. Никто его специально не учил ни буквам, ни цифрам, но читать и считать он выучился в три года. Цифры и буквы завораживали Ванечку. Необъяснимое очарование для него состояло именно в том, что они шли пить сок на 118-й пляж.

Шли довольно быстро, ведь путь до 118-го был неблизкий. Народу вдоль берега прогуливалось немного: июнь в начале, сезон только открылся. Обогнали двух старушек, около которых вертелись дети, мальчик и девочка лет шести-семи. Когда обходили их

слева, со стороны берега, Артур услышал, что они говорят между собой по-русски. Артур оглянулся и узнал их — бабушки с внуками каждый день лежали на пляже недалеко от их места, и Артур поздоровался с соотечественницами. Он знал, что девочку зовут Кристина. Она на пляже каждую минуту окликала свою бабушку: «Бабушка, бабушка...» Лежащие рядом с ними супруги-итальянцы обратили внимание на это постоянно повторяющееся слово, и спросили бабушку, указывая на Кристину: «Scusa, Signora, che cosa vuol dire «babuscesa»?» Но бабушка Кристины не поняла вопроса, подумала, что иностранцы на своем языке хвалят ее внучку и, смущенно улыбаясь, стала говорить: «Grazie, grazie...». Артур сказал итальянцам: «Babuscesa» e la nonna». Итальянские супруги засмеялись, а Артур объяснил бабушке, в чем дело.

Артур с Ванечкой обогнали бабушек и снова пошли ближе к морю. Ванечка перестал прыгать и спокойно шел, о чем-то думая, за ручку с папой. А Артур тоже задумался, потому что никак не мог «ухватить» воспоминание, пронесшееся в мозгу. Ведь он уже видел

где-то Кристинину бабушку. Удалось, Артур «ухватил», вспомнил.

В конце января Артуру позвонил Игорь Петрович Аверин, бывший заместитель директора института по режиму. Аверин давно уволился из института, потому что ушел из «органов» по возрасту, и организовал предприятие, занимающееся сбором информации по заданию банков, страховых компаний, крупных корпораций. Заказов у предприятия Аверина было очень много, и Игорь Петрович, благодаря своим связям, добропорочности и сообразительности, всегда отлично выполнял работу. В некоторых случаях Игорь Петрович не только собирал информацию, но и помогал заказчику советом или личным звонком нужному человеку, конечно, если такая возможность была и, если он считал правильным помочь заказчику.

Артур, заместитель председателя правления банка «Росинвестпроект», уже не имеющий приставки «и. о.», изредка обращался к Аверину и получал квалифицированную помощь. Обычно Артур звонил Игорю Петровичу. А тут Игорь Петрович позвонил Ар-

туру сам и сказал: «Артур, умер Юрий Иннокентьевич. Похороны на Троекуровском кладбище завтра. Скажи Артуру Ивановичу, если он не знает...» Артур ответил, что отец в госпитале. «Тогда, не говори. Я, может, сам ему позвоню», — ответил Аверин.

На кладбище было очень холодно. Народу собралось много, Артур почти никого не знал. Поздоровался с Авериним, поблагодарил его за то, что сообщил о похоронах. Издалека увидел свою бывшую начальницу Евгению Сергеевну, она почти не изменилась за эти годы. Та тоже увидела Артура, но с первого взгляда не узнала, а, когда встретились глазами второй раз, Евгения Сергеевна кивнула издалека. Еще Артур с трудом узнал Володю Кучерова, начальника Светочки. Владимир Васильевич очень сильно постарел за несколько лет, стоял сгорбленный, бледный и смотрел неподвижно перед собой. С ним Артур даже не пытался здороваться, наверняка Кучеров Артура не помнил. Вот и все знакомые за пять лет работы в институте. Выступали главные конструкторы и генералы, выражали соболезнования жене Астре Павловне и дочерям. Эти жен-

щины стояли тихо и кивали головами, когда к ним подходили с соболезнованиями. Но вот стали прощаться, и жена вдруг кинулась на гроб и закричала истошным голосом: «Прости меня, Юрочка!..» Ее оттащили, две дочери держали ее под руки, а третья дочь схватила мать двумя ладонями за щеки, трясла ей голову и что-то говорила матери прямо в лицо, наверное, мать теряла сознание. Шапка с головы вдовы упала на пол. Шапку поднял профессор Рязанцев, бывший университетский декан Артура. Поднял и отдал дочери. Дочь перестала трясти мать и стала неловко надевать шапку ей на голову. Вот тогда-то Артур и видел Астру Павловну.

Да, разница между зимней Москвой и пляжем на Адриатике огромная. И разница между той убитой горем вдовой, уронившей шапку, и этой пожилой дамой в купальнике — не меньшая!

Но как все переплелось! Жена Закурдаева оказалась здесь, и Артур ее случайно узнал. Юрий Иннокентьевич умер зимой. Пришло лето, и вдовица его безутешная поехала восстанавливаться на курорт, и внучку с собой

взяла. Жизнь ее пошла дальше, не остановилась.

И он, Артур, идет с маленьким сыном по тому же пляжу. И Артуру уже почти сорок лет, а сынок маленький. Не погибла бы Светочка, был бы и у них со Светочкой парень лет четырнадцати, а то и пятнадцати. Ах, жалко, вечная память...

Закурдаев, генеральный конструктор и полномочный хозяин государственного предприятия, обналичивал с помощью Артура бюджетные деньги, чтобы кормить своих инженеров, а заодно подкармливать и цепочку жуликов. И отец Артура, настоящий руководитель, занимался странными взаимозачетами, спасал множество обнищавших казенных предприятий, освобождал государственный бюджет от исполнения непосильных обязательств. И профессор Рязанцев создал самый современный факультет, где преподаватели брали неслыханные взятки, а потом сам же стал со взятками бороться не на жизнь, а на смерть. Все они — значительные, талантливые и честные люди, цвет нации. Таких рождается по одному на тысячу, а «пробивается» из них, наверное, только каждый

десятый. Остальные не выдерживают борьбы, «умывают руки», «зарывают свой талант в землю». Большинство талантов не в состоянии построить так свою судьбу, чтобы и талант свой раскрыть, и жить среди людей, в своей стране, по существующим правилам, гласным и негласным. Ведь ни один герой не живет на площади, ни один гений не обходится без еды, без семьи и без жилья, и никто не вечен.

Артур так увлекся своими рассуждениями, что забыл про сына. Но Ванечка шел спокойно, никуда не рвался. Да, интересный мальчик, идет, думает о чем-то... И Артур снова размечтался.

«Какое счастье, что в начале карьеры мне удалось поработать с такими людьми! Они показали мне, что реальная жизнь, с реальными... компромиссами, может быть честной и прекрасной. И реальная деятельность с неизбежным у нас жульничеством может быть нравственна и производительна. А «белые одежды» можно постирать... Надо будет в Москве навестить Рязанцева... И отцу с матерью Ваньку надо чаще подкидывать, пусть внучок побудет с такими замечательными

бабушкой и дедушкой... Что-то мы задержались со вторым ребенком. Категорически требую у жены родить мне дочку ко дню 8 марта! Назовем девочку Светланой, если жена согласится».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3	Объяснение в любви	120
Часть 1. ОБНАЛИЧКА		«Левые» работы	131
Совещание	7	Мидии	139
Ответственное поручение	18	Банкиры	153
Артур в гостях у конструкторов	28	Пуля	166
<i>Артур Калмыков</i>	35	Страх	177
Первый доклад	38	Беседа трех мужчин	
День рождения	44	в генеральских чинах	188
Катуар	52	<i>Артур Иванович Калмыков</i>	192
<i>Дом Светланы</i>	55	Неприятности	207
Разъездной вторник	63	Обида	217
Второй доклад	69	<i>Маргарита Николаевна Калмыкова,</i>	
<i>Партхозактив</i>	79	<i>мать Артура,</i>	
СКТБ «Импульс»	88	<i>жена Артура Ивановича</i>	221
Работник охраны Коновалов		Ликвидация	239
Александр Павлович	101	<i>Николай Михайлович Чистяков</i>	243
Валюта	105	Часть 2. ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ	
Подвал	111	Банк	251
Нервы	118	Старые связи	256
		Покушение	271
		Артур за границей	279
		Детектив	297
		Петр Серафимович Рязанцев	331
		Платное обучение	338
		Рассказ вдовы	356
		Последняя глава	373

Лифшиц Михаил
ОБНАЛИЧКА И ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ

Редактор *Н. М. Ильиш*
Художественный редактор *Н. В. Задорожная*
Корректор *Т. К. Щегельская*
Компьютерная вёрстка *Е. Ю. Кабаченко*

Формат 70x100/32. Усл. печ. л. 15,6.
Тираж экз. Заказ №

ЧАО «Национальный книжный проект»

03148, Киев, ул. Семьи Сосниных, 3

Свидетельство про внесение субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции
ДК № 4007 от 16.03.2011